

DREAMER

РОДНЫЕ

ПО КРОВИ

В пять лет ОН любил устраивать ей мелкие пакости, а ОНА в свою очередь обожала доносить на него родителям. В десять они не могли поделить в школе одну парту, сталкивая друг друга со стульев. В пятнадцать ОНА стала гордостью семьи и школы, выигрывала все олимпиады и приносила своим близким множество грамот и благодарностей. А ОН первый раз загремел в полицию. В двадцать ОНА уехала в другую страну, чтобы отойти от неудавшегося романа, а ОН сколотил в своём городе "банду", пытаясь выбиться в лидеры в криминальных кругах и доказать чего он стоит. Через два года ОНА вернулась обратно с красным дипломом и большими перспективами в работе, а ОН уже стал правой рукой крупного авторитета. И всё вернулось на круги своя. ОНА встретила своего бывшего мужчину. Их отношения снова постепенно стали сглаживаться. ОНА устроилась на работу в престижную фирму. ОНА была главной гордостью родителей. А ОН продолжал идти по кривой линии, ломая свою жизнь под откос, и старался, изо всех сил старался подавить в себе тайные, запретные желания по отношению к НЕЙ. Но в один вечер, в одну ночь всё изменилось. Черта, которую они не должны были перешагнуть. Страсть, которую им пришлось скрывать ото всех. Безумная дикая ревность, которая выжигала их обоих изнутри по отношению друг к другу...И любовь. Не правильная. Не такая как у всех. Но любовь. Всё это было за гранью....Всё это было за чертой допустимого. Всё это должно когда-то закончиться. Ведь они родные. Родные по крови.

В тот день всё не заладилось с самого утра. Я проспала свой вылет. Примчалась в аэропорт за двадцать минут до отправления, умудрившись порвать колготки на самом видном месте, зацепившись за какую-то железяку, и разбить в сумке дорогие духи, которые я купила маме в подарок на её, как она сама говорила, сороковое с хвостиком день рождения. Подлетев к регистрационной стойке, я начала панически объяснять всю ситуацию, мысленно уже настроившись на то, что мне придётся покупать новый билет, но оказалось, что все мои опасения и невероятная спешка были напрасными. Авиакомпания, по услугам которой у меня был заказан билет, перенесла вылет на пять часов. Услышав эту цифру, я мысленно прокрутила в голове весь наш огромный русский запас «красноречивых» слов и выражений, который за два года стажировки в Норвегии, я стала понемногу забывать. Внезапно появившееся свободное время я решила провести в полупустом и довольно уютном кафе, находившимся здесь же, в аэропорту, заказав себе чашечку горячего ароматного капучино и румяную булочку с вишней. Могу сказать, что после того, как официант опрокинул поднос с заказом на мои колени, я и поняла, что день сегодня для меня не самый удачный. Поэтому рисковать больше не стала. Мирно дождалась своего вылета в зале ожидания и без происшествий погрузилась в самолёт. А вот уже там, чёрная полоса неудач снова решила на мне отыграться. Самолёт трясло так, словно мы не по воздуху летим, а едем на каком-нибудь «тазике» по нашим родным Челябинским дорогам. Сидящая позади меня девочка лет пяти, видимо решила отыграть скуку на спинке моего кресла, ритмично вколачивая в него носочки своих ботинок. А её премилая мамочка, заняв собой сразу два пассажирских кресла, мирно посапывала себе под нос, не обращая внимания ни на выходы своей дочки, ни на громкие визги особо впечатлительных дамочек, которые руками и ногами вцеплялись в своих мужчин, когда самолёт попадал в воздушные ямы. А мне уже года три вцепиться было не в кого.

Когда самолёт приземлился на посадочной площадке, и я еле как из него выползла наружу, я, наконец, смогла вздохнуть, что называется полной грудью, наслаждаясь свежим ароматом воздуха после дождя. Люблю я пасмурную погоду. Ещё с самого детства люблю. Меня всегда гораздо больше привлекали ливни и раскаты грома, нежели жара и ужасно палящее солнце. Наверное, поэтому, осень — моё любимое время года. Только вот именно сегодня полюбившейся мне дождик пришёлся совсем некстати. Папа не смог меня встретить. У него возникла какая-то очень важная неотложная встреча. Он хотел прислать за мной машину, но я отказалась. Лучше уж я на такси. Их у аэропорта целый ряд выстроился. Отыскав взглядом наиболее приличную машину, рядом с которой курил низенький полноватый мужчина лет пятидесяти, я заранее расплатилась с ним за проезд и погрузилась внутрь автомобиля. А ещё через двадцать минут мне вернули мои деньги, высадив меня недалеко от лесопарковой полосы. Машина заглохла прямо посередине дороги. Тихо матерясь себе под нос, водитель остался дожидаться эвакуатора, а я встала возле обочины, усиленно начав вспоминать «практику» автостопа, которую неплохо изучила в Норвегии. Только Россия — это далеко не Норвегия. За час безуспешных попыток остановить хоть какую-то машину, я получила только зудящую боль в практически уже отвисшей руке и вымокшую насквозь одежду. Если так пойдёт и дальше, то мамин день рождения я буду

отмечать в своей кровати с градусником под мышкой. Мобильник как назло тоже «сдох». Положившись на великое русское «авось» я наплевала на попытки поймать машину и уселась на один из своих чемоданов. Обхватив себя руками в безуспешной попытке согреться, я подумала, что хорошо меня так, родной город встречает. Одна возле лесопарковой полосы в ужасный ливень, класс! Слава богу, что скоро отсюда уеду. Маму поздравлю, немного погощу у родителей и в Москву. Столица для меня сейчас самое лучшее пристанище. Большой выбор солидных компаний открывает большие перспективы в росте будущей карьеры. Думаю, что с красным дипломом и двумя годами стажировки за границей, мне не трудно будет устроиться в какую-нибудь фирму. Пусть даже и маленькую. Не всё сразу. Я ведь не претендую на заоблачную зарплату, квартиру в центре Москвы и дорогой автомобиль. Кто знает, может и это когда-нибудь будет, но сейчас мне важно просто как-нибудь устроиться в жизни. Найти работу, снять квартиру и влиться в обыденную атмосферу серых будней с полным отсутствием личной жизни. По крайней мере уж точно не сейчас. Одного бурного романа с не очень счастливым концом мне хватило на несколько лет вперёд.

Внезапно, я резко прервала ход своих мыслей, вскочив с чемодана. Полоса невезений моя вечная спутница? О да! Чёрт подери, да я же сейчас больше на свинью чем на человека смахиваю! В бежевом плаще с ног до головы окатанная брызгами грязи из лужи.

— Эй, малышка, извини, я кажись, скорость немного не рассчитал, — голос за моей спиной вызвал волну электрического тока прокатившегося во всём моём теле. Нет, только его сейчас не хватало! — Сестрёнка, ты чего застыла? Не признала меня что ли? Обидно. Я вот тебя и на бешеной скорости с расстояния нескольких метров разглядел. И это несмотря на то, что почитай два года не виделась. Узнал, присмотрелся, вижу, ты на чемоданах сидишь, дай думаю, остановлюсь, наверняка тебе помощь нужна. Остановился, а ты даже спасибо не сказала. Не хорошо сестрёнка, не хорошо.

Медленно, сжимая ладони в кулаки, я обернулась, с вызовом глянув на устроившегося, на байке Артура, держащего в руках мотоциклисткой шлем и с улыбкой глядя на моё медленно начинающее заплывать краской гнева лицо.

— Спасибо, — сквозь зубы процедила я, едва сдержав нецензурщину, когда улыбка парня стала ещё шире. Ну, уж нет, я до его уровня не опускаюсь!

— Погляжу, сильно я тебя заляпал, — присвистнув, усмехнулся Артур, достав из внутреннего кармана кожаной куртки маленький носовой платок. — Держи, от сердца можно сказать отрываю.

— Спасибо, но не стоит калечить из-за меня своё сердце.

Я отвернулась не в силах больше видеть этой мерзкой ухмылочки. Артур был ещё одной объективной причиной как можно скорее шуровать в Москву. Двадцать лет жизни с ним практически бок о бок стали для меня одним из самых худших кошмаров. Я даже не помнила того момента, когда начала испытывать к нему такие сильные негативные чувства. Не ненависть конечно, брат всё же, как ни как, скорее раздражение, местами даже и отвращение. Недолюбливала я его ещё с самого детства. Кажется начиная с того момента, как в садике, он оторвал голову моей любимой кукле и перекрасил её во флаг бразильской футбольной команды, начал перекидываться ею со всеми мальчишками в группе. Я до сих пор помню, как я тогда ревела в куртку папы и требовала для Артура самого жесткого наказания, а именно, оторвать его голову так же, как он сделал это с моей куклой. Но братцу как всегда всё с рук сошло. Дядя Костя хотел вроде его ремнём шугануть, но тётя Ксюша вступилась, ограничившись только «воспитательной беседой». Наверное, из-за этой

вседозволенности, и из-за того, что детей в семье моего дяди было трое: младшенькая Риточка — 5 лет, средненький Тимурчик — 8 лет, и старшенький «Артурчик» — 23 года. Понятно дело, что последнему свободы доставалось всегда больше всего. Из-за этого, наверное, и пошли все его разгулы. Уже в четырнадцать лет он со своими «друганами» разбил витрину какого-то ларька, и вынес из него кассу. Тогда его родителям удалось замять дело, ограничившись большим штрафом. А ещё через два года, только перейдя в десятый класс, он бросил школу. Аргументировав это тем, что ему просто расхотелось сидеть в душных кабинетах и слушать занудство учителей. Я тогда удивилась. По-настоящему удивилась. Нет, я всегда считала Артура немного прибабахнутым. Но чтобы учёбу под откос пустить...И ведь он, в отличие от шайки пацанов, которые постоянно за ним таскаются, далеко не глупый. У него прекрасные способности к точным наукам, которые он безжалостно пустил на ветер. Я до сих пор помню, как тогда срывал голос его отец, которого очень трудно вывести из себя. А Артура, похоже, наплевать было. Он просто взял и ушёл из дома, как только восемнадцать стукнуло. Пустился, что называется во все тяжбы. Отслужил год в армии, и понеслась жизнь его молодая...Кабаки, клубы, пьяные драки, постоянные приводы в милицию, и вечные ссоры с отцом, который бы, наверное, уже давно бы порвал с ним всякие отношения, ели бы не жена. Ну, тут понятно, мать всегда всё прощает, всегда на всё закрывает глаза. А вот я, как бы жестоко это не было, давно приписала к Артуру поговорку: «В семье не без урода». Как бы там ни было, но я с ним смирилась, до сегодняшнего дня не понимая только двух вещей: как на него вешаются девушки и на что он живёт? Если с первым ещё как-то можно было разобраться: внешность всегда делает своё дело, особенно если она не просто привлекательная, а какая-то магнетическая что ли, ужасно притягивающая, да и помимо неё, надо было признать, что у Артура и харизма имелась и чувство юмора неплохое. А вот на счёт денег, я вообще понять ничего не могла. Он нигде не учился, постоянной работы у него не было, и денег у родителей никогда не брал, считая это позорным. Зато он как-то умудрился снять трёхкомнатную квартиру в новостройке и купить новенький внедорожник. И это меня настораживало. Не хватало ещё, чтобы братец с каким-нибудь криминалом связался. Только я в его жизнь не лезла. Во-первых, мне и своих проблем хватает, а во-вторых, после того как он соблазнил, попользовался, а потом выкинул как использованный презерватив мою лучшую подругу, я старалась с ним лишний раз не встречаться и дел никаких не иметь.

— А отдых в Норвегии пошёл тебе на пользу. Хоть лицо перестало быть похожим на лимон.

— Я не отдыхала. Я проходила там стажировку по учёбе. Если ты вообще ещё помнишь это слово, — зло огрызнулась я, желая как можно скорее избавиться от общества брата.

— А вот злючка из тебя так и не выветрилась, — ещё один смешок и я была уже на грани того, чтобы не разукрасить физиономию Артурчика. — Черт, какой ливень-то сегодня. Видать, не судьба нам с тобой сейчас по душам поболтать. Нет, я, конечно, мог бы предложить подвезти тебя, но вот в чём дело, я байк буквально на днях из салона забрал, не хотелось бы его твоей попкой марать. Хотя...я же могу её отряхнуть. Повернись-ка сестрёнка.

Артур протянул ко мне руку, и я тут же хлопнула по ней ладонью со всей силы. Хотелось ещё также и по зубам ему дать, чтобы лишний раз рот не открывал, и не бесил меня своей ехидной улыбочкой.

— Слушай ты куда-то ехал? Вот и езжай дальше.

— Ехал, но как тебя увидел, сразу обо всём забыл. Даже и не помню, куда это я собирался?

— Наверняка на очередное свидание с ментами. Там тебе и место, — ухмыльнулась я и с удивлением заметила, как улыбка Артура угасла, а в глазах промелькнуло раздражение. Но это продлилось не больше чем секунду. Уже через мгновение он улыбался во весь рот, откровенно поглядывая на меня не самым родственным взглядом. Урод. Хоть бы постеснялся. Я сестра его всё-таки, пускай и двоюродная.

— Зачем так грубо, Юляшик? Я ведь помочь хочу. Ты тут хрен, когда попутку поймаешь. А сейчас не самое лучшее время для прогулок пешком, верно? — как не печально, а я была вынуждена признать, что он прав. Ещё минут пять постою под дождём и температура обеспечена. А это значит, что мне в городе придётся задержаться...А вдруг я его встречу? Нет. К такому я пока точно не готова. — Ну, так, что мадам, вы решились? Железный конь простаивает.

Артур вновь улыбнулся, и мне показалось, что на этот раз его улыбка была другой...Более искренней что ли, без привычного для Артура ехидства.

— Нет, спасибо. Я обожду.

Не вызывал у меня брат никаких положительных чувств. И лишний раз находится в его обществе, мне не хотелось. Лучше уж постою. Плевать, пускай заболелю. Полежу дома несколько деньков, нигде не светясь, а потом в Москву сразу. Никто даже не узнает, что я домой заезжала...Да и не будет он меня искать...

— Что, брезгуешь? — как-то странно усмехнулся брат, и в его глазах зажглись искорки ненависти. Я вопроса толком не поняла. Что значит брезгую? Он, что помидор стухший, чтобы я им брезговала? Просто неприятно мне его общество, и всё тут.

— Не люблю кататься на мотоциклах, — и не соврала вовсе. Действительно я байки недолюбливала.

Я вздрогнула, когда прозвучали первые раскаты грома. Чёрт, чувствую, окатит меня сейчас по-полной. А может и в самом деле не дурить? Ну, какую я, правда, сейчас машину поймаю?

— Ну-ну, — недоверчиво хмыкнул Артур и уже через секунду меня оглушил рык его «железного зверя», а ещё через две, братец скрылся из моего поле зрения вместе со своим байком. Чёрт, он что серьёзно уехал? Блин, довыпендривалась. Не успела я хорошенько себя обругать, как с диким визгом мимо меня промчался байк Артура и затормозил буквально в двух сантиметрах от резко свернувшего на обочину джипа. Я почувствовала, как моё сердце с бешеной скоростью забилося где-то в горле. Чёрт, он что ненормальный? Из-за него только что авария не случилась! Господи, он ведь сам мог разбиться! Нет, ну точно безумец.

Артур спрыгнул с байка и подошёл к джипу. Постучал в окошко водителя. Пару минут с кем-то о чём-то разговаривал. А потом неспешным шагом направился ко мне.

— На такой тачке надеюсь, ты не побрезгуешь? — его глаза пылали в водовороте совершенно непонятным мне чувств. Чёрт, он что серьёзно? Он ведь чуть аварию только что не устроил, а судя по его поведению, ему вообще на это наплевать.

— Ты ненормальный.

— Бунтарь.

— Что? — не поняла я, вздрогнув от внезапно прострелившего моё тело ледяного холодка. Чёрт, завтра точно без температуры не обойдусь.

— Иди в машину, замёрзла вон вся. До дома доставят меньше чем за двадцать минут. Не

бойсь, не обидит никто, а если обидит, кишки выдру и сожрать заставлю, — на полном серьёзе сказал брат, и мне стало не по себе и от его голоса и от его взгляда. А ведь в чём-то он всё-таки изменился... Никогда раньше я не видела в его глазах столько жестокости. — Давай садись в машину. Тебе болеть сейчас не к чему. Слышал, в Москву намылилась? Удачной дороги.

— А ты не пойдёшь на мамин день рождения? — зачем-то спросила я, когда он залез на свой мотоцикл.

— Меня никто не приглашал, — хмуро отозвался Артур и уже через секунду скрылся из моего поле зрения.

* * *

Затормозив возле своего дома, Артур спрыгнул с байка. Пошарив в кармане кожанки, парень злобно ругнулся, не обнаружив там сигарет. Курить хотелось жуть. Паршивый день сегодня вышел. Утром в «догонялки» с ментами побегать пришлось. Запалили мусора, и не на хрени какой-то, а конкретно так, Артура с его братвой за яйца взяли. Резвый, сука, обложался. Поперек правил пошёл. Говорили ему, чтоб тачки только проверенные сбывал, итак в последнее время, менты им плотно на хвост присели. А он урод, БМВшку у депутата какого стрельнул. Такой кипишь, подняли, еле ноги унести удалось. Двух пацанов ментовских шмальнули. Теперь так просто не отделаешься. Придётся эту мразь Звенецкого крышовать, чтоб дело не заводил. Да ну и хрен с ним, с Звенецким, он хоть и ментяра жадный, а своё дело знает. Если в какую передрыгу попадут, этот жлоб башкой землю пробьёт, но их отмажет. А вот с Бесом дела иначе обстоят. Он с Шаповалом уже договорился насчёт партии тачек, которую Артур лично должен был на станцию подогнать. Никому кроме Бунтаря Шаповал не доверял перевозку особо важной партии. Артуру это льстило, бесспорно, только привык Бунтарь себе место делами выбивать. Ни разу ещё не было таких проколов. А сегодня, вся партия под косяк из-за одной единственной тачилы. Резвый, сволочь, убить бы его на хрен, если Шаповал его уже не уложил по-тихому. Он то уж точно сто пудов знает и об утренней облаве, и о перехвате всей партии. Теперь одно из двух остаётся: либо деньги Бесу возвращать, за уже уплаченную партию, либо тачки обратно выбивать. И за то, и за другое, Шаповал по башке настучит, и ладно если только настучит, а то ведь и понизить может, будет Артур в шестёрках у своих же пацанов бегать. Бля! Вот как теперь перед Шаповалом объясняться?

Достав из кармана завибрировавший мобильник, Артур выматерился взглянув на дисплей, и сжал ладони в кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Резвый, тебя сука, где носит? Ты чё за хрень устроил? У кого тачку, урод шмыганул? Да мне по кресту, кто и что тебе заливал. Ты эти байки Шаповалу петь собрался? В общем, пасть свою прикрой и слушай, раз у самого мозгов как у мухи говняной. Сейчас на хате Рустэма встретимся, пацанов подберём и к Шаповалу. Ты безмозглый лохотронец морду в пол уткнешь, и рот свой на замок зашьёшь, если не хочешь пулю в башку получить. Я сам это дело разрулю. Как, как, твоей задницей об гвоздодёр. Всё. Давай.

Сбросив вызов, Артур убрал мобильный обратно в карман куртки. Глянул на свой мотоцикл, и вспомнил, как ещё полчаса назад чуть не врезался в какую-то девятку, вставшую посередине дороги без предупреждающего знака. Сбавил скорость, хотел на водителе

«тазике» накопившуюся злость отбить, а взгляд сам собой упал влево, на обочину дороги. Только вместо осыпавшихся кустов Артур увидел стройные девичьи ноги, затянутые в тонкий капрон чулка. Увидел, и почувствовал, как в горле всё к чертям пересохло. А дальше взгляд сам собой вверх пополз. И откуда, только такие красотки на их дорогах взялись? Бежевый, явно эксклюзивный плащ, доходил куколке до середины колен, открывая соблазнительный вид на ноги. Красивые ноги, сильные стройные. Артур как их увидел, сразу почувствовал, как требовательно заныло в паху от дикого, первобытного желания. Словно он лет пять не трахался вовсе. В горле дико драть начало, когда девчонка поддрагивающими пальцами перекинула свои длиннющие светло-русые волосы на бок, открыв вид на тонкую, соблазнительную шейку, украшенную золотой подвеской. Артур ещё не видел её лица, а уже представлял, как сегодня ночью будет драть её как самую последнюю сучку. Да она, небось, и есть сучка. Вон одежда вся из бутиков, а сама сидит на обочине дороги и машины ловит, удивительно, что до него, ещё никто не остановился. Может цену больно большую заламывает? Так он за такую хоть весь кошелёк свой вышибет. Давно позабыв о водителе «девятки», Артур сбавил скорость, свернув к обочине, и тут же резко затормозил, обрызгав девушку грязью из лужи. Хотя его мало тогда волновало, что он испортил девчонке одежду. Парень титаническим трудом сдерживал так и рвущийся из него мат. Когда он только собирался остановиться возле девчонки и спросить, сколько та берёт за ночь, белокурая красавица, словно почувствовав на себя его взгляд, резко обернулась, и Артур чуть не врезался в дерево на своём же мотоцикле. Мать его... Обнимая себя за хрупкие плечи, девчонка раскачивалась на каком-то чемодане пытаюсь согреться, а он не мог поверить, что всё это происходит на самом деле. Неужели совсем уже шибанулся? Последние моральные устои потерял? Это ж Юлька, сеструха его, на этой самой обочине сидела и тачки ловила, и уж наверняка совсем не для того, о чём Артур подумал. Но какого лешего она здесь забыла? Два года ведь как в Норвегию укатила. Артура только тогда шибануло, что мама, говорила ему о приезде Юльки. Она же вроде на день рождения своей матери прилетела, и потом сразу должна в Москву укатить. Но чёрт подери, как она изменилась! Раньше была такой хрупкой, маленькой и нежной, Артур вообще старался с ней лишней раз не сталкиваться, боялся, заденет её случайно, так та и рассыплется, а сейчас, фору всем Московским девкам даст. Оделась так, будто не на день рождения матери прилетела, а на красную дорожку намылилась. А уж как нарядилась...неудивительно, что у Артура сразу всё тело заныло, как только её увидел. А как только голос услышал, так все мозги сразу вышибло, искры из глаз посыпались, и в паху заныло так, словно баб вообще никогда не видел. Слушал, как она говорит ему что-то, огрызается, а сам мысленно извращенцем себя называл и гнал, куда подальше чёртовы запретные желания по отношению к ней. Совсем, наверное, с этой суматохой свихнулся. Вот разберётся с Шаповалом и к Ольке поедет. С ней часок проведёшь, так потом всё тело болит. Атас девка. В постели огонь. Только стоило Артуру случайно бросить взгляд на пухлые сочные губы, по которым стекали капельки дождя, как мысли опять вскачь понеслись. С силой сцепив пальцы на руле, он выmaterил себя самыми последними словами. Не хватало ещё, чтобы сестра ему в эротических снах снилась. Глубоко задышал, мысленно заставив себя успокоиться и не глядя на Юлю, предложил подвезти её до дома. Честно говоря, предложение было чисто для галочки, не думал Артур, что Юлька отнекиваться начнёт, да ещё и таким тоном, словно он нищий побирашка, который просит у неё милостыню. От кого от кого он мог этого ожидать, но уж точно не от неё. Хотя чем она собственно отличается от своей семейки? Такая же правильная умница, первая во всех своих

начинаниях и извечная гордость родителей, которая смотрит на него свысока. Будто он муха ничтожная. Урожай второсортный. Артуру это так в кровь вьелось, что он с силой стиснул челюсти и рванул на мотоцикле по размытой дороге. Она что думала, он её уговаривать будет? Хрен там. Он в институтах элитных, конечно не учился и на корпоративах своего отца не светится, только никому не позволит обращаться с собой как с ничтожеством. Он тоже первый в своём деле. Деле, в котором ему нравится, в котором ему интересно. А если это не устраивает других, так ему насрать. Он ни под кого перестраиваться не будет. Только вот Артур всё равно почему-то вернулся назад за этой прижавшей ручки к груди девчонке. На бешеной скорости развернул мотоцикл и затормозил его в несколько сантиметрах от резко свернувшего джипа. Артур не помнил точно, какие чувства им двигали, когда он начал угрожать водителю машины. Именно угрожать. Не вежливо просить подвести девушку и предлагать за это деньги, а на страх давить, угрозами идти. Артур привык так дела решать. Не любил он кого-то уговаривать. Ему бы кулаки в ход пустить. Не раз за это от Шаповала получал, а перестроиться не мог. Водитель джипа оказался мужик лет сорока, превосходящий Артура по физической подготовке. Странно, что не послал его куда подальше или сам морду за хамство не начистил. Мужик только посмотрел в сторону Юльки и молча, кивнул. Даже слово против не сказал. Сейчас Артура это насторожило, а тогда у него внутри всё кипело. Предупредил, что если хоть пальцем тронет, он ему эти пальцы переломает, и компот из них сварит. Стараясь не смотреть на сестру, сказал, чтоб в машину залезала, а сам на бешеной скорости помчался к дому.

Загнав мотоцикл в гараж, Артур переместился в свой новенький внедорожник, и, постаравшись отогнать от себя мысли о сестре рванул к Рустэму. Первым делом нужно партию вернуть. Не то Шаповалов из него сам пирог испечёт. Ну а девушки, а девушки потом, и уж точно не Юлька.

* * *

Стоя на обочине размытой ливнем дороге, я ещё несколько минут смотрела вслед умчавшегося мотоцикла. Всё-таки Артур слетел с последних катушек. Он всегда был безбашенным. В школе от него все учителя стонали. Он не дружил ни с одним из нормальных ребят, наверное, потому что те просто его боялись. Он ведь чуть что, сразу кулаки в ход пускал. Нормальная речь — для него вообще неизвестное понятие. Но сегодня он превзошёл сам себя. А если бы водитель джипа не успел свернуть? Если бы случилась авария? Кто-нибудь пострадал? Ему что и без того проблем мало? Нет, ну точно ненормальный.

Вздвогнув от холода, я обхватила себя руками, обернувшись к стоящему позади меня джипу. Удивительно, что человек, который в нём сидел всё ещё ждал меня. Интересно, Артур его чем-нибудь запугал? Ответ напрашивался сам собой. Конечно, запугал. Мой братец не умеет обращаться с людьми по-другому. Угрозы, кулаки, драки — его вечный удел. Придётся мне снова окунуться в глубокое детство. Артурчик накосячил, Юляша убирает за ним следы. Правда, лет десять назад, он давал мне за это шоколадки или добывал игрушки, которые родители отказывались мне покупать за ту или иную шалость. Просто так помогать в чём-то братцу мне не особо хотелось. Да и сейчас, если бы я не продрогла до нитки, и поблизости бы нашлось место, откуда я бы смогла позвонить, ожидающий меня

под дождём чёрный джип можно было бы отпустить с чистой совестью, предварительно извинившись перед его владельцем. Но сейчас у меня не было возможности позволить себе такую «роскошь». Если ещё минут пять постою под таким ледяным ветром, то ближайшие несколько дней придётся глотать лекарства в повышенных дозах. Поэтому постучавшись в окошко дверцы, напротив водительского места, я, с риском для себя залезла в машину к незнакомому человеку. Стёкла джипа были тонированы, и рассмотреть того, кто сидит за рулём этой «громилы» я, к сожалению, не смогла.

— Привет, стрекоза.

Я вздрогнула. Замерла. На несколько долей секунд забыла, как надо дышать. Сердце, только-только восстановившее обычный ритм забилось с такой силой, словно я на не сгибающихся ногах убегала от жестокого убийцы. Хотя сейчас я действительно чем-то смахивала на загнанную в угол жертву. Этот голос, этот дьявольский голос я не спутаю ни с чьим другим. Два года я выдирала его из своего сердца, пачкая душу кровавыми слезами, и в полном одиночестве задыхалась длинными ночами от жалостных всхлипов. И сейчас этот самый голос въелся мне под кожу, вывернув наружу все чувства и воспоминания, которые я столько времени пыталась выжечь из себя.

— Я скучал по тебе.

Резко дёрнувшись, я дрожащими, покрывшимися капельками пота пальцами вцепилась в ручку дверцы, и попыталась вылезти из автомобиля. Никакого результата. Дверца не поддавалась. Попыталась ещё раз, а потом ещё и ещё, всё без толку. Двери заблокированы. Дьявол. Вот теперь всё. Я в ловушке.

— Пытаешь сбежать? — усмешка, сорвавшаяся с его губ, прострелила каждую клеточку моего тела. Я знала, нет, я чувствовала, что он смотрит на меня. Нагло смотрит. Порабощающее. Проникая под толстые слои одежды. Смотрит так же, как и смотрел в нашу первую встречу. В тот самый день, который я навсегда прокляла в своей жизни. — Больше не получится. Я не позволю.

— Выпусти, — тело колотила такая адская волна дрожи, что я еле смогла выдавить из себя одно жалкое слово, которое прозвучало больше как мольба, нежели как приказ. — Выпусти меня немедленно. Я буду кричать!

Это прозвучало ещё более жалко, чем моя первая «просьба». Кому я к чёрту сейчас понадобилась? Здесь. На размытой дороге. В ужасный ливень. Да ещё и в шесть часов вечера. Словно в подтверждение моих мыслей, Борис криво усмехнулся:

— Давай кричи. Посмотрим, кто и как скоро придёт тебе на помощь. Если вообще придёт.

Дьявол вот это тупик. Это настоящий тупик и жестокая шутка моей остервеневшей жизни. Я встретила мужчину, от которого два года пряталась в другой стране, в первый же день своего возвращения домой. В первый и возможно последний. Ведь если бы ни мамин день рождения, я бы, скорее всего сразу взяла билет до Москвы.

Я подняла голову, исподтишка взглянув на Бориса, и невольно вздрогнула. Похоже, он злится. Нет, он точно злится. И причём сильно. На, что? На то, что ушла от него, или на то, что зарядила пощёчину при всех его сотрудниках? Так и то и другое были сделаны, совершенно оправдано. Весь год, что мы были вместе, я смотрела ему в рот и всячески пыталась сократить количество наших ссор к минимуму. Как выяснилось зря. Теперь, после всего того, что случилось, он не имеет никаких прав, что-либо мне предъявлять. На этот раз привилегии включать ярость и злость перешли ко мне.

— Что тебе нужно? — мой голос дрожал. Я старалась держаться увереннее, но это было невозможным, когда он находился так близко.

Слёзы, мольбы, истерики — ко всему этому Борис был абсолютно равнодушен. Единственный способ избавиться от него раз и навсегда — это просто поговорить. Пускай спустя два года. Пускай после того как я дала ему пощёчину прямо на корпоративе, где он представлял свой проект, который планировал отправить в Европу. Но нам нужно поговорить. И, похоже, прямо сейчас.

— Чёрт, малышка, ты вся продрогла. Долго сигналила? — не обращая внимания на моё сопротивление, Борис накинул мне на плечи свой плащ. В ноздри тут же вьелся горьковатый аромат мужского одеколona. Потрясающий аромат. Притягивающий, завораживающий. Можно сказать, что благодаря этому аромату и произошло наше знакомство. Я прикрыла глаза, постаралась прислушаться к себе. Какие-то совсем далёкие чувства, спрятанные в глубине моей души, всплыли на поверхность, но это были уже не те искры, которые сыпались из моих глаз, всякий раз, когда я находилась рядом с ним. Моё тело уже не пробивала дрожь удовольствия, как это было раньше. За два года чувства притупились. Пускай и не угасли окончательно, но они уже не так обостренны. И это прибавило мне уверенности.

— Что вам нужно? — повторила я, уже более-менее спокойным голосом.

— Вау, мы уже на «вы» перешли, — ухмыльнулся Волконский, и мне удалось уловить в его голосе нотки злости.

— А к взрослым дяденькам и обращение подобающее.

Чувство триумфа затопила меня с головой, когда Борис с силой сжал пальцы на руле. Да милый, я всё ещё помню, как ты злился, когда я упоминала нашу разницу в возрасте. И, похоже, именно сейчас я нащупала твоё слабое местечко. Злость. Тебя легко вывести из себя. Это я тоже хорошо помню. Только никогда раньше я не пыталась даже слово тебе поперёк горла сказать, ни то, что уж, довести до ручки. Что ж, похоже, сейчас самое время начать. Я покажу тебе Боря, какой стервой могу быть.

Повернув ключ, Волконский нажал на педаль газа, и чёрный джип рванул с места.

— Когда ты приехала?

— Не твоё дело.

— Почему не сообщила, что вернулась? Мы, что чужие друг другу люди?

— Я боялась тебе позвонить, — усмехнувшись, я прижалась щекой к холодному стеклу. Мимо меня мелькали такие знакомые мне картинки моего, когда-то так любимого мне города. Теперь всё изменилось. Всё стало каким-то чужим, каким-то далёким. Вроде бы те же здания, те же улицы, тот же мужчина, который выдернул меня из моего серого мирка, сидит рядом со мной, а всё равно всё стало другим. Все здания кажутся блёклыми. Улицы так быстро сменяются между собой, что я даже не успеваю их уловить. А чувства к мужчине, который сейчас сидит рядом и уверенно, как и всё, что он делает в своей жизни, ведёт автомобиль, стали холодными и далёкими. Теперь я бы всё отдала, чтобы снова вернуться в свой серый скучный мирок. А лучше, чтобы вообще никогда из него не вылезать.

— Боялась позвонить? — кажется, Борис и в самом деле не понимал, к чему я клоню.

— А вдруг бы жена трубку взяла. Кстати, как она поживает?

Я видела, как проступили желваки на его скулах, как побледневшие пальцы с силой сжались на руле, как затуманился от гнева его взгляд. Так-то милый. А ты думал, что я осталась всё той же безропотной дурочкой, которая наивно верит каждому твоему слову?

Нет родной. Я изменилась. И ты даже не представляешь, до какой степени.

— Мы подали на развод две недели назад.

Я резко перевела на него взгляд, несколько минут не отрываясь, смотря в его глаза. Мне было интересно, правда это или очередная лож, которой он закармливал меня на завтраки, обеды и жаркие ночи. Хотя, какое мне дело. Пускай разводится. Я даже рада за его Ангелину. Уверенна, она достойна лучшего, чем мужчину, который изменял ей со смазливой малолеткой. Да, как говорила Полюша, я ужасно самокритична.

— Рада за твою жену. Кстати если не секрет, что послужило причиной расставания? Ты нашёл себе новую малолетку и на этот раз Ангелина обо всём узнала?

Я даже испугалась, когда Борис шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Кажется, я его довела. Он был на грани. Наверняка, из последних сил сдерживался, чтобы не ударить меня. Вот и замечательно. Чем быстрее он поймёт, что я больше не его домашняя мышка, тем быстрее я смогу от него отвязаться.

— С каких пор ты стала такой стервой?

— С тех самых, как встретила тебя.

Борис с силой сцепил пальцы на руле, но промолчал. И всю остальную дорогу, к счастью, не делал попыток заговорить.

— Ты помнишь, где я живу? Польщена, — протянув ему его плащ обратно, я отстегнула ремень безопасности.

— Я об этом и не забывал, — тихо произнёс он, и вдруг резко схватил меня за запястье. По телу моментально прошла предательская волна дрожи. Дьявол. Значит всё-таки ещё, что-то осталось. Пускай, у меня уже не перехватывает дыхание от его прикосновений и тело не пробивает волна дрожи, но какие-то чувства, ещё теплятся в моей душе. И среди них не только ненависть. Это плохо. Очень плохо. Нужно от них избавиться. Пока они не обострились как раньше. Пока я могу их контролировать. — Юля, мы тогда толком не поговорили. Я так и не успел тебе ничего объяснить. Тебе не кажется, что нам надо встретиться и расставить все точки над «и»?

— Нет, не, кажется.

— Я прошу только об одной встрече, — на этот раз Борис смотрел прямо мне в глаза. Так, чтобы я могла видеть, какие мысли сейчас вертятся у него в голове. Вроде не врал. Что ж замечательно. Это оказалось ещё проще, чем я думала. Если после одной единственной встречи он оставит меня в покое, я, наконец, смогу начать жить нормальной жизнью.

— Где и когда?

— Завтра в пять часов вечера в нашем ресторане.

— Хорошо.

Потянувшись к его дверце, я не обращая внимания на то, как он напрягся всем телом, сняла блокировку и выскочила из машины. К тому времени, как я забежала на крыльцо, и чуть привела в порядок безобразие, которое творилось на моей голове, джипа уже не было на стоянке. Как и моего чемодана. Только сейчас я вспомнила, что все свои вещи оставила на той злополучной обочине дороге. Твою мать. Ну, что сказать — WELCOM TO RUSSIA.

Только я уже собиралась, наконец-то, зайти в подъезд родного дома, как ливень переглушил рёв подъехавшего мотоцикла, с которого уже через несколько секунд спрыгнул Артур и направился ко мне. Что он здесь делает? Неужели решил всё-таки прийти? Странно. На моей памяти он уже лет восемь не появлялся на семейных праздниках. Исключением всегда было только день рождения его мамы.

— Юля, — остановившись в нескольких шагах от меня, прокашлявшись в ладонь, довольно хрипло произнёс Артур. — Скажи ты, когда планируешь уезжать в Москву?

— Пока не знаю. Скорее всего, не раньше конца недели, а то и вовсе на следующей.

Я облокотилась о подъездную дверь, пытаюсь, понять, что именно меня так насторожило в Артуре. То ли его сиплый голос, то ли разбитые губы и порез на шее. Ещё полчаса назад этого не было. Когда он успел подрасться? Решив всё-таки проявить хоть какой-то интерес к жизни брата, я собиралась спросить его об этом, но из подъезда вышел какой-то мужчина, и меня резко качнуло вперёд так, что уже через секунду я оказалась на бурно вздымающейся груди Артура. Наверное, я бы не удержалась на ногах и шмякнулась на землю, но брат, настолько сильно сжал пальцы на моей талии, что казалось, я даже чувствовала их под толстыми слоями одежды. На секунду я смутилась. Сильно смутилась. Артур...его взгляд был прикован к моим губам. В какой-то миг мне даже показалось, что он смотрит на меня ни как на сестру, а как на...женщину. Эту бредовую мысль я вычеркнула из головы сразу. Тихо промямлив, что-то вроде «извини», я попыталась высвободиться, и Артур тут же разжал руки. Он сразу отвёл взгляд в сторону, но чёрт, наверное, мне показалось, или с его губ, правда, сорвался хриплый вздох?

— Мне нужна твоя помощь. Срочно, — сипло произнёс Артур, и меня шибануло от его голоса. Что с ним происходит?

— Я не могу сейчас. Итак, уже пол праздника прошло.

— Можно и завтра. Ты свободна...вечером? — последнее слово он произнёс с заминкой и одновременно как-то слишком быстро, будто он принял решение встретиться со мной вечером совершенно спонтанно. Честно сказать, если сравнивать Артура, которого я встретила на дороге, и того который сейчас стоит передо мной, то мне наверное, ближе второй. И хотя сейчас брат не хамит и не отпускает колкостей...он меня пугает. Да и если уже совсем говорить по правде Артур пугал меня всегда. Он слишком непредсказуемый. Никогда нельзя угадать, о чём он думает, что сделает всего лишь через секунду.

— Нет. Как раз вечером я занята.

Взгляд Артура резко изменился. Нотки неуверенности сменились искрами ярости. Вот она его непредсказуемость. Ещё секунду назад он был так не уверен в себе, а сейчас в нём всё бурлит от ярости. И главное почему? Что я такого сказала? Разве я не могу быть занята вечером? Он точно ненормальный.

— И чем же? — усмехнулся парень, и эта усмешка вновь вызвала во мне волну неприязни.

— Встречаюсь с одним человеком.

— Ммм, с каким?

Может у меня и глюки, но Артур сейчас больше походил не на моего брата, а на ревнивого мужа. Нет, нужно как можно скорее свистать в Москву. В этом дурдоме нельзя долго оставаться.

— Не слишком много вопросов, Самсонов?

— Волнуюсь о своей сестрёнке, Самсонова, — усмехнулся Артур и вдруг резко схватил меня за локоть, рванув на себя. Кажется, в этот момент все мои чувства взорвались и перемешались между собой одновременно. Какого дьявола он делает? — А вдруг, этот твой человек окажется маньяком, — сжав пальцы на моей талии, выдохнул мне в шею Артур, и я, наконец, поняла, в чём именно причина его столь странного поведения. Он пьян. Вроде не сильно. Но бутылку пива точно пригубил. А Артур в сочетании даже с малой дозой алкоголя

— самое взрывоопасное вещество, которое есть на планете.

Собрав в себе все силы, я резко оттолкнула его от себя.

— Проспись сначала, и не смей появляться мне на глаза в таком виде.

— Тебе не нравится, когда я пьяный? — загородив собой проход к двери, пьяно усмехнулся Артур. Случайно я встретилась глазами с его взглядом, и вздрогнула. Он смотрел на меня... дьявол, вот сейчас я точно могла поручиться, что он смотрел на меня ни как на сестру! — А трезвый я тебе нравлюсь?

— Ты мне отвратителен в любом виде.

С трудом увернувшись от объятий, я еле как смогла проскользнуть к двери.

— Я найду за тобой завтра, часикам к двенадцати, — прозвучало так, будто моего мнения он не спрашивал и вовсе.

— Я никуда с тобой не пойду. Не знаю, во что ты вляпался, но разбирайся в своих проблемах сам.

— Я найду за тобой в двенадцать, Юля. А если ты не сможешь утром, я освобожу тебе время вечером. Просто уберу того человечка, с которым ты собиралась встретиться, — вот это уже прозвучало как угроза. Как самая настоящая угроза. Неужели Артур, правда, способен на, что-то такое? Судя по взгляду, по его дикому горящему взгляду, способен. — В двенадцать.

Я нарезала салаты, в то время как мама вместе с тётёй Ксюшей примеряли «утягивающие» платья. Хотя утягивать им собственно было нечего. И моя мама, и моя тётя были ещё теми худышками. Как бы странно это ни было, но к своим годам они сохранили всю свою девичью красоту, точёные фигурки, и прилагающиеся к ним по правилу целую тонну загонов. «Мира погляди, как я смотрюсь в этих джинсах? Они меня полнят? А попа не кажется слишком широкой?» — даже мы с Полюшкой, несмотря на то, что под нами все весы выходили из строя, не тряслись так над своими килограммами. Хотя моя мамуля, как, наверное, и любая женщина на этой вселенной, хоть чуть ли и не рыдала, когда смотрела на себя в зеркало, всё равно активно уплетала всякую вредную, сумасшедше калорийную, но всё-таки безумно вкусную гадость. Сочувствовала я во время её коротких, но ужасно изматывающих диет, только папе, которому несмотря, ни на что, всё-таки удавалось стойко переносить мамины истерики. Да и вообще за свои двадцать два года я не перестаю удивляться, как папа ещё не загремел в психиатрическую клинику, с такой женой и дочерью. То мама разобьёт о какой-нибудь столб его дорогущую машину, которую он всего лишь несколько дней назад забрал из автосалона. То я, «случайно» проходя мимо какого-нибудь ювелирного салона, не удержусь, и спишу кругленькую сумму с его карточки. А уж историю, о том, как папа решил покурить в туалете, я вообще никогда не забуду. Было это, если мне не изменяет память лет восемь назад. Родители тогда разругались в пух и прах. Мама хотела воспользоваться услугами пластической хирургии, морщинки разгладить, личико подкорректировать. Папа тогда сказал своё твёрдое мужское «нет». Мол, во-первых, он любит её такой, какая она есть, и менять ей ничего не нужно, а во вторых, это опасно. Мало ли, что произойти может. И хотя мама всегда умела в нужных ситуациях «подлизаться» к мужу, в тот раз у неё ничего не вышло. Они тогда, насколько я помню, две недели друг с другом не разговаривали. До того самого дня, как папа в больницу не загремел. А произошло всё так. Как говорил мой учитель физкультуры, женщины делятся на два типа: красивые и умные. Если верить его убеждениям, то моя мама была красивой, ну просто

сногшибательной Клеопатрой. Когда мы въехали в новую квартиру нам от прежних хозяев достался целый бутыль ацетона. Мама от него сразу захотела избавиться. Вместо того, чтобы плотно закрутить крышку и выбросить ненужный контейнер в мусоропровод, мама слила всю жидкость в унитаз. Какие действия должны были обязательно за этим последовать? Правильно, мама должна была прикрыть крышечку унитаза и слить ацетон. Но вот незадача, по телевизору начался любимый сериал, а разве можно думать о какой-то «бытовухе», когда решается, останется ли Хуанита с Педрито? В общем, где-то через полчаса папа вернулся с работы. По привычке поцеловал меня в щёчку, и демонстративно прошёл мимо мамы, не поздоровавшись. Переоделся в домашнее, сел в кресло напротив телевизора, и, закулив свои любимые сигареты, переключил мамин сериал на футбол, за что тут же получил от жены нагоняй и был выгнан курить на балкон. На балкон папа, конечно не пошёл. Он у нас тогда ещё не застеклённый был, а на улице висела минусовая температура. Пришлось ему идти в туалет. Дальше повествование пойдёт уже от слов непосредственного пострадавшего во всей этой истории, то есть от папы. *Зашёл я значит в туалет, мысленно матернулся на Мирку, потёр ушибленное плечо, сел на унитаз и потянулся за сигаретой. Сделав последнюю затяжку, подумал, что пора бы заканчивать эту глупую войну. Жену всё равно переспорить невозможно. Лучше уж первым пойти на перемирие. Нервы целее будут. Собралшись с духом, решил идти мириться с благоверной. Но перед этим, нужно было сигарету потушить. Пепельницы не было, зато подо мной был унитаз. Сбросил туда бычок...и через секунду очутился уже в воздухе. Ну, а потом, первый раз за долгое время нашей совместной жизни, любимая первая пошла на примирение. Извинялась она с опущенными в пол глазами, когда я лежал на больничной койке с обгорелой задницей, а за дверьми моей палаты дико угорали все мои друзья*. Ну думаю, теперь понятно, как папе нелегко с двумя, немного прибабахнутыми женщинами в доме. Им бы с мамой второго ребёнка нужно было завести. Желательно мальчика. Тогда бы хоть силы на женских и мужских фронтах уравнились. Но я в семье была единственным ребенком. Как-то я попыталась спросить у родителей, почему они не сходят мне за братиком, но ответа так толком и не получила. Зато в тот же день тётя Ксюша подозвала меня к себе и попросила никогда больше не задавать родителям этого вопроса. Она сказала, что маме очень тяжело дались роды, и вторая беременность была бы опасна для её здоровья. Хоть мне тогда и было лет четырнадцать, я уже отлично понимала, когда мне врут, а когда говорят правду. Тётя Ксюша тогда может, и не обманывала, но что-то явно недоговаривала. А что именно, я выяснять не стала, потому что итак прекрасно догадывалась. Наверное, родители просто опасались, что второй ребёнок родится таким же как я. Таким же больным. И их опасения можно было понять. В какой-то степени я была не столь гордостью, сколько обузой для родителей. Если бы не надо было водить меня по больницам и следить за тем как я принимаю все эти чёртовы лекарства, мама бы смогла получить высшее образование и работать по специальности. Если бы не надо было платить за дорогостоящие препараты и частные клиники, отец бы давным-давно расширил свой бизнес. Да и для меня собой, эта чёртова болезнь была далеко не подарком. Из школы пришлось уйти после девятого класса. После того, как у меня случился приступ прямо на уроке английского, родители настояли на том, чтобы я забрала документы. Перешла в колледж на заочку, правда, к счастью, на уровне моего обучения это никак не сказалось. Родители позаботились, чтобы со мной занимались лучшие репетиторы. Поэтому в институт я поступила без особых проблем, да ещё и на бюджет. Но после того как я рассталась с Борисом, я уговорила родителей отправить меня за границу. Мол, мир хочу посмотреть. Да и

к тому же в Норвегии, как раз в том городе, где располагался мой вуз, был отличный лечебный пансионат. В общем, с горем пополам, но мне всё-таки удалось уломать родителей отпустить меня в другую страну.

— Юль, ты какая-то слишком задумчивая. С тех пор, как я последний раз приезжала к тебе, прошло уже больше полугода. Я думала, сегодня нас никому не удастся заткнуть, а ты всё молчишь и молчишь. Даже, наверное, не слышишь, о чём я тебе говорю. Сомик, случилось, что-то, о чём я не знаю?

Отложив ножик в сторону, я мысленно несколько раз обругала себя. Вот что значит два года, практически полного одиночества. В Норвегии я особо ни с кем не общалась, и привыкла подолгу занимать своё свободное время рассуждениями «о вечном». Только сейчас от этой привычки нужно избавляться. Я ведь даже забыла, о том, что за моей спиной стоит моя лучшая подруга, с которой мы почитай, уже месяцев шесть не виделись. И как теперь всё объяснять Полюшке? Она ведь всегда была очень проницательной. Врать бесполезно, а сказать правду тоже не вариант. Когда мы виделись в прошлый раз, её шарахало только от одного имени «Артур». И вот какого чёрта она с ним связалась? Сколько раз я предупреждала её, что мой братец — это худшее существо мужского пола, которое только есть на нашей планете. Но, чёрт побери, все мои попытки всегда сводились к нулю, всякий раз, когда Артур проходил мимо нас, подмигивая наивной и в то время до одури влюблённой Полюшке. А я никогда не могла понять, чем же он подкупал всех девчонок. Взять хотя бы нашу школу. По нему же не только старшеклассницы сохли, на него даже некоторые практикантки заглядывались. А чем он так хорош? Постоянно норовил кому-нибудь морду разукрасить, курил на каждой перемене, хамил всем учителям. Однажды кальян в школу притащил. Постоянно кичился своей крутизной, непонятно откуда взявшимися деньгами. Он лет с четырнадцати девок по койкам таскал. Только на всех этих девок мне было глубоко наплевать. А вот то, как он довел Полину до нервного срыва, я ему никогда не забуду. И завтра ни на какую встречу я с ним не пойду. Он, чёрт побери, что действительно думает, что я его боюсь? Пусть свой шантаж засунет себе глубоко в задницу. Я не его «шестёрка», которая с высунутым языком готова каждую его прихоть исполнять.

— Я Волконского встретила.

Созналась с трудом, но сразу почувствовала, как от сердца отлегло. О моём неудавшемся романе знали только мама и Полюшка. А соответственно душу я могла излить только им.

— Да ладно? Бориса твоего что ли? Когда успела? Ты же только сегодня вернулась.

— Сегодня и успела. Я ведь говорила тебе, что у таксиста тачка посередине дороги заглохла. Я сигналить стала. Волконский меня и подобрал. Он же гад, как раз в том районе живёт.

— И ты молчала? Чёрт побери, Сома, ты ведь нарвёшься, я когда-нибудь тебя точно придушу. Давай говори, что было!

Такой возбуждённой я Полинку давно не видела. Усевшись на кухонный стол, подруга, давно позабыв о диете, устроила на своих коленях вазочку с печенюшками. Хотя Вершинской худеть и не нужно было. Она, конечно, была слегка полноватой, но Полинка, как раз относилась к такому типу людей, которым шла небольшая «пухлота».

— Да, ничего не было. Подвёз меня до дома, предложил завтра встретиться. Представляешь, я чемодан на дороге забыла. Придётся шофёра за ним послать, если его конечно, ещё не прибрали к рукам.

— Какого к чёрту шофёра?! Волконский предложил тебе встретиться?? — у Полины, чуть глаза на лоб не полезли. Спрыгнув со столика, Вершинская плотно прикрыла кухонную дверь и нервно метнулась обратно к холодильнику. — Я надеюсь, ты влепила ему знатную пощёчину и с гордым видом послала его в лес далёкий?

— Я согласилась на встречу. Завтра в пять часов мы встречаемся в «Мираже».

Слава богу, что я успела заткнуть уши до того, как Полина, охрипшим голосом пропищала на весь дом:

— Как согласилась? Юлька, да ведь он гад, скотина, ублюдок, кабель. Он женат, чёрт побери!

После того, как я рассказала Полине о том, что Борис меня обманывал, она возненавидела моего бывшего ещё сильнее, чем я. Женская дружба, она такая. Сначала вы вместе пишете ему милые смс-ки, и планируете, как побыстрее затащить его в загс, а потом, одна из вас рыдает в подушку, проклиная его имя, а вторая, в стельку пьяная, препирается к нему домой и расцарапывает ему морду.

— Ну, во-первых, это будет не свидание. Мы просто поговорим в неформальной обстановке. Во-вторых, Борис обещал, что после этой встречи, он больше никогда меня не побеспокоит. А, в-третьих, он вроде как разводится.

— Разводится? — ухмыльнувшись, Полинка недоверчиво «потянула» брови. — Это он тебе сказал? Да врёт опять, с него-то станется.

— Может и врёт. Меня это не интересует. Я просто хочу избавиться от него.

— Юлях, ну так для этого не обязательно с ним встречаться. Ты вообще ещё помнишь, что у меня дядька в органах работает? Я могу автомат Калашникова достать.

Я не сдержалась. Расхохоталась от всей души, крепко обняв подругу. Полина в роли терминатора — страшное зрелище.

— А если он тебя обманет? Если он снова начнёт доставать тебя?

— Тогда тётя Полина вместе с автоматом Калашникова, покажет ему кузькину мать.

— Я-то покажу, только потом, мой же дядька меня от статьи отмазывать будет.

Я снова не сдержала смешок, потрепав Полинку за пухлые щёчки. Всё-таки в одном мне в жизни повезло однозначно. Не у всех такие подруги есть. Бойкие, готовые разорвать твоего бывшего в клочья, да ещё и с крепкой печенью. А она в моменты расставания ой как нужна.

— Над чем смеёмся, хохотушки? — я завизжала, радостно запрыгала как заведённый зайчик, и бросилась на шею, незаметно подкравшемся к нам папе. Вот он — мой единственный любимый мужчина, в котором я никогда не разочаруюсь. — Юляшка, вернулась, наконец-то. Как же ты изменилась, малышка. Стала точной копией своей мамы. Ещё бы волосы в рыжий перекрасила, и я бы вас совсем различать перестал.

— Папуля, я соскучилась, я так сильно соскучилась.

Ещё крепче обняв папу за шею, я уткнулась мордочкой в его сильные плечи. От родителя пахло уже давно полюбившимся мне ароматом машинного масла. Когда от папы пахнет машинным маслом, значит, он весь день возился со своим авто в гараже. А гараж — это наше с папулей убежище. Мы всегда там от мамы прячемся, когда накосячим.

— И я соскучился моя ведьмочка. Ты не представляешь, что я пережил, пока ты была в своей Норвегии. Твоя мать, просто все мои мозги прогрызла. Я скоро в психушку с ней залечу, — папа соорудил страдальческую мордочку, и мы с Полинкой истерически захохотали. Все-таки, наверное, я всегда буду чувствовать по отношению к родителям белую зависть. Вот как можно сохранить такие свежие чувства после двадцати двух лет совместной

жизни? Просто как? Несмотря на их вечные склочки, я всё равно считала своих родителей, самой крепкой и счастливой парой. Они всегда друг друга поддерживали. Всегда вместе справлялись со всеми неприятностями. Никогда друг друга не предавали, в чём я была уверена на сто процентов. Отец, в принципе не смотрел в другую сторону. Он был слишком занят слезкой и вечной ревностью к маме. И это, на мой взгляд, была единственная странность в папе. Я никогда не понимала, почему он так сильно ревнует маму? Тайком просматривает её сообщения в телефонах. Не разрешает общаться с кем-либо из мужчин. Всегда очень строго следит за тем, куда и с кем она ходила. На мой взгляд, всё это было чистым паранойей. Я не помню, чтобы мама когда-нибудь давала отцу повод для ревности. Да и любит она его очень сильно. А женщины, в принципе, не изменяют тем мужчинам, в которых они влюблены.

— Ну, что пойдёмте, в гостиную? Пора поздравлять ещё одну ведьмочку с её тридцатипятилетием.

— Тридцатипятилетием? Пап, так маме ведь почти лет на десять побольше.

— Тсс, — папа, приложил указательный палец к губам, испуганно оглядевшись по сторонам. — Услышит, мы с тобой в соседних палатах лежать будем. А на твою мать дело зашьют по тяжким телесным. Полинка, твой дядька, надеюсь, отмажет мою рыжую ведьму, кошмар всей моей жизни?

— Отмажет, — усмехнулась Полинка, примазавшись к нам.

— Вот знаешь, есть всё-таки плюсы в таких ресторанах, — задумчиво произнесла Полюшка, с открытым ртом озираясь по сторонам. — С нашим-то бюджетом здесь много не поешь.

— Да мы с тобой скорее в кредиты влезем, чем от еды откажемся, — слабо отшутилась я, мысленно приказывая себе успокоиться. Может всё-таки это была не самая лучшая идея согласиться с Борисом на встречу? А, если Полина права и он потом от меня не отвяжется? Я снова нервно глянула на циферблат часов. Двадцать минут шестого. Странно. Борис на моей памяти, ещё никогда не опаздывал на наши встречи. Обычно ему приходилось подолгу меня ждать.

— Юль, я, наверное, уже пойду. Твой бывший должен вот-вот подойти. Ты главное держись гордо и с достоинством.

— Гордости у моей сестры много, — я вздрогнула, когда прямо передо мной, словно из неоткуда возник образ брата, а следом за ним ещё двух парней из его «шестёрки». Олег Ломин, он же Лом, и Кирилл Резанов, он же Резвый. Все трое были одеты по одному образцу: чёрные кожаные куртки, белые широкие майки, и порванные джинсы. Крутых из себя строят. Идиоты. Что братец мой, что его тупоголовые «друзбаны». До того как я успела, что либо ответить, эта шайка уволилась на диванчик, где сидела Полина, придавив тем самым мою подругу к самой стене. Чёрт, судя по взгляду Полины, она явно не рада этой встрече. И я с ней полностью солидарна. — А достоинств ещё больше, — братец криво усмехнулся, проехавшись по мне наглым, раздевающим взглядом. Чёрт, вот скотина, ну хоть бы постеснялся. Для него что, вообще всё человеческое чуждо? — Кстати, а о каком «бывшем» шла речь? О том старикашке что ли, который по ночам Виагру, небось, плотает? Так он не придёт сестричка. Я вместо него. И кстати в отличие от твоего седовласого друга, у меня с потенцией всё в порядке.

После этих слов, медленную завораживающую игру на фортепьяно заглушил

омерзительный ржач «недолюдей», сидевших, к сожалению, за нашим столиком. Только я на несколько секунд вообще забыла об их существовании. «...А если ты будешь занята, то я просто освобожу твой вечер. Уберу человека, с которым ты собиралась встретиться», — в голове застучали вчерашние фразы Артура. Чёрт побери, если мой брат здесь на месте Бориса...то где сам Борис?

— Где Борис? — мой голос был ровным и спокойным. По-существу меня даже не столько волновала пропажа бывшего любовника, сколько хамское поведение Артура. Хотелось поставить этого наглого эгоистичного парня с ужасно завышенной самооценкой на его истинное место.

— Да не волнуйся ты так курносая, — брат протянул к моему лицу руку, от которой я вовремя и удачно увернулась. Только вот, похоже, Артура это задело. Его взгляд заискрился странным пугающим и одновременно почему-то завораживающим блеском. — Всё с ним в порядке. Так встретились, мирно поговорили. Я объяснил ему, что в его-то возрасте заглядываться на столь юных барышень чистой воды моветон. Который чреват тяжёлыми последствиями для жизни и здоровья.

— Да ты не парься, Юляш. Мы же пришли сюда, чтобы скрасить твой вечер. Чем я хуже твоего дедули? Уверяю, я куда лучше могу приласкать.

Похабно улыбнувшись, Резвый многозначительно подмигнул мне. Наверное, это стало последней точкой. Когда я уже собиралась стереть с его лицо наглую ухмылку, опрокинув на него свой кофе, Резвый вдруг сам перестал лыбиться и плотоядно меня разглядывать. Вместо ухмылочки его губы болезненно скривились, а от лица, казалось, отхлынула вся кровь.

— Кирюха пошутил, — тихо произнес Артур, и у меня сердце покрылось тонкой корочкой льда от его голоса и взгляда. Он был зол. Нет, не просто зол, он был в ярости. В дикой, животной ярости. И судя по тому, как он вдавливал кулаком ладонь Резвого в лакированную поверхность стола, причиной его бешенства стал его давний закадычный друг. Интересно, братца так возмутил пошлый намёк Резвого в мою сторону? С каких это пор он стал так отстаивать мою честь? Тем более что сам, Артур не очень-то скрывает мысли, которые вертятся у него в голове.

— Мне нет никакого дела до ваших шуток, как собственно и желания находится в вашей «высокоинтеллектуальной» компании. Полина, пошли отсюда.

Встав с диванчика, я перекинула сумку через плечо и собиралась, наконец, избавиться от общества братца и его дружков, но не успела я сделать и двух шагов, как Артур резко поднялся на ноги и насильно усадил меня, обратно, за столик. Пока я лихорадочно соображала, как ответить ему на такую дерзость, Артур бесцеремонно отпил кофе из моей чашечки и повернулся к Полине.

— Привет, белобрысая. Давненько не виделись. Как жизнь? — братец растянул губы в наглой ухмылочке, после чего даже мои щёки заплыли краской стыда, чего уж говорить о подруге. Правда, в отличие от Полины меня смущало вовсе не общество Артура, а его выходящее за все рамки дозволенного поведение. Как можно быть таким циничным ублюдком, чтобы соблазнить и бросить сразу после этого лучшую подругу сестры, а потом сидеть и говорить с ней, как ни в чём не бывало?

— Нормально, — практически вжавшись в стену, еле слышно ответила Полина. Нервно теребя ладони кружева нежно-бежевого платья, подруга явно не находила себе места под взглядами трёх нагло ухмыляющихся парней. Полина вообще не привыкла находиться в обществе мужчин. До Артура у неё никого не было, и насколько я знаю после него тоже. —

Я пойду, пожалуй. У меня ещё дела есть.

— Конечно-конечно. Не смеем задерживать, — на подозрение слишком охотно согласился братец, встав с диванчика. — Лом, Резвый, чего развалились? Дайте девушке пройти.

— Эх, дала бы она ещё, что-нибудь мне взамен, — окинув Полину плотоядным взглядом, похабно усмехнулся Лом, приобняв подругу за плечи. И вот на это я уже никак не смогла закрыть глаза.

— Слышишь ты, громила с выбритой башкой, у тебя что, девять жизней? Сейчас станет на одну меньше. Руки от неё убрал.

Похоже, мои слова никого кроме самой Полины, не испугали. Резвый и его «лохматый» друг ответили на моё агрессивное заявление, раскатом громкого смеха, заставив в который раз, людей сидящих за соседними столиками обернуться к нам. А вот реакция Артура показалась мне странной. Он не рассмеялся, не попытался успокоить меня или кого-нибудь из своих друганов, он только скрестил руки на груди и не отводил от меня взгляда. Чудного какого-то взгляда. С долей восхищения и всё того же далеко не родственного желания. На сей раз этот взгляд вызвал волну дрожи в моём теле.

Стало немножко неприятно и даже как-то неудобно. Хотя чего мне собственно стесняться? Это не я веду себя как эгоистичная наглая извращенка.

— Узнаю твою сестричку, Бунтарь. Опять не понимает шуток, — пожал плечами Лом, и обхватил Полинку за талию. Испуганно вскрикнув, подруга попыталась высвободиться, но её силы были ничтожны по сравнению с этим татуированным громилой.

— С моей сестрой вообще шутки лучше не шутить. Так и без зубов можно остаться, — нахмурившись, казалось, вполне серьёзно произнес Артур. — Лом, отпусти девушку. Или тебе помочь?

Судя по взгляду моего брата, и потому, как он сжал ладони в кулаки, помощь предназначалась в виде удара в челюсть. И это было единственным, в чём я была солидарна с Артуром. Если я ещё могла проглотить подколки в свой адрес, то вот за испуганную мордашку Полинки я могла зарубить кого угодно.

— Брат и сестра — одна сатана. Ребят у вас у обоих проблемы с чувством юмора, — притворно-печально вздохнул Лом, и, наконец, разжал руки. Воспользовавшись свободой, Поинка тут же выскользнула из-за столика.

— Удачного вам вечера.

Опять попытавшись пройти к выходу, я была остановлена Артуром. Перехватив меня за талию, на сей раз он не сразу усадил меня обратно за столик. Несколько секунд брат скользил пальцами по моей пояснице. Его отчего-то помутневший взгляд был прикован к моим губам. И, похоже, что сейчас это смутило не только меня, но и его друзей, не решавшихся ничего сказать, и Полину, непонимающе хлопающую ресницами.

— Удачного НАМ вечера. Тебе придётся немного задержаться. Нужно кое-что обсудить.

Также резко убрав руки, как и обхватив меня ими за талию, нагло заявил Артур, плюхнувшись обратно на своё место.

— Официант, бутылку «Vintages» за наш столик, — откинувшись на спину дивана, Артур согнул одну ногу в колене, а другую чуть ли не закинул на столик. — Садись, сестрёнка.

Похлопав ладонью по диванчику возле своего места, Артур широко улыбнулся.

— Я не собираюсь с вами ничего обсуждать. Уже поздно и я должна довезти Полину до

дома, — это была не только обмазка от вечера в нежелательной компании. На улице уже действительно стемнело, и я вовсе не хотела, чтобы Полина с её вечным «везением» на кого-нибудь наткаться, ехала на автобусе, а потом ещё два квартала пилила до своего дома.

— Ты о белобрысой, что ли так беспокоишься? — совершенно не стесняясь присутствия этой самой «белобрысой» прямо за своей спиной, с присущей ему наглостью усмехнулся Артур. — Так её Резвый в целости и сохранности прямо до ворот дома довезёт. Так ведь, Кирюх?

— Лучше я, — не дав никак отреагировать Кириллу, усмехнулся Олег, подмигнув вмиг побледневшей Полине. — Со мной-то тебе уж точно ничего не будет страшно, красавица.

— Если вы сейчас же не прекратите вести себя как дикари, я уйду.

Порывшись в сумочке, я достала ключи от своей, а точнее от папиной машины, которую он дал мне на сегодняшний вечер. Протянув их Полине, я стрельнула в неё такой взгляд, что уже через секунду её пятки блистали у выхода ресторана.

— И чего вам от меня надо? Учтите у меня мало времени, и я уж точно не собираюсь его тратить на вас.

— Мало времени? А мне казалось, я освободил тебе сегодняшний вечер.

Сволочь. Он же открыто надо мной смеётся. Ещё и намекает, что может распоряжаться моей жизнью как хочет. Надо кстати Борису позвонить. Узнать всё ли с ним в порядке. Мало ли что мой припадочный братец вместе со своими дружками могли сделать.

— Говорите, что хотели, и не будем мозолить друг другу глаза. Ваше общество меня не особо радует.

— А твоя сестрёнка всё такая же привередливая стервочка, — усмехнулся Резвый, налив себе в бокал принесённый официантом коньяк. — Неужели ты совсем по нам не соскучилась? Мы тут все по тебе истосковались.

— Верно. Я два года себе места не находил, а ты нас так встречаешь... Не по-людски, — выдавив из себя грустную улыбку, Олег, совершенно не смущаясь, что сидит он в приличном заведении и его окружают интеллигентные люди, рыгнул на весь ресторан. Мои щёки моментально залила краска стыда, когда к нам обернулось несколько человек, а музыкант, безупречно играющий на рояли, на несколько секунд даже оборвал свою мелодию.

— Вам, всё людское чуждо. Вы застряли во времени первобытных людей.

Расхохотавшись, оба парня видимо решили окончательно расшатать мои нервы. Резвый начал хлестать коньяк из горла бутылки, а Лом, никого и ничего не стесняясь, стал начёсывать свою пятую точку.

— Да не стесняйся, Олежа, воспользуйся вилкой.

Я была на грани того, чтобы не запульнуть в этих двоих чем-нибудь тяжёлым. Они за несколько секунд сумели профессионально вымотать мне нервы. Углей к уже и без того разгоревшемуся пожару ещё добавлял молчаливо следящей за всей нашей перепалкой Артур. И ладно бы он просто не вмешивался и думал бы о чём-нибудь своём. Так ведь он выжигал меня взглядом. Наглым взглядом. Раздевающим до самых трусиков, а то и их не оставляя. Мне было это ужасно неприятно. Да и кому понравится, что твой собственный брат, пускай и двоюродный, рассматривает тебя как объект сексуального желания?

— Юль, ты в компьютерах шарить? — вдруг резко оборвал разгоревшуюся ссору Артур, достав из кармана кожаной куртки пачку сигарет, и прикурив одну. Судя по-всему, моего брата никак не смутило то, что мы находимся в зале «для некурящих». Да и скорее всего ему вообще наплевать на все правила.

— Да вроде на программиста выучилась. А что?

— У нас тут ноут завис. А на нём было очень много важных файлов. Посмотришь?

— И это всё? Ты отменил мою встречу только из-за того, что у тебя ноутбук завис?

Я медленно, но верно начинала закипать. Наглость братца меня просто поражала.

Только его глаза тоже, отчего-то заискрились искорками гнева.

— А, что эта встреча была так важна для тебя? У тебя, что действительно, что-то есть с этим старикашкой?

Теперь мы с Артуром смотрели друг на друга как два обезумевших врага. Какого чёрта он суётся в мою жизнь? Какое ему дело до того с кем я встречаюсь?

— У меня с ним любовь до гроба, но тебя это никак не касается. Давайте сюда ваш ноутбук.

Глаза Артура налились кровью. На висках запульсировали тоненькие дорожки вен. Сжав руки в кулаки, он начал медленно подниматься с дивана, не отводя от меня бешеного взгляда.

— Вот держи, — поспешив предотвратить «битву титанов», Лом поставил передо мной ноутбук, с силой усадив Артура обратно на место, и стрельнув в него уничтожающим взглядом. — Наш программист говорит, что починить будет сложно. И это займёт много времени. Приблизительно дня два-три. Но, видишь ли... в последнее время мы не особо ему доверяем. Скажи, оценив на своё опытный глаз, что действительно никак нельзя устранить неполадку в более короткие сроки?

— А мне вы, значит, доверяете? — усмехнувшись, я стала «въезжать» в курс их проблемы.

— Ну, типа того, — усмехнувшись, просто пожал плечами Лом.

Надо сказать, что уже минут через пять я поняла, что не зря они сомневаются в своём программисте.

— Не знаю, что за человек у вас там занимается компьютерами, но он явно ничего не шарит в этом деле. Опытный специалист устранит такую неполадку часа за два-три. Но учтите, я вам больше ничего делать не буду. Сами со своими проблемами разбирайтесь.

Пока я застёгивала пуговицы на своём пальто, парни о чём-то перешёптывались между собой. И судя по их разговору, Лом и Резвый отчаянно пытались в чём-то убедить моего брата, а тот оставался при своём мнении.

— Я сказал нет, — Артур рявкнул так, что от испуга, я чуть было не плюхнулась обратно на диванчик. Теперь понятно, почему все друзья его авторитетом считают. Попробуй пойти против мнения моего братца. Живым ноги уж точно не унесёшь.

Желая как можно скорее смыться от этой ненормальной шайки, я обмотала бежевый шарф вокруг шеи, и, не прощаясь, быстро потопала к выходу. Только, когда я очутилась на улице, я смогла, наконец, облегчённо вздохнуть.

— Юля, — сбившимся голосом окликнул меня Артур. За моей спиной послышались его хаотичные шаги. Чёрт, что ему ещё от меня надо?

Обернувшись, я сунула руки в карман, наблюдая как брат, стремительно приближается ко мне.

— Сегодня похолодало, а ты отдала ключи от своей машины Полине. Я доведу тебя до дома.

— Спасибо, не стоит.

Меньше всего мне сейчас хотелось ещё полчаса находиться в его компании. Да ещё и

наедине, ведь как я поняла, Олег и Кирилл остались в ресторане.

— Стоит, — твёрдо произнёс Артур, давая мне понять, что хочу я или нет, а в его машину мне сесть придётся. — Ты забыла, что с твоим здоровьем тебе категорически нельзя простужаться?

Чёрт, как не прискорбно это признавать, а наглец прав. Я очень тяжело переношу простуду. Однажды температура так подскочила, что меня в больницу положили. И что теперь делать? Может действительно на всё плюнуть и сесть к нему в машину? Тем более что Артур сейчас подозрительно вежлив. Открыл передо мной дверцу на переднее пассажирское место возле водителя и мирно дожидается моего решения, хотя уже знает, что оно будет в его пользу.

Решив особо не выкабениваться и засунув свои желания куда подальше, я залезла в салон его внедорожника. Удивительно, но здесь всё оказалось не так уж и плохо. Только сигаретами ужасно провоняло. А мне всегда было тяжело дышать этим табачным запахом. Словно прочитав мои мысли, Артур приоткрыл створки окошек, и, повернув ключ в зажигании, вывел машину с парковки.

Вопреки моим ожиданиям ехали мы в полной тишине. Артур ничего не спрашивал и не пытался со мной заговорить. Не бросал взглядов в мою сторону, не откидывал усмешек. Даже музыка не играла. В салоне висела угнетающая тишина. Настолько угнетающая, что я не сдержалась, и сама заговорила с братом:

— Почему ты меня вчера обманул?

Отчего-то с силой сжав пальцы на руле, Артур повернулся в мою сторону...и я тут же пожалела о своём вопросе. Ехали себе, молча, не трогали друг друга. И надо мне было его задеть. Взгляд Артура переметнулся с дороги на мои ноги обтянутые тонким чёрным капроном чулка, резинка которых виднелась из-под задравшейся юбки. В тот же момент, попытавшись оттянуть юбку, я потерпела неудачу. Ткань была слишком обтягивающей. А взгляд брата продолжал, скользит по моим ногам. Я видела, как дрожали его пальцы, нервно стучащие по рулю. Как дёргался кадык на его горле. Меж скул проступали желваки. Как горел его безумный взгляд. Несколько раз нас чуть не занесло на поворотах. Только когда, мы в очередной раз, чуть не попали в аварию, Артур заставил себе вновь перевести взгляд на дорогу. А я почувствовала себя униженной. И даже не столько дерзким жадным взглядом своего брата, сколько собственной реакцией на него. Если стыд, я вполне логично могла объяснить себе, то откуда взялось это тянущее чувства внизу живота? Сказывается долгое отсутствие мужчины? Видимо да. Иначе я никак не могу объяснить себе реакцию собственного тела.

— Обманул? — хрипло произнёс брат, приковав взгляд к дороге.

— Ты сказал, что тебя никто не приглашал на день рождения моей мамы, но это, ни так. Вчера все ждали, что ты придёшь.

— Неужели? «Все» — это моя мама? — усмехнулся Артур, прибавив скорость.

— «Все» — это все члены нашей семьи.

— И мой отец? Он тоже жаждал нашей встречи?

— Уверенна, он был бы рад тебя видеть.

— Единственный человек, который был бы рад меня видеть — это моя мама. Всё. Больше моё присутствие никого бы не порадовало. Включая саму именинницу, да и тебя тоже.

Последние его слова меня особенно задели. Он хочет, чтобы я чувствовала себя

виноватой перед ним?

— Знаешь, даже, несмотря на то, что ты эгоист и жуткая свинья, ты всё равно член нашей семьи, — огрызнувшись, я обиженно отвернулась к окну.

— Твоей семьи Юля, не моей. Я никогда не был её частью и никогда не буду. И хватит об этом, — я хотела было возразить, но вовремя себя сдержала. Если он так считает — пусть. Это его дело. — Когда ты уезжаешь в Москву?

— Не знаю. Может через неделю, а может чуть позже. Пока не решила.

— Можем, сходим куда-нибудь? Вместе, — припарковываясь на стоянке возле моего дома, как-то слишком неуверенно для своего характера предложил Артур.

— Ты ведь не считаешь меня частью СВОЕЙ семьи? Зачем тебе приглашать меня на родственные посиделки?

— А, я что-то говорил тебе о родственных посиделках? — повернувшись ко мне, Артур вновь опустил взгляд на мои колени. Непроизвольно, я сразу свела ноги вместе, опять попытавшись оттянуть юбку пониже. Артур только усмехнулся в ответ на мои действия. — Может, я тебя на свидания хочу пригласить?

Сначала я подумала, что это шутка, но по его взгляду мне стало вполне понятно, что он абсолютно серьёзно. И вот именно это отрезвило меня. Эти слова подействовали как хорошая пощёчина. Взгляды взглядами, шутки шутками, а этих косых намёков мне не нужно. Не знаю, что творится в голове у Артура, но я в его тараканах копать не хочу. Свои имеются.

— Не смешно.

Дёрнув за ручку дверцы, я хотела вылезти из машины, но Артур резко перехватил меня за запястья. Это прикосновения вызвало во мне целый всплеск чувств. По телу пронеслась волна ослепительно дрожи. В ушах застучало. Воздуха стало катастрофически мало. Внизу живота вновь поселилась забытая за долгие годы воздержания истома. Дьявол. Да какого чёрта происходит?

— А я и не шутил, — голос хриплый, проникающий под кожу, в каждую клеточку моего обезумевшего тела.

На секунду мне захотелось захлопнуть дверцу машины, обернуться к Артуру и... даже от одной такой мысли, мои щёки залились краской стыда. Бред. В душ. Мне надо срочно в душ. Сниму напряжением традиционным способом для всех одиноких девушек.

— Удачного тебе вечера, Артур.

Тяжело вздохнув, я мигом выпрыгнула из машины.

* * *

Мчась по ночным улицам на бешеной скорости к загородному коттеджу, Артур, матерясь сквозь стиснутые зубы, ждал, когда из салона машины выветрится этот чёртов запах нежных женских духов. Запах, от которого у него сразу встал. От которого напрягся каждый мускул на его теле, и желание пробило мощным разрядом электрического тока. Нервно, выкуривая сигарету одну за другой, Артур пытался настроиться на важную встречу, но из головы никак не хотел выходить ЕЁ образ. Сегодня она выглядела иначе. Густые светлые волосы были собраны в высокую причёску. На ней была надета кремового цвета блузка, расстёгнутая на две пуговики. Если бы не кожаная чёрная куртка, Артур смог бы

увидеть соблазнительную ложбинку. Обтягивающая, под цвет куртки юбка лишь до середины колен прикрывала идеально ровные стройные женские ноги. Стоило Артуру лишь увидеть кружево чёрных чулок как в горле начало драть. Появилось невероятно желание прикоснуться к её бедру, ощутить на ладони гладкость её кожи, проскользнуть вверх, под юбку, посмотреть какие на ней трусики, а потом порвать их к чёртовой матери. Завалить её на задние сиденья. Развести ноги и всю ночь выбивать из неё дикие крики, заставляя её ломать ногти о его спину, кричать его имя. Первый раз он так сильно хотел девушку. Хотел так, что скулы сводило, и внутри всё колотило от дикого желания овладеть. И первый раз параллельно с этим он испытывал такие чувства как стыд, страх и ярость. Стыд, за то, что позволяет себе так думать о...сестре. Страх за то, что он уже совсем крышей поехал, раз ничего не может поделать со своими желаниями. И ярость, за то, что понимал, что первый раз в жизни, он не сможет получить того, что так сильно желает. Никогда не сможет.

С силой сжав ногу в педаль газа, Артур уже через полчаса притормозил машину возле дома Шаповала. Вспомнив о вчерашнем вечере, парень немного смог отрезвить свой рассудок. Не хило ему Шаповал вчера по морде съездил. Хорошо, что хоть наедине. Не хотелось перед пацанами позориться. Хотя из-за этих пацанов по харе и получил. На себя прокол Резвого взял. А как иначе? Ему Шаповал хоть шанс всё исправить дал. По морде съездил, это понятно. Но дал две недели на то, чтобы он дело с тачками разрулил. А Резвого бы слушать не стал. Пуля в башку и нет Кирюхи. Шаповал, конечно, мужик хитрый и проницательный. Сразу понял, что Бунтарь кого-то из своих выгораживает. Только вот копаться в этом не стал. Сказал: сам на себя дерьмо взял сам из него и выгребайся.

Узнав у охранника, где Шаповал, Артур быстро спустился в подвал. Сердце у него колотилось несколько быстрее, чем обычно. Что Старик от него сейчас понадобилось? Две недели ведь на дело с тачками дал.

— Ну, что Артур, вижу, ты исправляешься, — Шаповал сидел на диване в самом углу подвала, и курил свои любимые сигареты. Спокойный зараза. Бунтаря всегда бесило это вечное спокойствие. Никогда нельзя было узнать, о чём именно Шаповал сейчас думает, и что сделает в следующую секунду. Похвалит или дырку в башке проделает. — Вчера с тачками облажался, зато сегодня гниду вычислил.

Резвый...падла, чтоб его волки нахер разодрали. Говорил, ведь говорил сучаре, чтоб о сегодняшней встрече никакого базара не было. Чёрт подери, да на кой Артур вообще согласился на эту встречу? И хотя ничего кроме полетевшей системы Юля не увидела, засветил он её конкретно.

— Значит, всё-таки Программист нас сливает?

— Выходит, что так. По крайней мере с программами точно он подставил.

— Вот ведь мразь! Не один месяц нас за нос водил. Как думаешь, сколько ему Рушаевы отвалили?

— Думаю не мало, раз он решил против вас пойти.

Шаповалу ответ Бунтаря пришёлся по душе. Старик любил, когда его авторитет подчёркивали.

— Надеюсь, он успел на эти деньги перед смертью погулять.

— Вы его уже того...

— Пока ещё нет. Но для этого уже всё готово, — Шаповал окинул довольным взглядом помещение подвала. Больше всего ему нравился стул с закинутыми на него верёвками, в самом центре комнаты. Это было так называемое место казни. Кто на него садился, живым

уже не вставал. Иногда, Артуру самому становилось жутко от того, что происходило в этом подвале. — Программера минут через тридцать сюда доставят. Говорят, вам одна милая девушка помогла, чтобы эту пададь вычислить?

— Они ничего не знает! Она не видела ни одного документа!

Артур почувствовал, как у него всё заледенело внутри. Первый раз он так боялся за кого-то. Нет, Юльку он тронуть не позволит! Ни кому. Даже Шаповалу.

— Да ладно тебе, Бунтарь! Что ты из меня монстра-то делаешь? Я вообще-то спасибо тебе хотел сказать. Правильно ты со своими пацанами сделал, что к левым ребятам не пошёл. Сейчас время такое никому из чужих доверять нельзя. А Юля, насколько мне известно, сестра твоя? Передай ей от меня благодарность. Видать хорошо твоя девчонка в компьютерах шарит, да? — Шаповал улыбнулся. По-настоящему вроде, без подвоха, но Артур знал, что за этой улыбкой всё равно что-то скрывается. — Через час освободиться место программера. Надо искать новую кандидатуру на эту должность. Мне кажется, я знаю, кто нам идеально подойдёт.

— Нет! — крик Артура, больше походил на рычания обезумевшего зверя. — Юля не будет во всё это вмешиваться!

— Неужели? И почему это? — усмехнувшись, Шаповал прикурил ещё одну сигарету.

— Потому что я не хочу, не позволю!

Медленно поднявшись с дивана, Шаповал сжал ладони в кулаки.

— Ты кто такой щенок, чтоб свои права выставлять? Твоё «хочу» меня к чертям не волнует. Здесь моё слово — закон. Ты знал это, когда ко мне в бригаду лез. Так что хорош, истереть, и думай объективно. Нам сейчас нужен свой человек, понимаешь, свой?! Я слышал, что у вас с сестрой отношения не самые гладкие, но думаю, что за пачку зелёных, она твою шкуру всё равно не сольёт, как Суслик наш. Кроме того в Норвегии же стажировалась, да? В компах шарит только так.

Дьявол! Сжав руки в кулаки, Артур медленно сосчитал про себя до десяти. Первый раз его ломило от острого желания пристрелить Шаповала. Раньше восхищался им, всегда в пример себе ставил, а теперь на куски его порезать хотелось. Подготовился мразь. За каких-то двадцать минут всю жизнь его сестры досконально изучил. Нет, Юльку он втянуть в это дело не позволит. Никогда!

— У неё нет никакого опыта работы. Она ещё совсем сырая как программист.

— Так мы её чуток поджарим, — расхохотался Шаповал, и Артур огромным усилием воли заставил себя сдержаться, и не пристрелить его прямо сейчас. Наверное, только теперь он понял, что Юля Шаповалу не только как программист нужна. Словно прочитав его мысли, Шаповал тут же перестал смеяться. — Ты чего Бунтарь, совсем мозгами двинулся? Не трону я твою сестру. И никто не тронет. А если и посмеет кто, так жизнью за это поплатиться. Если так тебе не имеется, то в самые ценные бумаги мы её посвящать не будем. Пусть основные дела крутит, а там посмотрим. Если и правда она у тебя «сырая», то пусть гуляет дальше. А если хоть что-то из себя представляет, то займёт место программиста. Я завтра по делам в Израиль уезжаю. Вернусь только через неделю в четверг. На следующий же день после возвращения мы в «Монреале» праздничный банкет устраиваем по случаю заключения удачной сделки и я хочу там видеть твою сестру. И это не обсуждается!

Пока мама колдовала над завтраком, я делала пометки в своей записной книжке. Прежде всего, я просматривала, а затем записывала адреса отелей расположенных в центре Москвы. Больше всего меня привлекла одна гостиница, находившаяся всего в двух шагах от филиала крупного компьютерного центра. Я уже отослала туда своё резюме. Если повезёт и мне назначат собеседование я смогу удержаться в столице, и надеюсь, без помощи родителей, которым моё решение со столь спешным отъездом пришлось не слишком-то по душе. Вчера вечером мы даже поругались по этому поводу. Мама упорно настаивала, чтобы я хоть на месяц задержалась дома. А что ещё лучше, осталась здесь насовсем. Нашла работу в своём городе. Папа в нашу перепалку предпочёл не вмешиваться. Точнее сначала он пытался поддержать маму, уговаривая меня хоть ещё немножечко побыть дома, но потом я смогла его разжалобить своими «раздувшимися» щенячьими глазами, и он во избежание крупного скандала, еле как смог успокоить маму. Поэтому теперь, я занималась жилищными вопросами и выясняла всё на счёт моего, сначала потерянного, а потом и украденного багажа, а мама в это время довольная, с новой шубой в гардеробе крутилась возле плиты. Правда сердиться она на меня не перестала, но уже и не пыталась отговорить от отъезда. Да и бесполезно это. Я уже всё решила. Разберусь со своим потерянным чемоданом, потом забронирую номер в гостинице и через три дня вылечу в Москву. Остаться здесь я больше не могла. По многим причинам. И самой явной из всех являлся Артур. С того вечера в ресторане он больше не искал со мной встреч. Не звонил, не подкарауливал у подъезда. Просто исчез, что впрочем, всегда было в его духе. Я с одной стороны должна была радоваться. Наконец избавилась от надоедливого, чересчур наглого брата. А с другой... как-то паршиво мне было на душе. То ли из-за того, что произошло в машине, то ли из-за какого-то непонятного скверного предчувствия. Чем больше я думала об Артуре, тем сильнее во мне разгоралось чувство страха, какой-то приближающей опасности. Я на подсознательном уровне понимала, что мне надо оградиться от Артура. И чем скорее, тем лучше. Слишком свежи были воспоминания о том, что именно я испытала, когда он прикоснулся ко мне тогда в машине... когда глянул на вырез юбки... Всё это ужасно давило на меня. И хотя сейчас я не горела диким желанием увидеть брата, мне всё же было интересно, где он... и с кем.

— Завтрак готов, — из кухни послышался мамин голос, который видимо, шёл просто в пустоту. Папы дома не было, а значит, на завтрак мама позвала меня. Вот только имя моё она видимо забыла. Выходит всё ещё обижается.

— Ммм, как вкусно пахнет. Омлет с сыром — обожаю. Мам, ты настоящий повар.

Подлизаться к маме не удалось. Поставив передо мной тарелку с завтраком, она отвернулась обратно к плите. Значит бойкот. И зачем ей папа только шубу покупал? Надо будет сказать, чтобы сдал обратно в магазин. Мама не выполняет своё обещание.

Наверное, мне стоило и дальше продолжать пытаться найти путь к примирению. Но я слишком хорошо знала свою маму: чем больше идёшь ей на уступки, тем больше, она простите, начинает наглеть. Жаль только что папа, за все двадцать два года совместной жизни этого так и не понял.

— На родителей наплевать, так хоть бы о подруге подумала. Полинка вон все два года спрашивала, не собираешься ли ты пораньше вернуться.

Я знала, что мама не выдержит первой. Она не умеет молчать. Тишина в доме её раздражает. Поэтому с бойкотом она явно загнула.

— Мы с Полиной уже всё обсудили. Через три месяца она приедет ко мне. Вместе будем снимать квартиру. Так что расставаться нам не придётся.

Последовавшая за моими словами мамина реакция, меня нисколько не удивила. Наоборот я еле смогла подавить улыбку, когда мама начала втирать мне насколько я эгоистичный ребёнок, которому наплевать на своих родителей. Спокойно дослушав её нервную речь до конца, я привела в свою пользу самый весомый аргумент.

— Ты сама сразу после школы уехала в Москву. И, между прочим, бабушка говорила, что разрешения у неё ты не спрашивала.

— У меня были совсем другие обстоятельства. Я была в ссоре с твоей бабушкой, кроме того, университета, в котором я хотела учиться, в нашем городе не было. А вот зачем ты так бежишь в эту Москву, я совсем не могу понять. Ну чем тебе дома плохо? Здесь и друзья все рядом, и мы с папой всегда под боком. Я ещё могла понять твой побег в Норвегию. Первые чувства, первое разочарование. Но сейчас-то что? Или погоди...этот гад всё никак не утихнет? Он снова к тебе пристаёт?

Второй раз мама заговорила со мной о Борисе. Первый был, в тот самый день, когда я при всех влепила ему пощёчину. Я тогда прибежала домой вся зарёванная и ещё несколько часов тряслась в истерике. Мама ужасно перепугалась. Хотела сначала скорую вызвать, потом решила Полине позвонить, в общем, вдвоём им еле как удалось привести меня в чувства. Хорошо ещё, что папы не было. Иначе я просто не представляю, что могло произойти. В тот день я маме всё и рассказала. И мы договорились, что больше этой темы касаться не будем. А вот сегодня, спустя два года, всё-таки заговорили о ней снова.

— Нет, мама. Бориса больше нет в моей жизни. И давай закроем эту тему, ладно? — с трудом подавив в себе желание, накинуться на меня с вопросами, мама нехотя, но всё-таки замолчала.

— И спасибо за завтрак. Всё было очень вкусно.

— А ты уже уходишь? Куда?

Спохватившись, мама пошла вслед за мной в спальню. — В полицию. Надо, что-то всё-таки решать с моим чемоданом. Кто знает, может его уже нашли.

— Ага, нашли. Держи губу шире. Чёрт из два его найдут. А если даже и найдут, то к себе сразу притяпают. Там всё шмотьё эксклюзив.

Отвернувшись к шкафу, я искренне понадеялась, что мама не увидела моей улыбки. Смешная она у меня всё-таки. Хотя её всегда раздражало, когда кто-то над ней смеётся, пускай даже и по-доброму.

— Может мне тоже прогуляться? Схожу я, пожалуй, на работу к твоему папаше.

— Мам, у него сегодня совещание.

Натянув джинсы, я подумала, что если я всё равно на улицу иду, может мне заодно и к Артуру заглянуть? Узнать, всё ли с ним в порядке. Хотя эту безумную мысль, я подавила в себе так же быстро, как и она всплыла в моей голове. Что с ним может случиться? Это же Артур. Наверняка опять завис в какой-нибудь дурной компании. Да и адреса я его не знаю.

— Вот и проверим, с кем он там совещается. Заодно с коллективом его компании ознакомлюсь.

— Я так полагаю, с его женской частью.

— Ну, должна же я знать с кем проводит большую часть времени мой муж. Разве я не права?

— Мам, иди уже.

Спорить с мамой было бесполезно. Мне её затеи о внеплановом свидании с папой не очень нравились, но разве можно было её как-то переубедить? Уже минут через двадцать

входная дверь захлопнулась. Всё-таки когда мама хочет, она может быть поразительно расторопной. Обычно не меньше часа куда-нибудь собирается.

Взяв с тумбочки завибрировавший телефон, я взглянула на дисплей. Номер высветившейся на нём, вызвал холодную волну дрожи во всём моём теле. Я давно удалила его из списков контактов, но всё ещё помнила каждую его цифру.

— Слушаю.

— Здравствуй, Стрекоза. Узнала?

Огромным усилием воли, заставив себя не сбрасывать вызов, я всё-таки продолжила разговор.

— Узнала. Зачем звонишь?

— Почему так грубо, милая? Так неприятно мой голос слышать?

Неприятно Борис, очень неприятно. Я вообще бы предпочла о нём забыть. Ничего кроме дурных воспоминаний он у меня не вызывал. Точнее раньше не вызывал. Сейчас ещё какое-то скверное предчувствие ко всему прочему приросло.

— Я уже давно для тебя не «милая». Что тебе нужно?

— Соскучился. Мы договаривались о встрече, помнишь?

Судя по голосу, он собирается меня в чём-то упрекнуть. Хотя ясно дело в чём. Только вот не получится. Возможно мне, конечно, самой стоило ему позвонить и извиниться за брата, но я не стала этого делать. И не жалею. Он ведь вроде ещё не развёлся. Да и кто знает, собирается ли вообще развестись. Не хочу снова во всё это болото ввязываться.

— Помню. И я тебя, кажется, не обманула. Пришла.

— Только вот я, к сожалению, не смог прийти. Помешали. Не догадываешься кто?

Чёрт, похоже, Борис действительно начинал злиться. Только этого мне сейчас не хватало. Я надеялась начать новую жизнь без затяжных узлов в прежней.

— Как ты себя чувствуешь? Всё в порядке?

Я решила всё-таки попробовать решить всё по мирному. Может до Бориса хоть так дойдёт, что между нами всё кончено?

— Нормально. Хотя удар у твоего брата не слабый.

— Извини. Артур иногда бывает неадекватен.

— Юлия меня не особо интересует твой брат, хотя ещё одной такой выходки я ему с рук не спущу. И звоню я не для того, чтобы услышать твои извинения.

— Тогда, что тебе нужно?

Дьявол, всем нутром я уже почувствовала, как он сейчас начнёт меня «клеить». Да ещё так профессионально, что потом с кусками не отдерешь.

— Хотел всё-таки встретиться с тобой. На этот раз надеюсь без происшествий. Придешь?

Приду ли? Можно подумать у меня есть выход. Я слишком хорошо знаю тебя Боричка. Ты клыками в глотку вцепишься и не отпустишь, пока своего не получишь.

— Хорошо. Когда?

— В четверг будет вечеринка в одном ресторане. Я бы хотел прийти туда вместе с тобой. Ты как?

Вечеринка? А это может быть очень даже и не плохо. На вечеринке наверняка будет полно народу. Руки Волконскому точно придётся держать при себе. Да и скандалов на людях он устраивать не будет, когда я мягко намекну его, чтоб отстал. Слишком сильно он дорожит своей репутацией.

— Хорошо. Я буду.

* * *

— Ну, что? — потушив сигарету о пепельницу, хрипло спросил мужчина.

— Она согласна, — убрав мобильный в карман пиджака, несмело произнёс Борис, избегая взгляда своего собеседника.

— Вот и отлично. Надеюсь, ты помнишь, что надо делать? Или опять как в прошлый раз получится? Учти Цер, второй раз я тебе такой промах не прощу.

Нервно сглотнув, Борис спрятал вспотевшие ладони в карманы пиджака.

— Так ведь я причём? Всё ведь делал, как обговаривалось. Кто знал, что она на Машу так отреагирует?

— Ты, — сломив в пальцах сигарету, жёстко произнёс развалившийся в кресле мужчина.

— Ты должен был знать. Кто её год окучивал? Я, что ли? Ты должен был знать о ней всю подноготную. И с Марией со своей проблемы решить. Проехался бы девчонке по ушам, что жена твоя душевно больная, что развести с ней собираешься, что сам придумать не мог?

— Я не успел ничего сказать, я ведь...

— Заткнись. Если бы не твой промах, мы бы свернули всё дело ещё месяца два назад. А теперь всё с начала начинать. И учти, теперь время ограничено. Сильно ограничено. Бес меня давит. Сука, со всех сторон зажимает. Скоро и ментов под себя подгрёбёт. И если у него это получится раньше, прежде чем я всё проверну, дорога на тот свет нам уже заказана.

— А может через Кума попробовать? С ним явно полегче будет.

— Я думал насчёт Кума — гнилая затея. Подставить его конечно, куда проще, чем Бунтаря, но у него папаша, бывший мент, в корешах с прокурором города водиться. Если Кума оправдают, Бес напрямую к власти выйдет. Так что действуй Цер. У тебя месяц, чтоб девка эта на тебя как на Бога смотрела.

— А если не получится?

— Что у тебя не получится? Девку молоденькую трахнуть за месяц не получится?

— Времени слишком мало. А она изменилась. Стала более уверенная в себе. Да и если она узнает, что развод липовый...

— Так разведись по-настоящему! — кулак впечатался в поверхность стола с такой силой, что по нему пошла трещина. — Я не вижу в этом проблемы! Наври что-нибудь своей Марии, оформи развод. Через месяц, когда Бунтарь будет за решёткой, а мы займём место Беса, поженитесь снова. Всё, я больше не хочу об этом разговаривать. У тебя месяц. Не успеешь, Мария твоя овдовеет.

* * *

— Ай, Полина, больно, поаккуратнее!

Поморщившись от острой боли, я испытала резкое желание покончить, наконец, со всеми этими лечебными процедурами.

— Не шевелись и всё будет в порядке.

Я скорее почувствовала, чем увидела мимолётно брошенным взглядом, сморщившуюся мордашку подруги. Кажется, она была явно недовольна моей реакцией.

— Может уже хватит на сегодня?

— Мы только недавно начали.

— Но я чувствую себя уже значительно лучше, — ложь, конечно. С тех пор как я вернулась домой, моё самочувствие резко ухудшилось. То ли это было связано с достаточно тяжёлой акклиматизацией, то ли с неожиданными и крайне нежелательными встречами.

— Самсонова, ты совершенно не умеешь врать. Если себя не жалеешь, так хоть обо мне подумай. Где я ещё смогу набраться опыта?

Совсем недавно Полина выучилась на массажиста, и теперь её самой заветной мечтой было открытие своего собственного массажного салона. А я была для подруги чем-то вроде подопытного кролика. Именно на мне она пробовала все чудеса своей профессии.

Воспользовавшись тем, что Полина отвлеклась, чтобы смазать ладони маслом, я достала из своей сумочки завибрировавший мобильный. Одно новое сообщение. От Бориса. «Заеду за тобой завтра в шесть часов. До встречи». Многословно и красноречиво. Впрочем, как и всегда. Спросить хочу ли я с ним куда-то идти, Борис, конечно, не посчитал нужным. Хотя это тоже меня не удивляет. Он всегда уверен в своих действиях. Да и к тому же я же всё равно морально уже настроилась на эту встречу. Чем раньше она произойдёт, тем скорее я смогу уехать, и отпустить всю эту историю.

— С кем переписываемся?

Я чуть было не вздрогнула, когда голос подруги прозвучал над самым ухом.

— С Борисом. Он написал, что заедет за мной завтра к шести часам.

— Ты всё-таки решила пойти с ним на эту встречу? Почему бы не тебе не послать его куда подальше?

Я знала, что Полина не поддерживала мою идею пойти с Волконским на примирение. Она вообще пыталась всячески оградить меня от общения с Борисом.

— Мы были с ним вместе чуть больше года, и я знаю, что он за человек. Просто так он меня не отпустит.

— Но ведь в Норвегию, же отпустил. Ты так уверена, что он будет преследовать тебя сейчас, когда ты вернулась?

— Я ни в чём не уверена. Но я не хочу расставаться врагами.

— Предложишь ему чистую и бескорыстную дружбу? Думаешь, он согласится?

Из Полины так и рвались колкости. Похоже, она будет ненавидеть Бориса до конца своей жизни, и ничего с этим уже не попишешь.

— Вряд ли мы когда-нибудь сможем быть друзьями. Да я этого не особо и хочу. Но согласись, лучше всё же будет объясниться друг с другом. Наверное, я поступила глупо, так поспешно сбежав в Москву. Надо было сразу расставить всё точки над «і». Теперь я хочу раз и навсегда разорвать эту нить. Там в Москве у меня начнётся новая жизнь, и я не хочу, чтобы меня что-то связывало с прежней.

— Ну, может ты и права.

Достав из кармана джинс мобильный, Полина взглянула на святающийся дисплей. Лицо подруги моментально нахмурилось. Губы поджались, меж бровей проступили маленькие морщинки.

— Что-то случилось?

— Да, так, ничего особенного, — поспешно убрав мобильный обратно в карман джинс, Полина начала втирать масло мне в кожу. — Опять проблемы в семье.

Почему-то сейчас мне показалось, чтобы подруга была со мной неискренней, либо, что-то не договаривала. Но вникать в подробности я не стала. Полгода назад родители Полины разошлись. Точнее они по-прежнему оставались в браке, но перестали жить под одной крышей. Отец Полины собрал вещи её матери и перевёз их в загородный дом. С этого момента её родители почти не общались. Что произошло между ними, по-моему, не знал никто, включая саму Полину. Она только делала какие-то догадки, которыми не хотела делиться даже со мной. Да я по правде никогда не пыталась залезть к ней в душу. Было очевидно, что эта тема слишком болезненна для подруги.

— Ну, что продолжим? Давай переворачивайся на своё отъевшееся за границей, пузо.

Я вышла из Полининого массажного салона, который временно находился в её двухкомнатной квартире, с тянущей болью во всём теле. Меня буквально разламывало на части. Вот, что значит настоящий профессионал. Сразу видна рука мастера. Правда если бы мама узнала, что я хожу на сеансы к этому мастеру, вместо приёмов Анжелы Сокольниковой — самого дорогостоящего массажиста города, она бы меня убила.

Потеплее закутавшись в своё чёрное драповое пальто, я вышла на остановку ловить попутку. Мамина машина была в ремонте, а папа был за городом на объекте и никак не смог меня забрать. Конечно, можно было бы добираться общественным транспортом, но сейчас был час пик. А я планировала добраться домой раньше двенадцати ночи.

На этот раз машину мне удалось поймать быстро. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Если в первый день по приезду лил дождь, и я с размазавшимся макияжем наверняка представляла жалкое зрелище, то сейчас всё было совсем наоборот. Чёрные сапожки на высокой шпильке и под цвет ним пальто, доходящее до середины колен, подчеркивали стройность моих ножек на этот раз затянутых в тонкий капрон колготок. Идеально уложенные локоны развевались по ветру, подчёркивая нежный овал лица. Сегодня я решила побаловать себя. Пробежалась по парфюмерному супермаркету, и, не удержавшись, накупила всего на кругленькую сумму. Зато сейчас моему макияжу, пожалуй, могли бы позавидовать многие модели.

Постучавшись в тонированное окно остановившейся возле меня машины, я довольно хрипло произнесла:

— До «Свободы» не подбросите?

Из окна на меня смотрел молодой парень лет двадцати пяти. Довольно худощавый, но хорошего атлетического телосложения. Он жевал жвачку и улыбался мне во весь рот. Улыбка была вроде нормальной, не ухмыляющейся, не похабной. Да и последовавший за этой улыбкой ответ, не вызвал во мне никаких предостережений:

— Как же не подбросить, когда такая девушка просит. Тем более что нам по пути. У меня брат там, возле «Детского мира» учится. Только учтите, просто так я вас не отпущу. Будете должны мне телефончик.

— Поехали.

Без какой-либо задней мысли, я запрыгнула в машину на пассажирское сиденье возле водителя.

— Домой едите?

Сняв тёмные очки, парень снова широко улыбнулся, и чуть убавил громкую музыку.

— Домой. А вы за братом?

— Ага. Он у меня в началке учится. Предки отдыхать свалили, а на меня все заботы о мелком перевесили. То домашку ему сделать помощи, то из школы забери, то в секцию какую отвези. Беспредел какой-то.

Парень соорудил такую страдальческую мордочку, что я не удержалась и тихо захихикала.

— Везёт вам. Я бы тоже хотела братика или сестричку.

— А вы одна в семье?

Утвердительно кивнув, я отвернулась к окну, сонно зевнув. Глаза просто слипались. Вроде бы ничего сегодня не сделала. Только по магазинам прошлась (чемодан мне так и не вернули) и сходила к Полинке на сеанс массажа. А такое чувство, как будто целый день в коровнике впахивала.

— Устали на учёбе?

— Я уже закончила институт. Просто спать хочется.

— Может, тогда немного взбодритесь?

Достав из бардачка металлическую фляжку, парень протянул её мне.

— Нет спасибо, я не пью.

— Да ладно вам, всего пару глотков. Или боитесь, что родители накажут? Так вы вроде девушка взрослая. Сколько вам лет?

— Двадцать два. Но пить я всё равно не буду.

— Понятно. Значит несвободны? Парень есть?

— Нет. Парня нет.

— Тогда муж. Вы замужем?

От того, каким невинным голосом мужчина пытался выведать моё «семейное положение», я невольно улыбнулась.

— Я не замужем.

— И я не женат. Вот совпадение. Леха, кстати.

Протянув мне руку, парень вновь широко улыбнулся. Пожав его ладонь, я едва ли сдержав сонный зев, ответила:

— Юля.

— Очень приятно. Чёрт побери, а я уж думал, что этот вечер безнадёжно испорчен. Может, продолжим наше знакомство в каком-нибудь более уютном местечке?

— Нет спасибо, я хочу домой.

— Понял, отваливаю. Но телефончик вы мне всё равно должны.

— Получите сразу, как я окажусь возле своего дома.

— Заметано. Только сначала за моим братом заедем, ладно? Он у меня жутко злится, когда я без него разъезжаю в обществе таких прекрасных девушек. Просто монстром становится.

Наверное, я должна была сейчас снова улыбнуться, но именно эти слова поселили во мне предостерегающее чувство. Точнее недобрая ухмылка, сорвавшаяся с губ Алексея и его взгляд, скользнувший по моим ногам. Невольно я оттянула пальто ниже, неуютно поёжившись на сиденье. Отвернувшись к окну, я стала вглядываться в окрестности. Если карта города, заложенная в моей голове, меня не подводит, то мы сейчас в лесопарковой зоне, тогда как улица Свободы и магазин «Детский мир», в котором, как сказал Алексей, учится его брат, находятся совсем в другой стороне.

Сжав вспотевшие ладони в замок, я мысленно приказала себе глубже дышать, постаравшись подавить уже начинающую разгораться внутри меня панику.

— Алексей, а где мы едем? Что-то я не узнаю этих мест.

— Сейчас свернём на повороте, и выйдет к платине. Так быстрее будет.

— К платине? А разве она не возле Шершней?

— Новый мост отстроили. По нему мы уже минут через пять-десять будем на платине.

После этих слов, я почувствовала, как по моей спине скатилась холодная струйка пота. От лесопарковой до платины ехать не меньше часа, а то и больше, и никакой «чудо-мост» не сократит это расстояние до десяти минут.

Когда Алексей, теперь уже в открытую бросил наглый, откровенно похабный взгляд на мои ноги, а потом с гнилой ухмылкой, что-то написал в своём телефоне, мне стало трудно дышать. Каждая клеточка моего тела заняла в предчувствии приближающейся опасности.

— Алексей, остановите, пожалуйста, мне нехорошо.

Парень, который всю дорогу ввёл себя предельно вежливо и искренне, по-доброму, как мне казалось, улыбался, остро отличался от того, что сейчас сидел передо мной. Следя за дорогой, он выжидающе постукивал по рулю, не обращая на мою просьбу никакого внимания.

— Алексей, остановите, мне нехорошо!

Он продолжал меня игнорировать, а я чувствовала, как всё тело начала пробивать волна мелкой дрожи. Подсознательно я всё ещё отказывалась воспринимать всё, что сейчас происходило.

— Остановите немедленно!

Когда я уже была готова на ходу выпрыгивать из машины, Алексей свернул автомобиль на обочину.

— Тсс, зачем так нервничать. Любое ваше желание — закон для меня.

Чувствуя, как какое-то липкое чувство страха поселилось у меня внутри, я дёрнула ручку дверцы, но она не поддалась. Заблокирована.

— Что происходит?

Губы едва шевелились. Под поблескивающим откровенным желанием взглядом, я чувствовала себя жертвой загнанной хищником в угол.

— Всего лишь заехали за моим братом.

— Каким братом? Вы же сказали...

Я не успела договорить. На заднее сиденье машины ввалился мужик лет тридцати, от которого за километр несло лошадиной дозой алкоголя.

— О, какая цыпочка. Не зря я, видать, яйца морозил, пока тебя ждал. Ты её уже пробовал?

Я резко дёрнулась к двери, в панике начав барабанить по стеклу. Из глаз брызнули слёзы. Я чувствовала, как медленно начинаю разлагаться от нечеловеческого страха. И уже через секунду в мои волосы вцепилась большущая мужская ладонь, больно оттянувшая меня назад. А горло садануло острое лезвие ножа.

— Заткнись, сучка. Не то я щас твоё красивенькое личико почикаю, — когда моей щеки коснулся скользкий слюнявый язык, я почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. Ещё секунда и меня вырвет. — Куда её повезём? Или не будем церемониться? По-быстрому отрахаем эту блядь в машине, и пусть катиться на все четыре стороны. А-то нервная какая-то цыпа нам попалась.

— Не, такую по-быстроу нельзя, — я увернулась от протянутой к моему лицу ладони, как от удара. На шее тут же появился порез, из которого выступили капельки крови. А ещё через секунду мне невыносимо больно приложили по голове. — Хватит из себя целку строить, — дьявольски зло прошипел Алексей. Когда он снова завёл машину, у меня перед глазами всё поплыло. Голова в буквальном смысле разламывалась на две части. — К Лохматому её на дачу повезём. Кстати набери ему. Скажи, что ночка сегодня будет жаркой.

* * *

— Гривень звонил. Сказал, что тёлку зачётную на трассе подцепили. Сейчас к нам везут.

Артур рассмеялся, хлебнув пиво прямо из горла.

— Зачётных тёлочек на трассе нет. Они в других местах водятся. С дешёвыми шляхами пусть сам развлекается.

— Бунтарь, что с тобой? Я тебя в последнее время не узнаю. Ты куда собрался?

Накинув на плечи куртку, Артур поставил полупустую бутылку пива на стол и прикурил сигарету.

— Мне по делам кое-куда сгонять надо. Звякни кстати Резвому. Напомни, чтоб завтра не забыл свою тушу сто килограммовую в ресторан на встречу эту долбанную притащить.

— Так ты из-за Шаповала, что ли такой смурной? Всё ещё из-за сеструхи своей паришься?

— Лохматый, не поднимай эту тему.

— А чего? Да ты сам посуди. Нахрен ему твоя Юлька сдалась? Он о ней завтра даже и не вспомнит.

— Я сказал — закрыли базар. Сам со всем разберусь.

Сделав последнюю затяжку, Артур выкинул сигарету в мокрую от проливного дождя траву, и притоптал ногой. Поправив воротник куртки, парень быстрым шагом дошёл до припаркованного возле ворот дома внедорожника. Настроение итак в последнее время, не бьющее фонтаном радости, резко опустилось до минусовой отметки. Завтра приезжает Шаповал, а значит надо будет отчитаться о проделанной работе. Хотя у Артура были преимущественно хорошие новости: тачки отбили, рассчитались с Бесом, ментам глотки заткнули — его всё равно коробило от мысли, что Юля ещё в городе. Чёрт подери, эта малахольная мешала ему все карты. Она должна была смотать в свою Москву ещё пару дней назад. Если он ничего не путает, то она даже работу себе уже подыскала. Тогда какого чёрта она до сих пор здесь? Пока Юля в городе Бунтарь не мог полностью заняться делами. Его ломало от одной только мысли, что Шаповал может втянуть её в их грязные игры. А ещё больше его угнетало, что он не мог понять, зачем Шаповалу всё это. В том, что Главный, что-то задумал, Артур даже не сомневался. Шаповал никогда не брал в свой круг непроверенных людей. А то, что Юля сестра Бунтаря ещё не делало её «своей». И Главный это понимал не хуже Артура. Тогда зачем она ему понадобилась? И как теперь всё разрулить? Артур надеялся только на то, что сестра не станет глупить и как можно скорее смотает в столицу. Чем дальше она будет от Шаповала, тем Артуру будет спокойнее. Хотя за её жизнь трястись не придётся. Главное не допустить их встречи с Шаповалом. Если он учует добычу — всё пропало. Заведя мотор, Бунтарь с громким рёвом вывел свою машину со

двора. Прежде чем он отъехал на пару метров от дома, Артур краем глаза успел уловить подъехавший к воротам джип. Гривень наверняка со своей тёлкой вернулся. Порывшись в бардачке, Артур грязно выругался, когда не обнаружил там сигарет. Забыл пачку у Лохматого. Дьявол. Курить хотелось так, что скулы сводило. Поразмыслив пару секунд, Бунтарь всё же свернул машину обратно к дому. Лучше уж потратить лишние пять минут и вернуться за сигаретами, чем потом несколько часов ехать до своей квартиры в диком желании затянуться.

Подъехав к воротам, Артур почувствовал, как его охватила какая-то странная паника. Такое всегда случалось, когда вроде ничего ещё не произошло, а предостерегающее чувство приближающейся опасности уже било тревогу.

Выпрыгнув из машины, Артур, чувствуя как всё внутри болезненно сжимается, тут же ускорил шаг, услышав разгневанный крик Лохматого:

— Твою мать отцепитесь от неё Гандоны! Совсем уже осатанели? Своих не признаёте?

Он почувствовал ЕЁ присутствие ещё за несколько секунд до того как увидел свернувшееся в калачик возле дверей дрожащее тельце. Глаза налились кровью, а ладони сами по себе сжались в кулаки, когда его взгляд переметнулся на хрупкие плечики, едва прикрытые разорванной тканью одежды, не скрывающей проступающих капелек крови. Дальше он ничего не помнил. Ощущения были такими, словно у него из головы вырезали определённый участок времени. В памяти остались лишь какие-то смазанные картинки и обрывки фраз, чьих-то криков и испуганных стонов.

Он пришёл в себя только тогда, когда кто-то сильно тормозил его по плечу.

— Твою мать, Бунтарь, очнулся? Я уж думал и тебе больничку надо вызывать.

Попытавшись подняться, Артур тут же скривился от тянущей боли в рёбрах. Смутным взглядом, окинув периметр гостиной, он не смог разглядеть ничего кроме валяющихся на полу осколков стёкол и разорванной в щепки мебели.

— Полюбуйся. Твоих рук дело. Ремонт в сто косарей встанет. И это если ещё не считать оплаты проживания Гривня с братаном его в больничке. Знатно ты их потяпал. Рожи в мясо раскромсал. Мне тебя еле оттащить удалось.

Потерев ушибленное плечо, Артур ещё раз прошёлся взглядом по комнате. Внутри всё ещё колотило от не утихшей глухой ярости.

— Юля где?

Лохматый усмехнулся, собрав на совок осколки и выкинув их в пакет для мусора.

— Где Юля? — с трудом поднявшись на ноги, повторил Артур, чувствуя, как каждая клеточка тела начинает бурлить от бешенства.

— Я здесь.

Обернувшись на тихий неуверенный голосок, Артур едва ли сдержал в себе, два разрывающих его на части противоречивых желания. Увидев растрёпанную, дрожащими руками обхватывающую себя за плечи девушку, с разбитой губой, знатным синяком на скуле, несколькими порезами на шее и в порванной одежде, Артур чуть ли не взвыл от желания зарядить ей звонкую пощёчину, встряхнуть, что есть силы, привести эту ненормальную дуру в чувства, а потом обнять, вжать это хрупкое тельце в себя до хруста костей, и стереть с испуганного личика скатывающиеся по бледным щекам одинокие слезинки.

— Ну, я пойду, пожалуй. Мне ещё с больничкой всё уладить надо. Вы тут сами разбирайтесь.

Как только за Лохматым захлопнулась дверь, Артур не сдержался. Вихрем оказался

возле Юли, вцепился в её плечи так, что наверняка остались синяки, и с силой встряхнул несколько раз.

— Идиотка! Дура ненормальная! Куда полезла? В чью машину, дура, села?!

Он рвал глотку, продолжая трясти её за плечи и стараясь глотать нецензурщину. Его тело колотила волна крупной дрожи. Волна ярости и страха выжигала до костей. Первый раз в жизни он так боялся за кого-то. Боялся настолько, что сердце сковывало ледяными тесками. А если бы он не вернулся за этими чёртовыми сигаретами? Если бы те скоты не повезли её к Ломахматому? От мыслей, что могло бы тогда произойти, Артур вжал Юлю в себя с такой силой, что та испуганно всхлипнула и тщетно попыталась отстраниться. Почувствовав, как его рубашка в области груди начинает намочать, Артур грязно выругался про себя и невероятными усилиями воли смог подавить подступающую к нему новую волну ярости. Вплетя ладонь в её шелковистые, разметавшиеся в разные стороны волосы, он начал медленно, слегка подрагивающими руками гладить её по голове, стараясь подавить, пробивающую её тело мелкую дрожь.

— Ну, всё. Всё уже хорошо. Успокойся.

Желая поскорее привести её в чувства, Артур прислонился пересохшими губами к её лбу, и тут же отшатнулся от сестры как от дьявольского раската грома. Вдохнув в себя запах её волос, тело шизанула такая волна острого первобытного желания, болезненно осевшая в паху, что у Артура едва ли искры с глаз не посыпались. Никак он не ожидал такой яркой реакции своего тела. Только что ведь чуть пацанов своих не замочил, а сейчас не знает, куда взгляд отвести, чтобы не видеть упругий холмик груди, практически не скрытый под тканью разорванной одежды. Когда Артур увидел, как камушки сосков натянули ткань блузки, он подумал, что ему причудилось. Что это? Неужели на неё тоже так подействовал дикий выплеск адреналина? Резко переведя взгляд на её лицо, Артур увидел, как залились краской стыда её щёки, как уткнулся в пол, смутившийся до безумия взгляд. В эту секунду ему показалась, что вся кровь прилила к паху. В брюках стало настолько тесно, что Артур болезненно скривился.

— У тебя...порез тут, на груди. Надо обработать. Где здесь ванная?

Махнув рукой в неопределённом направлении, Бунтарь закрыл глаза, чтобы не видеть скользящей по дому хрупкой фигурки и медленно досчитал до десяти, тщетно пытаясь успокоиться. Всё. Пора с этим заканчивать. Скорее, как можно скорее надо сплавлять Юльку в столицу. Там и ей безопасно будет, и он, наконец, избавить от чертового, постыдного даже для него желания затащить сестру в постель.

— Вот я нашла вату и зелёнку. Садись. Надо тебя немного подлечить.

Слабо попыталась пошутить Юля, надавив Артуру на плечи, заставив его тем самым опуститься в кресло. Когда она устроилась возле него на ручке того же кресла, и провела холодной ладонью по его груди, Артур почувствовал как внутри всё запылало огненным вихрем. Готовый взорваться в любую секунду налитый кровью член натянул ткань брюк с такой силой, что Артур до зубного скрежета стиснул челюсти, мертвенной хваткой вцепившись в обивку кресла.

— Если будет больно, скажи мне, хорошо?

Стоило ей приложить ватку к саднящей ране и параллельно с этим подуть на царапины, как из его груди вырвался болезненный, полный безумного желания стон. Дико, невероятно сильно захотелось содрать с неё эти жалкие кусочки одежды, опрокинуть на жёсткий ковёр, коленом раздвинуть ноги и до утра, до полудня, до вечера следующего дня, выбивать из неё

крики полные наслаждения, жадно выпивать губами её хриплые стоны, заставляя её до крови царапать его кожу. Стиснув челюсти настолько, что меж них проступили желваки, Артур резко поднялся на ноги.

— Всё. Не надо больше. Дальше я сам.

— Артур, что-то не так? Я тебе больно сделала?

Кажется, она, и правда не понимала, что с ним происходит. В этот момент ему захотелось, рвануть её на себя настолько сильно, чтобы она конец, почувствовала, как безумно сильно он её желает.

— Нет. Всё нормально. Лучше бы о себе подумала. У тебя порезы на шее. Сейчас Лохма... Славка вернётся, в больницу тебя отвезёт. И не вздумай возражать. Будешь сопротивляться — в багажнике запрём.

Нервно теребя в руках зажигалку, Артур следил за каждым жестом, каждым словом Шаповала. На удивление, сегодня он был в просто прекрасном настроении. Судя по его рассказам, дела в Израиле он раскрутил. Может даже уже и точки свои забил. Только вот именно сейчас Артура это совсем не беспокоило. Он всё тушевал, что Шаповал про Юлю вспомнит. Что ему тогда говорить? Что она уехала? Так ведь это не правда. Пока Лохматый её по больничкам возил, он успел выведать, что раньше следующей недели она уж точно не собирается никуда уезжать. Да ещё и о каком-то друге информация поступила. Какой к чёрту друг? Неужели всё тот же старикан? Артур не верил, да и не хотел верить, что у Юли могло с ним что-то быть. И не только потому, что разница в возрасте у них «славная», мужик этот — тип скользкий. Артуру пару минут общения хватило, до того, как он ему кулак в рожу впечатал, чтобы понять, что старикан этот с изъёмом. Не для Юльки, уж точно.

— Бунтарь, ты чего хмурый-то такой? Выглядишь так, как будто у тебя пол-лимона зелёных из-под носа отжали. Что случилось-то? Мне тут доложили, что ты тачки отбил, товар Бесу вернул. Артуру оставалось только усмехнуться на молниеносную осведомлённость Шаповала. Где бы он ни был, он мог в любую секунду узнать, как идут дела в каждой из его точек.

— Вернул.

— А с ментами, что?

— Взятки кому надо дал. Проблем не будет.

После этих слов Шаповал расплылся в дольной улыбке, опустив руку на бедро своей длинноногой спутницы.

— Молодец Артур. Всегда знал, что ты единственный из всех моих охламонов, на кого я могу положиться, — лесть не пришлась Бунтарю по вкусу, тем более что он нутром учуял, что Шаповал от него, что-то скрывает. — Я кстати тоже время с пользой провёл. Всё схвачено. Свой канал в Израиль будем делать.

Эта новость вызвала у Артура приступ отвращения. Речь шла о наркоте. Её Бунтарь всегда лесом старался обходить. Своим пацанам не позволял даже на полметра к этой гадости приближаться. Да и Шаповал тоже к «белой смерти» весьма предвзято относился. Сам никогда её не употреблял, своим ребятам хоть и не запрещал это дело, но всегда жёстко наказывал, если они под кафом ему какое дело сливали. Только вот торговля наркотой всегда была выгодной. У Шаповала по этому делу уже не один канал «прорыт».

— А, что с сестрой твоей кстати? Что-то я её здесь не вижу?

Артур почувствовал, как в горле всё пересохло. Вспомнил всё-таки Шаповал. Хотя

скорее даже и не забывал об этом. Значит, неспроста ему Юля понадобилась. Что-то от него Главный скрывает. Артур мог бы в этом поклясться.

— Она не сможет. Она уже получила работу в другом городе и через несколько дней уезжает.

— Жаль, — нахмурившись, на этот раз серьёзно произнёс Шаповал, сжав пальцы на плече своей спутницы. Внезапно взгляд Главного переметнулся куда-то в сторону, и его губы расплзлись в довольной улыбке. — А, похоже, Артур, твоя сестра всё же нашла время нас посетить. Да ещё и не одна.

Бунтарь не сразу сообразил, о чём говорил Шаповал. Он понял, в чём дело, только когда увидел приближающуюся к ним парочку. Увидел, и почувствовал как глухой приступ ярости и полного непонимания затопил его с головой. Он даже не сразу распознал в этой, казалось бы неземной красоты девушке, вслед которой оглядывались, вероятно, все мужчины в этом зале, свою сестру. А когда увидел лежащую на её талии мужскую ладонь, испытал острое желание раскромсать здесь всё в щепки. Какого дьявола?!

* * *

Встав с кровати, я накинула на плечи лёгкий шёлковый халатик и босиком прошлёпала в ванную. Включив холодную воду и ополоснув всё ещё сонное от сна лицо, я взглянула на своё отражение в зеркале. Синие круги под глазами, красный «плавающий» взгляд, несколько неглубоких порезов на шее, фиолетовый синяк на скуле и чёткие следы от пальцев на запястьях. Красавица, ничего не скажешь. Слава богу, что родители вчера на весь день уехали к своим друзьям на дачу и вернуться должны только к вечеру сегодняшнего дня. У меня в запасе есть несколько часов, чтобы привести себя в порядок. Достав с верхней полки ванного шкафчика мамину косметичку, я начала колдовать над своей внешностью. Уже минут через сорок, благодаря почти наполовину опустошенному тональному крему, я смогла загримировать всю свою «красоту», исключая только никак не хотевших исчезать порезов. Что ж, их видно придётся скрывать под атласной тканью какого-нибудь шарфика.

Посмотрев на часы, я, обречённо вздохнув, решила сегодня не завтракать, а точнее уже не обедать, и сразу пошла в спальню родителей. После всего того, что вчера произошло, меньше всего мне сейчас хотелось видеться с Борисом, да ещё и идти с ним на какой-то приём. Но, что-то мне подсказывало, что эта встреча просто необходима. Вчера, когда я вернулась домой и приняла горячую ванну, смыв с себя следы прикосновений этих ублюдков, я решила больше не тянуть с отъездом. Нет, с меня уже хватит. Пусть всё катится к чертям. И эти грёбаные ушлёпки на дороге, после встречи с которыми, я извлекла для себя один очень важный урок: никогда, больше никогда в жизни я не сяду в машину к постороннему человеку, особенно мужчине, каким бы приветливым он мне не казался. И всё, что происходит между мной и Артуром. Вчера, когда я обрабатывала его раны, я очень чётко понимала, что он на грани. Он смотрел на меня таким взглядом, что по всему моему телу проходила волна безумной дрожи. И мне это не нравилось. Нет, меня просто выводило из себя собственное бессилие. Я не могла побороть свои чувства. Не могла заставить себя избавиться от этих безумных желаний. И единственный выход, который я сейчас видела — сбежать. Как можно скорее уехать из этого города. Была бы моя воля, я бы ещё тем вечером купила ближайший билет на самолёт и возможно сегодня, меня бы уже здесь не было. Тем

более что на следующей неделе, я должна проходить собеседование, и чем раньше я буду в Москве, тем лучше. Но сейчас мне необходимо встретиться с Борисом. Пускай спустя два года, но мы должны всё разрешить. Когда между нами, наконец, будет стоять большая и жирная точка, я сразу же поеду на вокзал.

Вчера вечером, когда я немного успокоилась, несколько часов проведя в горячей ванне, Борис прислал мне смс-ку. Он заедет за мной сегодня в пять вечера. А значит, у меня есть ещё часа три, чтобы привести себя в порядок. Этот вечер окончательно должен распутать затянувшийся узел. А значит, сегодня я должна быть как никогда решительна и уверена в себе. И для этого мне нужно хотя бы привести себя в божеский вид.

Открыв мамин шкаф, я вывалила на кровать все вешалки, на которых висели многочисленные платья. Так как мой чемодан бесследно исчез, а по магазинам я ещё не прошла, наряд на сегодняшний вечер придётся выбирать из маминых вещей. Правда, меня это несколько не огорчило. У моей мамы безупречный вкус и её гардероб пополняется просто с баснословной скоростью. А самое главное — у нас с мамой практически идентичные фигуры. И значит, проблем с размерами не будет.

Наряд на сегодняшний вечер я выбрала практически сразу. Нежно-голубое с небольшим вырезом на спине и не глубоким декольте на груди платье свело меня с ума, ещё, когда я полгода назад увидела его на маме. Они тогда вместе с папой приехали навестить меня, а перед этим две недели отдыхали в Милане. Неудивительно, что мама практически доверху забила свою гардеробную, а сумма на папиной кредитке спала как минимум в два раза.

Светло-бежевые туфли и нежно-бирюзовый клатч я тоже одолжила у мамы. А вот украшения я надевать не стала. Мне всегда было вполне достаточно золотого кулончика в виде обрамлённой мелкими сверкающими камушками прекрасной розочки. Этот кулон мне подарил папа на восемнадцатилетие. С тех пор я с ним практически никогда не расставалась.

К тому времени как я уложила волосы в причёску, Волконский уже несколько раз раздражённо просигналил под моими окнами, а на мой телефон пришло как минимум три смс-ки. Ничего, пусть подождёт. В конце концов, мне нет никого дела, опоздаем мы там на какой-то банкет или нет.

— Ты не очень-то растороп...

Борис замолчал сразу после того как я залезла в машину и он перевёл свой разгневанный взгляд с дороги на меня. Хватило всего пары секунд, чтобы я увидела, как искорки гнева потухли в его глазах, а на их смену пришла бездна восхищения. Несмотря на то, что к Волконскому я уже почти что ничего не чувствовала мне всё равно стало немного приятно. Бывший любовник смотрел на меня как на какое-то божество. Даже в самый пиковый момент нашего бурно развивавшегося романа он не пожирал меня таким жадным и вместе с тем восхищённым взглядом.

— Долго возилась с причёской. Извини.

— Ты великолепно выглядишь.

Его голос был чересчур хриплым и даже немного подрагивающим. В это мгновение я абсолютно точно поняла, с какой целью Борис пригласил меня в ресторан. По всей видимости, он не горит тем же желанием, что и я — расстаться по-хорошему. В его глазах читает явное желание перевести вечер из ресторана в номер гостиницы. Ну, уж нет. На этот раз он меня не получит. Если не захочет разрешить всё мирно — его проблемы. Я всё равно уеду.

— Спасибо. Думаю нам надо поспешить. Если я не ошибаюсь, банкет уже начался?

— Да. Ещё полчаса назад.

Заведя мотор, Борис вывел машину со стоянки. Он злился. И я не совсем понимала почему. То ли потому, что всем своим видом я давала понять, что все его надежды на продолжения вечера напрасны, то ли это всё из-за моей «пунктуальности». Волконский всегда ненавидел опоздания.

— Куда мы кстати едем?

— В «Мармарис».

Первые минут двадцать поездки Борис молчал. Тишину в салоне машины нарушала только тихая мелодия, под которую мне хотелось заснуть. Я уже мысленно настраивалась на завтрашний день. Нужно будет много чего сделать. Купить билет в Москву. Пройтись по магазинам. Не могу же я ехать в другой город совсем без вещей? Собрать все необходимые документы. Ещё и в больницу забежать на эти чёртовы процедуры. Иногда мне хотелось просто плюнуть на всё и пустить всё на самотёк. Но тут же я вспоминала о родителях. Что с ними будет, если со мной, что-то случится?

— Юля, — выключив музыку, Борис затормозил машину возле ресторана. — Могу я тебя кое о чём попросить?

— Представиться твоей двоюродной племянницей? Помнится, ты всегда просил меня так сделать, когда мы выходили на люди. Правда я не понимала почему. Но теперь ты можешь не утруждаться и ничего мне не объяснять.

Борису моя насмешка не понравилась. Более того, я чувствовала, что начинаю медленно выводить его из себя. Как же он всё-таки не любит, когда, что-то происходит не так, как он хочет.

— Я хочу представить тебя своей девушкой.

Наверное, у меня глаза на лоб полезли, потому, как Борис криво усмехнулся, глядя на меня.

— Ещё не успел развестись, а уже хочешь представить всем вокруг свою новую подружку? Что ж это в твоём духе. Только мой ответ — нет.

— Развод состоится на следующей неделе. И всем об этом известно. И мне бы не хотелось врать как раньше. Я больше не хочу скрывать тебя от своих друзей, коллег, партнёров.

Сначала я думала, что Борис шутит, но по его взгляду поняла, что он абсолютно серьёзен. Невольно переметнула взгляд на его ладонь и, не увидев на безымянном пальце обручального кольца, серьёзно заволновалась. Чёрт. Только этого мне сейчас не хватало.

— Ты не от кого меня не скрываешь Борис. Я согласилась на эту встречу только для того, чтобы расставить все точки над «i». Если ты рассчитывал на что-то другое, то это твои проблемы. Между нами уже никогда и ничего не может быть.

Несколько минут Борис молчал. По его взгляду я не могла понять, что именно он сейчас чувствует. И это меня настораживало.

— Хорошо. Я понял. Мы больше не будем возвращаться к этой теме. Договорились? — дождавшись моего молчаливого кивка, Борис открыл дверцу со своей стороны. — Тогда пойдём. Мы итак уже задержались.

Надо сказать, что за свои двадцать два года я побывала уже не на одном мероприятии такого рода. Папа не раз брал нас с мамой на такие встречи, и я уже имела примерное понятие, куда сегодня иду. Но с полной уверенностью могу сказать, что я заблуждалась.

Встреча в компании друзей Бориса была совсем другой. Все люди здесь были примерно одного типа. Мужчины, в основном все преклонного возраста, и крутящиеся рядом с ними девушки, которым я бы не дала больше двадцати лет. Я почувствовала себя неуютно сразу как вошла в ресторан, а уж после того, как Борис потащил меня к какому-то столику, и я почувствовала на себе десятки заинтересованных взглядов, мне и вовсе захотелось как можно скорее уйти отсюда. Но и это было ещё ничего. Когда Борис провёл меня к самому дальнему столику и в компании сорокалетнего, на вид довольно крепкого мужчины, я увидела своего брата, несколько секунд не сводящего с меня пламенного взгляда, мне показалось, что земля ушла у меня из-под ног. Какого чёрта? Что он здесь делает?

Меня бросило в жар, когда Волконский провёл меня к их столику, и я остановилась в нескольких сантиметрах от Артура. На несколько секунд я перестала воспринимать действительность. Мне казалось. Что я просто погибаю, заживо разлагаюсь под пылающим зверским огнём взглядом.

— Борис, рад тебя видеть. Поздравляю с успешным окончанием проекта! — мужчина, стоящий рядом с Артуром пожал руку Волконскому и через несколько секунд перевёл взгляд на меня. Я почувствовала, как медленно начинаю срастаться с землёй. Драпать. Как можно скорее нужно драпать отсюда. Плевать на примирение и всё остальное. Я больше не выдержу и секунды рядом с Артуром. — Я смотрю ты не один. Познакомишь меня с твоей очаровательной спутницей?

Как только рука Бориса легла мне на талию, я вздрогнула. И даже не столько от самого прикосновения, сколько от реакции Артура. Кадык на его горле дёрнулся. Руки сжались в кулаки. На скулах проступили желваки. А взгляд...господи, никогда в жизни не видела такого безумного взгляда!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я молила то ли Бога, то Дьявола, чтобы Борис сдержал своё слово и не представлял меня как свою девушку. Если он этого не сделает, Артур порвёт его. Он уже был на взводе. Одно неверное слово и завяжется настоящая бойня.

— Рад представить тебе прекрасную девушку и настоящего гения в компьютерном деле — Юлию. Пусть тебя не смущает её юный возраст. Поверь, она настоящий профессионал во всём, что касается передовых технологий. И с тех пор как Ветлилицкий уволился, я мечтаю заполучить её на его место. Надеюсь, моя мечта воплотится в жизнь. Правда, ведь, Юленька? Вы не откажите мне в моей скромной просьбе?

Меня бросило в жар. В эту секунду я была готова взорваться от возмущения и бесконечной злости. Какого чёрта сейчас творит Волконский? Какую ещё мечту? Он ничего не говорил мне ни о какой работе. А даже если бы и сказал, он прекрасно знал, что я никогда не соглашусь. Если бы мы были сейчас наедине, я бы ответила ему так, как хотела больше всего на свете. Послала бы на все четыре стороны. Но мы были не одни и углей к уже разгоревшемуся пожару, добавлял убийственный взгляд Артура. Всё. С меня хватит. Пора заканчивать этот абсурд.

— Ну, скажем, это ни такая уж скромная просьба. И я вынуждена разочаровать вас в ней. Я уже получила работу в другой организации. А сейчас извините, я, пожалуй, покину вас. Мне, что-то не хорошо.

Я не видела выражения лица Волконского. Резко развернувшись, я быстрым шагом двинулась к выходу. Почти интуитивно чувствуя следующего за мной Бориса, я ускорила шаг. Бешено колотящееся сердце грозило проломить грудную клетку. Задыхаясь от

подстёгивающего кровь адреналина, я решилась на безумный для меня поступок. «Нечаянно» толкнула идущего мне навстречу официанта с двумя подносами шампанского. Пока всё отвлеклись на внезапный шум, я воспользовалась несколькими лишними секундами. Проскочив к гардеробу, я, протянула бирку пожилой женщине. Через мгновения послышался звук скрипнувшей двери. Схватив своё пальто, я пулей рванула к запасному выходу, молясь, чтобы Волконский не заметил моего силуэта. Благо в «Мармарисе» я уже была несколько раз, поэтому быстро отыскала нужную мне дверь и уже через пару секунд оказалась на пустой площадке. Накинув плащ, я прислонилась спиной к холодной стене и облегченно вздохнула. Сердце колотилось как у загнанной в угол разъярёнными питбулями кошки. Воздуха, даже, несмотря на то, что мне в лицо дул прохладный осенний ветер, катастрофически не хватало. Дьявол. Только бы кашель не начался. С этими всеми стрессами и пробежками я окончательно подорву своё здоровье. Не хотелось бы, опять лечиться в больницу на обследование.

— Хорошее кино. Только вот главная актриса немного подкачала. Решила с королевы бала переключиться на золушку? Сбежала со званого вечера. Бросила своего кавалера. Разве, что туфельку не потеряла.

Артур стоял в паре шагов от меня и не сводил с меня взгляда. Спокойного с одной стороны, но если присмотреться, можно увидеть целый водоворот огненного безумия. Он двинулся на меня, и я тут же отступила. Чёрт, его присутствие разбередило, начавшее постепенно успокаиваться сердце. Усмехнувшись, Артур достал из кармана пачку сигарет, резко поднял на меня взгляд, пару секунд помедлил и убрал пачку обратно в карман брюк.

— Беспокоишься о моём здоровье, братик?

Артур поморщился, поджал губы, поднял на меня взгляд полный нескрываемого гнева. А я почему-то почувствовала удовольствие. Дикое всепоглощающее удовольствие. Не знаю, наверное, это мазохизм, но мне нравилось его злить. Видеть, как проступают вены на его сильных, бугрящихся мышцами руках. Как его ладони сжимаются в кулаки. Как на скулах «ходят» желваки. Мне, чёрт подери, нравился этот дикий огонь в тигровых глазах.

— Что у тебя с ним?

Он сделал ещё один шаг в мою сторону, и я вновь отступила назад. Пробравшийся в кровь адреналин дурманил рассудок. Меня загоняли в угол, как беззащитного маленького котёнка, а я при этом почему-то чувствовала власть над сильным разъярённым волком.

— С кем с ним?

Сделала вид, что не поняла вопроса, но с Артуром такая штука не прошла. Усмехнувшись, он в плотную приблизился ко мне, вжав меня в каменную стену. Положив ладони по обе стороны от моей головы, он навис надо мной как скала.

— Не строй из себя дурочку. Тебе не идёт. Что у тебя с этим стариком?

— Не понимаю о чём ты.

Он рассердился. Сильно. Да уж, моему братцу всегда не нравилось, когда от него начинали увиливать.

— Что у тебя с Волконским? Тебе не кажется, что он слишком староват для тебя?

В этот момент я почувствовала, как мои ладони вспотели. Перед глазами всё поплыло. Я окончательно перестала иметь власть над своим телом. Как замороженная смотря в серьёзное и немного бледное лицо Артура, я понимала, что надо что-то ответить. Он не отпустит меня, пока не получит ответы на все свои вопросы. Но где-то в глубине души, сопротивляясь и ужасно злясь на себя, я не могла понять, хочу ли я, чтобы Артур отпускал

меня?

— Чтобы у меня с ним не было, тебя это не касается.

В эту минуту я вздрогнула. Артур посмотрел на меня таким дьявольски безумным взглядом, что мне захотелось исчезнуть, растворить будто бы меня никогда и не было.

— Ты с ним спала?

Несколько секунд я молчала, медленно перебирая в голове каждое его слово и пытаюсь собраться с мыслями. Когда до меня дошёл смысл того, что он сказал, я испытала острое желание врезать ему и желательно побольнее. Вся растерянность исчезла в мгновение ока.

— Прекрати, слышишь?! Ты заходишь слишком далеко! То, что ты мой брат, двоюродный, кстати, не даёт тебе право лезть в мою личную жизнь. Тебя не должно волновать с кем я когда-то встречалась, в кого была влюблена и с кем спала. Это моё дело.

Я сказала это на одном дыхании и сразу почувствовала острую боль в горле. Не знаю, чтобы сейчас могло произойти. Артур вцепился в мои плечи с такой силой, что завтра наверняка появятся синяки от его пальцев. Судя по его взгляду, он собирался либо придушить меня, либо....В любом случае, что бы ни вертелось у него на уме, ему было не суждено осуществить свои планы. Мой «любимый» кашель с гнойной мокротой, о котором я уже практически забыла в Норвегии, решил меня навестить после долгих месяцев разлуки. Схватившись за горло, я, наверное, сползла бы на мокрый от проливного дождя асфальт, если бы Артур вовремя не подхватил меня и как пушинку не поднял бы на руки.

— Юлька, плохо? Давай дыши, глубже дыши. Сейчас малыш, подожди.

Задыхаясь от режущего горла кашля, я, прежде чем на глаза навернулись предательские слёзы, почувствовала, как Артур завернул меня в свою куртку и куда-то понёс. Уже через пару секунд он осторожно, обращаясь со мной как с самой драгоценной ношей в его жизни, погрузил меня в свой внедорожник. К этому времени я уже немного оклемалась. И хотя кашель ещё не прекратился, он уже значительно смягчился.

— Ты как? Может в больницу?

Голос Артура дрожал. Я даже удивилась, как сильно он за меня испугался.

— Всё нормально. Это скоро пройдёт. Отвези меня, пожалуйста, домой.

Молчаливо кивнув, Артур завёл машину, и мы тронулись с места. Дорога от «Мармариса» до моего дома была не близкой, особенно когда перекрыли плотину, поэтому я, поверх своего плаща, закутавшись в тёплую куртку брата, сама не заметила, как уснула.

Я резко распахнула глаза, чувствуя ужасное жжение в горле. Прошло ещё как минимум несколько секунд, прежде чем я поняла, что лежу в своей постели, и за окном только начинает светать. На часах, было, несколько минут девятого. Уже утро. Чёрт, я совсем не помню, как добралась до дома. Да и вряд ли бы я смогла это сделать на своих двоих. Неужели Артур меня на руках занёс? Только я почему-то ничего не помню. Хотя чему я собственно удивляюсь? Сейчас я проснулась не столько от того, что мне жутко захотелось пить, сколько от ужасного холода и дрожи во всём теле. Температура. Наверняка опять под тридцать девять градусов. Отлично. Только этого сейчас мне не хватало.

Тихо, стараясь не разбудить родителей, я чувствуя ужасную слабость и борясь с диким желанием нырнуть обратно под одеяло босыми ногами прошлёпала на кухню. Ещё до того, как я налила себе стакан воды, я поняла, что родители уже проснулись. Из ванной доносился шум льющейся воды, а через несколько секунд моё одиночество нарушила вошедшая в кухню мама.

— Ты зачем встала? Ещё и босиком! Совсем с ума сошла? Брысь под одеяло!

— Пить ужасно хочется.

Потрогав мой лоб, мама недовольно поморщилась.

— У тебя жар. Ну как можно так наплевательски относиться к своему здоровью? Юлия

— живо иди в кровать! Я сама принесу тебе попить. И не воду. Пстой-ка, она, что из-под крана? Ну, ты совсем рехнулась? Дуй под одеяло, я тебе сейчас молоко вскипячу.

К тому моменту, как мама закончила свою разгневанную речь, в кухню вошёл папа.

— Юляш, как ты себя чувствуешь? Ты так сильно кашляла ночью. Мы с мамой уже скорую думали вызвать.

— Нормально. Со мной всё хорошо. Сейчас лекарств выпью и через пару часов буду как огурчик. Па, я возьму твой ноутбук?

— Какой ещё ноутбук? — сразу вмешалась мама, как, обычно не дав отцу даже слова сказать. — Юля живо в постель!

— Мне нужно ещё раз зайти на сайт той компании, в которую я выслала своё резюме. Вдруг что-то изменилось. Мне уже в понедельник вылетать в Москву.

Я, конечно, знала, какая реакция последует за этими словами, но даже не подозревала, что мама будет так красноречива.

— Какую ещё Москву? Ты совсем чокнулась? У тебя осложнения начались! Тебе покой и уход нужны! Никакой Москвы! Ты слышишь? Останешься дома! Игорь ну скажи ей!

— Да папа, скажи маме, что я уже взрослая девочка и сама вполне могу позаботиться о себе.

Два выжидающих взгляда были брошены на моего растерявшегося и сразу принявшего защитную реакцию отца.

— Девочки, мне некогда. Я на работу опаздываю. Вы тут сами как-то...

Папа попытался незаметно скрыться, но мама быстро прошмыгнула за ним в прихожую.

— Что значит сами? Почему ты всегда делаешь из меня терминатора, а сам остаёшься беленьким и пушистым? Самсонов, немедленно поговори с дочерью...

Пока мама дробила папе мозги, я воспользовалась моментом и открыла ноутбук отца. Зайдя на почту, я увидела одно неп прочитанное письмо. Открыв его, мне сначала показалось, что я ошиблась. Извинение с сообщением, что место, которое я уже присмотрела для себя — занято. Да как так-то? Ведь собеседование должно было состояться только во вторник! Кликнув правой кнопкой мыши, я зашла на сайт фирмы. Действительно объявлений о свободной вакансии на ту должность, по которой я должна была проходить собеседование, уже не было. Выходит, раз человека приняли ещё до назначенного дня встречи, он прошёл по блату. Чёрт, всё в нашей жизни решают деньги!

Захлопнув крышку ноутбука, я достала из холодильника пакет молока и вылила его содержимое в кастрюлю. Мама права сейчас я одним чаем уже не отделаюсь. Горячее молоко с мёдом, тёплая постелька и хороший сон — лучшие лекарства. К тому времени как я сняла горячую кастрюлю с плиты, послышались приближающиеся к кухне шаги.

— Твой отец просто невыносим, — мама вошла в комнату с растрёпанными волосами, припухшими губами и съехавшей блузкой. Улыбка растянулась до ушей. Вот, что значит немного внимания со стороны любимого мужчины. — Ты, кстати дуй в постель. Я сама тебе всё приготовлю. И чтобы я больше не о каком собеседовании не слышала. Пока ты не поправишься, не может быть даже и речи о твоём отъезде.

— Ладно, — встав со стула, я невольно усмехнулась, когда увидела полное

непонимание на её лице. Да такой быстрой победы над моим, как она говорит, строптивым характером, мама точно не ожидала. Обычно я долго иду напролом, и в итоге мне удаётся отстоять своё мнение. — Тем более что теперь мне нужно подыскивать новые вакантные места для устройства на работу.

— А как же какая-то там фирма, которую ты уже давно для себя приглядела, и которую ты так сильно расхваливала?

— Не получилось. Место уже занято.

Вернувшись в спальню, я нырнула под одеяло, чувствуя, как тело начала пробивать новая волна дрожи. Чёрт, теперь наверняка опять температура подскочит.

— Ну, может это и хорошо. Побудешь дома, немного отдохнёшь, «подтянешь» здоровье. А уж потом можно будет и о работе подумать, — мама села на краешек кровати и протянула мне кружку с горячим медовым молоком. — А вообще, не была бы ты такой дурёхой, давно бы согласилась на предложение твоего отца.

— Мама, прекрати. Я не собираюсь работать у папы в компании.

— Ты хотя бы можешь объяснить почему? Это же самый лучший вариант. Хорошая зарплата, высокая должность, перспективы на будущее и...

— И вечный надзор? Была бы твоя воля, ты бы заставила меня с вами жить до самой старости. Мам я хочу сама, хоть чего-то добиться в этой жизни. И было бы замечательно, если бы при этом каждый, кому не лень, не шептался бы за мной спиной, что я всё получила благодаря папочке.

— Тебя сильно волнует мнение этих жалких людишек?

— Мам, закрыли тему. Я не пойду работать к папе. К тому же меня не привлекает тот род бизнеса, которым он занимается.

Сделав несколько глотков горячей жидкости, я поставила кружку на тумбочку и с головой зарылась в одеяло. Тело пробивала ужасная волна дрожи. Я чувствовала такой холод, словно я сейчас купаюсь в атлантическом океане.

— Ну, вот в кого ты такая упрямая? Вечно себе всё усложняешь.

Закутав меня поверх одеяла в тёплый плед, мама поцеловала меня в лоб.

— Ты вся горишь. Надо срочно жаропонижающие принять... Чёрт, как не вовремя. Мне как раз сейчас срочно надо отлучиться на пару часиков. Но как я тебя в таком состоянии одну оставлю?

— А куда ты уходишь?

— С подругой надо встретиться. Она проездом в нашем городе, уже сегодня вечером уезжает, а мне надо ей кое-какие бумаги передать. Наверное, теперь лучше отменить встречу.

— Не нужно, — сжав ноги в коленях и охватив их руками, я с трудом сдержала пробивающую меня дрожь. — Мне двадцать два года, сама смогу о себе позаботиться, — точно зная, что мама сейчас начнёт возражать, я быстро добавила, — ну или, в крайнем случае, Полинке позвоню. Она приедет.

Ложь, конечно. У Полинки сегодня свидание запланировано. Причём с кем, она мне не сказала. Тоже мне конспираторша.

— Вот это очень хороший вариант. Позвони ей обязательно. Пускай приезжает.

Встав с кровати, мама взяла наполовину пустую кружку с тумбочки.

— Ну, я тогда отлучусь ненадолго? Постараюсь вернуться как можно скорее.

— Иди, конечно.

По правде сказать, меня удивило то в какой спешке мама начала собираться. Даже, когда она наведывалась к папе на работу, дабы проверить, что изменилось в женской части коллектива, с которым он работает, она была не такой расторопной. А тут минут десять и уже готова. Видно действительно важная встреча. В любой другой раз я бы расспросила маму о ней поподробнее, но только не сейчас. Меня пробивал такой озноб, что я боялась не то, что пошевелиться, вздохнуть лишний раз не решалась.

— Ну, всё, я пошла. Постараюсь вернуться через час-полтора. Даже не вздумай вылезать из постели!

Как только послышался звук захлопнувшейся двери, я облегчённо вздохнула. Всё, что сейчас мне нужно было больше всего — покой. А это словно давно враждует с моей мамой. Она как начнёт, что-нибудь говорить, так хрен её потом остановишь. Поёжившись в кровати, я чуть было не заскулила, когда раздался звонок в дверь. Мама опять, что-нибудь забыла. Еле передвигая подкашивающиеся ноги, я вышла в прихожую и дрожащими руками повернула ключ в замочной скважине. В глазок я не смотрела. Поэтому, когда я увидела на пороге квартиры держащего в руках букет цветов и какой-то белый пакет Артура, я мягко скажем, сильно удивилась. Только спросить, что он здесь делает, не успела. Сознание покинуло меня раньше.

Я очнулась, когда кто-то трогал мой лоб и параллельно с этим тормозил меня по плечу. С трудом распахнув тяжёлые веки, я расплывчатым взглядом смогла увидеть нависшего надо мной Артура. В одной руки он держал кружку с какой-то жидкостью и двумя таблетками, второй пытался потеплее закутать меня в одеяла.

— Давай малыш, выпей. Тебе станет легче.

С трудом приподнявшись на кровати, я дрожащими руками обхватила свою кружку со слониками и, проглотив две белые таблетки, сделала пару глотков горячей жидкости. Зарывшись обратно под одеяло, я снова прижала ноги к груди и уже через пару секунд тихо засопела. Когда я вновь открыла глаза, а случилось этого от того, что мне в лицо бил яркий луч, пробравшегося в комнату света, я чувствовала себя уже значительно лучше. По крайней мере голова уже почти не болела, и прошла эта чёртова дрожь. Мне даже стало жарко под этими толстыми слоями одеял. Невольно пошевелившись, я попыталась высвободиться из «пухового заточения», но в ту же секунду почувствовала, как чьи-то сильные руки прижали меня к крепкой мужской груди. Прошло, наверное, около секунды, прежде чем я вспомнила, что произошло, и с кем я сейчас лежу в постели.

— Проснулась? Как себя чувствуешь?

Тихий, немного хриловатый голос, прошёлся волной мелкой дрожи по моей шее. Уже через секунду Артур осторожно перевернул меня так, что я оказалась лежащей к нему лицом, причём мои губы находились всего в паре сантиметров от его небритой щеки.

— Лучше. Ты дал мне жаропонижающие?

— И их тоже. Тебе не холодно?

Холодно? Сейчас мне было жарко. И не только от того, что выбраться из-под одеял мне не удалось. Когда я поняла, что Артур прижимает меня к обнажённой груди, а на мне самой кроме, по всей видимости, его футболке, под которой были только трусики, ничего нет, я почувствовала, как моё тело пробила мощная волна жара, а щёки заплыли в багровом румянце. Поймав мой смутившийся взгляд, Артур только крепче прижал меня к себе со словами:

— Ты пролила на себя чай. Мне пришлось сменить тебе рубашку.

Только представив, что Артур раздевал меня...видел полностью обнажённой, я почувствовала дикое смущение. А когда мне в живот упёрлось, «что-то» твёрдое, я невольно всхлипнула, вновь попытавшись освободиться, и на этот раз Артур тут же разжал руки. Судя по выражению его лица ему самому было неловко от реакции своего тела.

— Прости.

Его голос был тихим, чуть хрипловатым. Он смотрел на меня немного помутневшим, но вместе с тем серьёзным взглядом, и когда понял, что я хоть и отстранилась, но с постели всё же не встала, он положил ладонь на мою талию. Я вздрогнула. Невольно прикрыла глаза и прикусила нижнюю губу. Почему-то именно сейчас мне захотелось заплакать. И я толком не понимала от чего. То ли от дикого смущения, то ли от какого-то бессилия. Я ничего не могла поделать с охватившими меня чувствами. Мне хотелось, и убежать и вместе с этим прижаться к Артуру сильнее, провести ладонью по его плечам, груди...

Наверное, вот от этого переизбытка противоречивых эмоций всё и произошло. Я сама не поняла, в какой момент это началось, просто мне вдруг резко стало не хватать воздуха. Я схватилась за горло и попыталась высвободиться из одеял. Лекарства, надо срочно принять лекарства...

Артур вскочил с постели так резко, что я сама чуть было, не слетела на ковёр. Порывшись у меня в сумочке, он достал два, практически одинаковых белых пузырька и вопросительно посмотрел на меня. Нервно глотая ртом воздух, я кинула взгляд на один из пузырьков, и уже через пару секунд Артур заставил меня проглотить три таблетки. К тому времени, как он настежь распахнул все окна в квартире, я почувствовала, как приступ начинает немного отступать. Дышать стало значительно легче, зато теперь закололо сердце. Два года, два года я практически не вспоминала о своей болезни, жила абсолютно полноценной жизнью. Меня не мучил этот дикий кашель, я не чувствовала усталости и головокружения, у меня даже с дыханием проблем практически не было. И, что теперь? Вернулась домой и всё пошло, как и раньше. Не хватало ещё мне опять каждый день по больницам таскаться.

— Собирайся. Надо срочно показать тебя врачу.

Мда, всё как я и думала. Опять всё пошло по старому кругу. Только возражать я Артуру не стала. К моему огромному сожалению, он был прав. Мне нельзя запускать своё здоровье. Собралась я быстро. Особый марафет наводить не стала. Натянула джинсы, свитер, собрала волосы в хвостик, и вслед за Артуром спустилась во двор к его машине.

До больницы мы добрались быстро. Часы показывали всего полпервого дня. Машин на дорогах было немного. В кабинете у врача я не услышала ничего нового. Опять всё те же процедуры, всё тот же курс лечения и знакомые мне с детства препараты. Врач ещё посоветовал мне уехать куда-нибудь на море. Я бы и сама, конечно не отказалась сейчас где-нибудь на тёплом пляжном песочке под солнышком поваляться. Но на какие шиши? У родителей я точно просить не буду. Не маленькая уже девочка. В двадцать два года сама могу заработать себе на отдых. Только пока я не нашла себе работу и хотя бы полгода там не продержалась, не о каком море не может быть и речи.

Пока Артур разговаривал по телефону и мирно ждал возле машины, когда я возьму талон на следующий приём, я простаивала в длинной очереди, скучающе поглядывая по сторонам. За двадцать минут я уже прочла все вывески, плакаты о вреде наркотиков и расписания всевозможных врачей на каждый день недели. Невольно мой взгляд переметнулся на такую же длинную очередь, как и ту, в которой простаивала я, возле

кабинета гинекологии. Судя по всему, там дела обстояли ещё хуже, чем у нас. Если моя очередь, хоть и медленно, но всё-таки продвигались, то там люди, похоже, по часу не выходили из кабинета. В подтверждении моим мыслям, молодая девушка, приблизительно моя ровесница, облегчённо вздохнула, когда дверь кабинета, наконец-то распахнулась. Не знаю, что я почувствовала, когда увидела вышедшую в коридор маму. Сначала я подумала, что обозналась, но потом, когда пригляделась поближе, у меня не осталось никаких сомнений, что в кабинете гинеколога была именно моя мама. Но, что она там делала? Сомневаюсь, что встречалась с подругой, которой хотела передать какие-то очень важные документы.

— Девушка. Не задерживайте очередь.

Позади меня послышался недовольный женский голос. Невольно отведя взгляд от выскользнувшей за двери больницы мамы, я взяла в регистратуре талон на следующий приём.

Всю дорогу, пока Артур вёз меня до дома, почему-то решив проехать через платину, хотя напрямую было бы гораздо быстрее, я думала о том, что, а точнее кого увидела в больнице. Чего мама там могла забыть? Да ещё и в кабинете гинекологии. Просто проверить? Или они с папой, наконец-то решили завести ещё одного ребёнка? Прошло ведь уже больше двадцати лет с тех пор, как родилась я. Думаю теперь уже мало, что угрожает маминому здоровью, и если родители действительно решили завести второго ребёнка я буду очень рада.

— Юль, извини меня за вчерашнее. Я сам не соображал, что говорил.

Артур бросил мимолётный взгляд с дороги на меня, и я невольно вздрогнула. Похоже, он действительно сожалел о случившемся.

— Всё нормально. Забудем об этом.

Кажется, Артур хотел что-то ответить, но потом передумал. Всю оставшуюся дорогу до моего дома мы ехали, молча, а когда Артур затормозил машину возле стоянки, он обернулся ко мне и на полном серьёзе спросил:

— Почему ты ещё не в Москве? Я думал, ты хотела уехать туда как можно раньше.

Мне не понравился его тон. У меня сложилось такое впечатление, что он предъявляет мне претензии. Будто бы он хотел как можно скорее избавиться от меня, а я всё никак не сваливаю.

— Планы немного изменились. А ты так хочешь, чтобы я уехала?

Несколько минут он молчал, неотрывно смотря мне в глаза. Я даже смутилась. Первой отвела взгляд и испытала дикое желание выскочить из машины. Я не могу долго находиться рядом с Артуром, в особенности наедине. В последнее время со мной происходит, что-то странное. Я не дура, и прекрасно понимаю, что то, что я чувствую к Артуру, к своему брату, пусть и двоюродному, вовсе ненормально. И если пока с отъездом, по всей видимости, мне придётся повременить, то единственный шанс «поставить мозги на место» — свести всякое общение с братом к минимуму. И ещё было бы неплохо записаться на приём к психологу.

— Нет, не хочу, — наконец, перестав прожигать меня испытывающим взглядом, Артур вдруг на полном серьёзе спросил. — Ты так и не ответила. Что у тебя с Волконским?

Я не знаю, какие телепатии окружают нас в этом мире, но сразу после этого вопроса мой телефон завибрировал. Входящий и очень знакомый мне номер. Чёрт, ну что ему ещё от меня надо? Я моментально сбросила вызов, убрав телефон обратно в карман джинс.

— Во-первых, я ответила, и, по-моему, вполне внятно. Тебя это не касается. А, во-вторых, ты, кажется, всего несколько минут назад извинялся за вчерашний разговор, а теперь снова поднимаешь эту тему. Хочешь, чтобы мы опять поссорились?

— Я не хочу, чтобы ты совершила ошибку, о которой потом будешь жалеть.

— Артур не обижайся, но обычно в нашей семье ошибки совершаешь ты, — брат усмехнулся, но возражать не стал. А вот я почувствовала себя не очень уютно. Я не хотела его обидеть, но, похоже, сделала именно это. Он, ведь, кажется, искренне за меня переживал, а я «мягко» ему намекнула, что он головная боль нашей семьи. — Извини. Просто я не люблю, когда кто-то вмешивается в мою личную жизнь.

Не знаю, что на меня нашло, но после этих слов, я наклонилась к брату, и прислонилась губами к его слегка колючей щеке. Он вздрогнул. Невольно я уловила, как дёрнулся кадык на его горле, и каждый мускул напрягся от дикого напряжения. Да мне и самой стало не по себе. Вроде ничего такого не сделала. В щёчку, «по-родственному» поцеловала брата, а всё равно лицо запылало краской румянца. Как будто сделала что-то запретное, недозволенное.

— Юль, может, сходим завтра куда-нибудь? Я знаю одно отличное кафе, там делают твои любимые прожженные.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это неправильно.

— Но я ведь просто предложил...

— Артур за чем-то «простым», всегда следует, что-то «сложное». Нам ведь это ни к чему верно? — почему-то сейчас я почувствовала себя последней сукой. Только я всё равно всё сказала правильно. Я не знаю, что именно я чувствую к Артуру, но я более чем уверена, что все эти чувства надо обрезать именно сейчас, на корню. — Ладно, я, пожалуй, пойду. Счастливо.

Я вышла из машины с неприятным осадком на душе. А после того, как автомобиль с громким рёвом выехал со двора, вообще почувствовала себя самой последней гадиной. Но так лучше. Я всё сделала правильно. Настоящей низостью с моей стороны было бы дать Артуру надежду на, что-то. В конце концов, мы двоюродные брат и сестра, разве между нами могут быть хоть какие-то отношения кроме родственных? Всё это бред. Какое-то минутное помутнение, о котором мы даже и не вспомним через несколько лет. Главное сейчас не допустить ничего такого, о чём потом мы бы могли жалеть. Достав из кармана джинс вновь запиликавший телефон, я увидела на высветившемся дисплее одно новое сообщение с всё того же знакомого и ужасно неприятного мне номера. Чёрт, да почему же он никак не оставит меня в покое? Что ему ещё нужно? «Нам надо увидеться. Срочно. Заеду за тобой сегодня в 18:00»

* * *

Он, молча, курил сигарету, пролистывая меж пальцев денежные купюры. Сегодня взяли ещё одну партию. Перехватили прямо у ментов под носом. Чёрт, Бунтарю начинало это нравиться всё меньше и меньше. Создавалось такое ощущение, что кто-то серьёзно заинтересовался их ними делами. Кто-то явно влиятельный. Возможно один из многочисленных врагов Шаповала. И это плохо. Очень плохо. Начинает попахивать

разгорающейся враждой за территорию. Если Шаповал узнает, что кто-то пытается подмять под себя его город, начнётся настоящая резня. И именно сейчас Бунтарю хотелось этого меньше всего. Нет, больше того, он опасался, возможно, даже побаивался. Но не за себя. Ещё недавно Шаповал очень интересовался Юлей. Бунтарю, конечно, удалось оградить её от мира, в котором он вертится, но кто знает, что дальше взбрѣдет в голову Главному. В последнее время Артуру вообще казалось его поведение странным. Он всем нутром чуял, что мимо него пролетает, что-то важное. Что за его спиной ведѣтся какая-то игра. Двухсторонняя и очень жестокая. Но понять в чём именно она заключается, он не мог. И именно это раздражало больше всего. Собственное бессилие.

— С тебя ящик пива, Бунтарь. Держи, достал, что называется с пылу с жару!

Кинув на кухонный стол чѣрную толстую папку, Резвый вытащил из холодильника полупустую бутылку пива и по-хозяйски развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Затушив сигарету о пепельницу, Артур взял папку в руки и после нескольких минут молчания серьёзно, скорее даже с какой-то угрозой посмотрел на друга.

— Ты её читал?

— Успокойся брат, я, что на самоубийцу похож? Даже не заглядывал. Только, если не секрет, что там такого важного, что ты разбудил меня в час ночи и заставил ехать к Серѣге? Он, между прочим, в это время суток тоже не на спортивной площадке упражнялся. Знаешь, каким матом меня покрыл, когда я к нему в квартиру завалился?

— Ему за это платят. Причѣм довольно неплохо, — спокойно произнёс Артур, открыл папку, и в ту же секунду резко перевѣл взгляд на Кирилла. — Пива будешь дома хлестать. Проваливай.

— И это твоя благодарность? Хоть бы пожрать чего предложил. Желудок ещё с самого утра скребѣт.

— Дома и пожрѣшь. Давай, выметайся.

Артура раздражало присутствие Резвого. Бунтарю не терпелось открыть эту чѣртову папку, но пока Кирилл здесь, он не мог этого сделать.

— Тебе повезло, что я парень простой, не обидчивый. А-то остался бы без парочки зубов.

— Ты ещё здесь?

Усмехнувшись, Резвый встал с кресла и, хлебнув пива из горла бутылки вышел сначала из кухни, а потом и из квартиры, громко захлопнув за собой дверь. Слегка подрагивающими руками, Артур открыл папку и пролистал несколько первых её страниц, внимательно вчитываясь в каждое слово. Не прошло и пары минут, как Бунтаря пронял смех. Ну, прямо ни к чему не придаться. Не жизнь, а сплошной идеал во всѣм у этого Волконского. Полностью легальный бизнес, без всяких, даже косвенных зацепок на «чѣрные сделки». Две четырехкомнатные квартиры. Дача в Подмосковье. Кое-какая недвижимость за границей. Ко всему прочему этот нефтяник ещё и примерный отец. Трое детей, все учатся в самых престижных школах России и чуть ли не каждый месяц отдыхают на самых дорогих курортах мира. Трещину в идеальном досье ставило только поданное всего лишь пять дней назад заявление о разводе с супругой. Если цифры не врут, то Волконский прожил с ней вместе чуть меньше двадцати лет. Интересно с чего бы тогда этот разрыв? Новая молодая пассия? Если даже и так, то этот нефтяной старикан отлично потрудился, чтобы подробности его личной жизни не афишировались. Даже Серега, по-видимому, ничего не смог достать.

Закрыв папку, Артур снова закурил. Перебирая в памяти картинки сегодняшнего вечера,

Бунтарь чувствовал, как каждая клеточка тела разрывается от жгучей, прожигающей насквозь ярости...и ещё какого-то чувства. Непонятного, не изведенного раньше. Возможно ревности, вперемешку с обидой. Она была с ним. В кафе. Да, Артур следил за ней. Почему-то его угнетала каждая минута проведённая вдали от неё. А мысль о том, что она может быть с кем-то другим...Когда он видел, из окна машины наблюдал за тем, как этот сорокалетний мужик смотрит на неё, как пожирает её своими противным до чертей взглядом, ему хотелось прирезать его. А уж, когда этот похотливый скотина накрыл своей потной ладонью нежную ладошку Юли, ему захотелось разодрать его на части. И хотя девушка тут же убрала свою ладонь, встала из-за столика и быстро выбежала из ресторана, жгучая ярость вперемешку с дикой ревностью не позволили Бунтарю привести себя в чувства. У него не осталось практически никаких сомнений, что Юлю, что-то связывало с этим «примерным семьянином». Думать о том, что они были любовниками не хотелось, да что там, сама мысль, что Юлю касался этот...что он дотрагивался до её тела, целовал, ласкал, спал с ней, чёрт побери, была ему невыносима. Но воображение то и дело рисовало красочные картины.

Он понимал, что его чувства к ней ненормальны. Он пытался от них избавиться. Он искренни, надеялся, что когда она уедет в Москву, всё пройдёт само собой. Со временем, конечно, но пройдёт. Только она сама всё нарушила. Сама разбудила в нём убийственный коктейль чувств, состоящий из ярости, ревности и безумного желания. Теперь он не отступится. Плевать на все моральные устои. Плевать на их родственную связь. Он её хочет, а значит, он её получит. Ещё несколько минут помедлив, Артур всё же включил ноутбук, открыл электронную почту и отправил письмо на ящик Полины Вертлицкой. Теперь дело за малым. Она точно должна согласиться. По крайней мере, Артур на это очень надеялся.

* * *

Открыв своим ключом входную дверь, я вошла в квартиру и тут же замерла на пороге, услышав ругань из кухни. Родители ссорились. Причём, мне хватило всего нескольких секунд, чтобы понять, что они ругались не из-за какого-то пустяка. Почему-то вспомнился мой сегодняшней визит к врачу. Я ведь так и не поговорила с мамой. Когда я пришла домой, её не оказалось дома. А потом за мной заехал Борис, будь он не ладен, и мы так и не успели всё обсудить.

На цыпочках, стараясь особо не шуметь, я пробралась к кухне, стараясь вникнуть в то, что происходит.

— Игорь, умоляю, выслушай меня...Всё не так, клянусь, ты ошибаешься!

Мама плакала, я чётко понимала это по её дрожащему голосу.

— Замолчи! Я уже наслушался этого двадцать лет назад. Всё хватит. Какого дьявола? Твою ж мать, как ты посмела, снова это сделать?! Ты думаешь, я опять поверю тебе? С меня хватит, поняла? Хватит! Я не твоя ручная собачка. Нравится трахаться на стороне? Что ж я больше не буду мешать тебе жить, так как тебе хочется. На этот раз я не собираюсь снова спускать всё на тормоза.

— Игорь умоляю, я не изменяла, клянусь...

— Заткнись. Замолчи немедленно. Замолчи, иначе я просто убью тебя! Я не хочу снова всё это слушать. Я уже по горло испробовал этого дерьма. Развод, поняла? Я подаю на развод!

У меня внутри всё похолодело. Ладони вспотели, и тело пробила волна мелкой дрожи. О чём они говорят? Что происходит? Погружённая в свои страхи и расплывчатые догадки я даже не сразу заметила, что папа вышел в прихожую. Несколько минут он стоял возле распахнутой входной двери, не сводя с меня взгляда. Господи, никогда в жизни я не видела у него таких глаз. Столько боли, обиды и глухой, какой-то даже жалкой ненависти вперемешку с безысходностью... Чуть подрагивающими руками он провёл по лицу, и после нескольких минут промедления резко привлёк меня к себе, крепко обняв и поцеловав в макушку. А потом он ушёл. Ни слова не сказав, он так же неожиданно, как и обнял, отстранился от меня и вышел из квартиры, тихо прикрыв за собой дверь. И мне стало страшно. Я вдруг испугалась, что он насовсем ушёл. Что родители расстались навсегда. Но почему? В чём дело? Ещё сегодня утром они были безумно счастливы и влюблены друг в друга как наивные подростки, а сейчас... Поспешно разувшись и скинув плащ, я на цыпочках прошмыгнула в кухню и застыла в самых дверях. Мама плакала. Закрыв лицо руками, она тихо всхлипывала, произнося какие-то тихие и совсем непонятные фразы. Тут же подлетев к ней, я обняла её за вздрагивающие плечи, чувствуя, как тревожное чувство разгорается во мне всё сильнее и сильнее.

— Мам, мамочка всё хорошо. Ну, что ты родная, успокойся.

Я укачивала её и пыталась успокоить, словно маленького ребёнка. Точно также как и она меня, когда я детстве грохнулась с велика и разбила коленку. Только тогда рядом ещё папа был... Растворив успокоительную таблетку в стакане с водой, я тут же протянула его, постепенно начинающей приходить в себя маме.

— Всё нормально, Юль... Всё дочка я уже успокоилась.

Сделав несколько глотков, мама поставила стакан на стол и вытерла мокрые от слёз щёки.

— Что произошло? Мам, что случилось?

И снова этот взгляд. Такой же какой был у папы несколько минут назад, только ненависти нет.

— Пожалуйста, дочка я прошу тебя, давай не сейчас.

— Мам...

— Юленька я всё обязательно расскажу тебе, но позже... Мне нужно прийти в себя, пожалуйста.

Мамины глаза вновь заблестели от еле сдерживаемых слёз. Чёрт, да что же произошло такого катастрофического?

— Хорошо, только скажи мне... Я сегодня видела тебя в больнице. Ты выходила из кабинета гинекологии. Мам ты...

— Юляш, милая, пожалуйста, не сейчас... Я не могу об этом пока говорить.

Мама резко поднялась на ноги, подойдя к окну. Я тут же подлетела к ней, обняв её со спины за плечи.

— Ладно, хорошо, прости мамуль. Расскажешь тогда, когда сможешь, — когда мамини плечи вновь задрожали и тишину в кухне разрушили тихие всхлипы, я закусил губу от наворачнувшихся на глаза слёз. Господи, неужели всё настолько плохо...? — Мамуль, ну ты чего? Не плач, пожалуйста. А-то я тоже сейчас разревусь. Ещё соседей затопим. Мы итак с ними не расплатились ещё за тот случай, когда ты забыла выключить в ванной воду и ушла гулять. На этот раз они нас точно не простят. Я понимала, что мои слова — всего лишь жалкие попытки хоть как-то, но мама у меня сильная. Переборолла себя, прекратила плакать

и даже смогла выдать улыбку. Но только на несколько секунд. Потом медленно обернулась и тихо, с какой-то опаской спросила:

— А твой отец, он...

— Он ушёл.

Несколько минут мама молчала, а развернулась обратно к окну, горько, с долей обиды в голосе усмехнулась.

— Понятно.

Может, ей и было понятно, только я ничего не могла сообразить. И спросить, что произошло, тоже не решалась. По крайней мере не сейчас. Ни тогда, когда мама в таком состоянии.

— Ну, хочешь, я ему позвоню? Попрошу, чтобы он вернулся. Ведь он не откажет мне.

— Нет, не надо, слышишь? Не звони ему. Я сама во всём разберусь. Милая иди к себе, не забивай голову нашими проблемами.

— Мам...

— Юляш, пожалуйста. Мы, правда, сможем сами во всём разобраться.

Я не стала настаивать. Поцеловав маму в щёку, я ушла к себе в комнату. Стрелки на часах уже близились к одиннадцати вечера. Чёрт, ну и денёк. Встреча с Борисом...зачем я вообще на неё согласилась? Ах да, он же пригрозил, что если я откажу, он будет дежурить под моей дверью, и плевать он хотел на соседей. Честно, если бы не родители я бы тоже плевать хотела на его угрозы. Устроил бы концерт мне под дверью? Что ж, тем даже лучше. Вызывала бы полицию. Может быть, хотя бы это привело его в чувства. Но папа...если бы он узнал о моём романе с Волконским...чёрт, даже боюсь представить, чтобы бы было. Поэтому переступив через себя мне всё же пришлось отужинать с бывшим. На моё удивление в ресторане он вёл себя вполне адекватно. Возможно, потому что его всегда волновало мнение окружающих, а в «Вавилоне» было полно его знакомых. Правда цель самой встречи я так и не поняла. Он, что-то говорил мне о своём разводе. О том, что хочет всё вернуть. Хочет, чтобы я всегда была рядом с ним. Опять предлагал мне работать в его компании. Честно я не совсем понимала, зачем ему это. Если его желание вновь закрутить со мной роман ещё как-то укладывалось в моей голове, то вот зачем я понадобилась ему как помощник по работе, лично для меня оставалось загадкой. Впрочем, Волконский всегда умел, и убеждать и запудривать мозги. Наплёл мне что-то вроде того, что просто хочет всегда видеть меня, хотя бы издалека, разговаривать со мной, пусть даже на рабочие темы. В какой-то момент я даже поверила. На секунду в моей голове проскользнула мысль, а что если правда согласиться? Работа хорошая, зарплата....Но я тут же её отмела, представив, что мне придётся видеть Волконского каждый день, возможно, ездить с ним в какие-то командировки....Да и он, накрыв рукой мою ладонь, ясно дал понять, что со временем надеется заполучить меня не только как «ценного сотрудника». Снова быть его любовницей я не собиралась. И его разглагольствования о разводе никак не меняли моего решения. Наоборот, если он так легко может отказаться от женщины, которая родила ему троих детей и прожила с ним в браке восемнадцать лет, то на что можно рассчитывать мне? На этот раз, я ясно и чётко дала ему понять, что все отношения между нами закончены. И надеюсь, я очень на это надеюсь, что Борис всё понял. Он ведь не глупый мужчина. Зачем ему бегать за мной, когда вокруг полно красавиц, которые мечтают заполучить такого состоятельного любовника? Тем более теперь, когда он почти в разводе.

Почистив зубы и переодевшись в ночнушку, я улеглась в постель. Моё физическое

самочувствие было куда лучше, чем утром. Чего нельзя было сказать о душевном состоянии. Ссора родителей никак не укладывалась в моей голове. Никогда на моей памяти не было того, что произошла сегодня вечером. Мама и папа частенько ссорились, обижались, ругались друг на друга, но всё это было по каким-нибудь пустякам. А сегодня...случилось, что-то серьёзное. Я почти была уверена, что всё было связано с маминым визитом к врачу. Но если в нашей семье и правда ожидается пополнение, то почему это известие вызвало такую реакцию? И папа говорил такие омерзительные вещи...мне даже вспоминать не хотелось. Единственное на что я надеялась, это на скорейшее примирение. Они ведь любят друг друга. Чтобы там не произошло, они смогут во всём разобраться. Я была в этом уверена на все сто процентов.

С головой зарывшись в одеяло, я уснула практически мгновенно. Сказался излишек навалившихся на меня переживаний. Правда, прежде чем я тихо засопела, мне вспомнился наш последний разговор с Артуром. И вроде все точки уже расставлены по местам. Я поступила честно, а главное правильно. Даже мысль, что между нами может что-то быть аморальна. Только на душе всё равно было не спокойно. Мне почему-то казалось, что это далеко не конец. Что мой отказ, это скачок к продолжению. А самое страшное...что это продолжение не пугало меня. Наоборот, стыдясь себе в этом признаться, мне казалось, что я его ждала...

Я смотрела на Полину как на безумную и всё ещё не понимала, то ли она говорит серьёзно, то ли это какая-то дурацкая шутка.

— Юль, ну вот чего ты опять включила режим «пессимиста»? Говорю тебе, это не розыгрыш! Мне просто повезло. Сказочно, ужасно сильно подфартило! Я ведь столько участвовала в этих промо-акциях, должно же мне было хоть когда-то что-то перепасть!

— Полин, это не просто «что-то». Это две путёвки на острова Бора-Бора на четырнадцать дней. Неужели ты думаешь, что за то, что ты присылала коды на упаковках от йогуртов, тебе могли подарить путёвки во Францию?

— За три года, что я это делала, они не просто могли, они были обязаны это сделать.

Кажется, Полина начинала злиться. Вероятно, она и правда верила в эту лабуду. Вот почему Вертлицкая такая наивная? Ей кто-то наплёл какую-то чушь, а она уже чемоданы собрала.

— Полин, не обижайся. Но, по-моему, это какой-то развод.

— Ничего это не развод! Я вчера полночи с представителями их компании переписывалась.

— И что? Они сказали тебе, что, чтобы получить билеты, тебе сначала нужно выслать им какую-то определённую сумму денег?

— Ничего подобного! Я, что, по-твоему, совсем лохушка? Сома, я серьёзно выиграла два билета на остров Бора-Бора. И знаешь, у меня есть неопровержимое доказательство тому, что это никакой не развод!

— Неужели? И какое же?

— Билеты! — видимо заранее прорепетировав этот манёвр, Полина в ту же секунду достала из сумки белый конверт. — Вот посмотри, они у меня на руках. Ну, и что ты на это скажешь?

Я рассматривала два билета и всё ещё не могла поверить в то, что мне говорила Полина. Неужели, правда? Действительно два билета на Райские острова?

— Хочешь сказать, что они тебе вот так просто, по почте пришли? И всё?

— Нет не всё. Я ещё письмо с оповещением на электронный ящик получила. Юль, ну хоть теперь-то поверь. Никакой это не обман!

В течение нескольких минут я продолжала вертеть в руках билеты, пытаясь выяснить, в чём подвох. Но ничего «криминального» в глаза не бросалось. Неужели действительно, правда? Нет, здесь явно что-то не так. Только вчера я мечтала о таком отдыхе, и сегодня я держу в руках билеты на Бора-Бора. Это, что получается? Кто-то сверху записывает, а потом исполняет мои желания? Или действительно это простая удача? Ведь Полина и впрямь уже давно участвует в таких акциях. Только ничего до сегодняшнего дня ещё не выигрывала.

— Ну, ладно, может быть это и правда. И что теперь? Ты действительно собираешься лететь на остров?

— А, по-твоему, я могу отказаться от этого? И почему только я? Мы полетим вместе!

— Нет, Полин, даже если всё это и, правда, я не могу... Мне совершенно некогда отдыхать. Надо, наконец-то подыскивать работу. Кроме того у родителей сейчас не всё гладко в отношениях...

— Тем более! Тебе надо отдохнуть, расслабиться. Поправить здоровье. Тебе ведь очень пойдёт на пользу эта поездка. Кроме того, если у твоих родителей какие-то проблемы, я думаю, что ты сейчас будешь им только мешать.

— Возможно...но я всё равно думаю, что эта поездка не лучшая идея. И, кстати, ты уверена, что хочешь поехать именно со мной? У тебя же вроде мужчина появился. Может, наконец, расскажешь кто он?

— Вот на Бора-Бора я тебе всё-всё обязательно расскажу. Обещаю! Только поехали!

— Не знаю, мне подумать надо... Я не могу так сразу.

— Думай, только не долго. И твоё решение должно быть положительным. Договорились?

— Полин, всё не ной. Давай, топай домой. Я тебе позвоню через пару часиков.

Краем глаза я увидела, как мама прошла на кухню. Она с кем-то разговаривала по мобильному. Может быть с папой? Вдруг они уже помирились?

— Ну, Юль, пожалуйста...

— Топай, я тебе говорю. Потом всё обсудим.

Надув губки, и что-то обиженно пробурчав себе под нос, Полина, наконец-то ушла. А я вышла к маме, пытаясь вникнуть в её тихий разговор. Хватило и нескольких секунд, чтобы я поняла: она разговаривала не с папой и, по-видимому, они так и не помирились.

— Я не знаю, он не отвечает на звонки. А что ты предлагаешь? С Собаками его искать? Завтра я получу результаты ДНК теста. Ксюш, ну конечно я уверена. Нет, ошибки быть не может. Что буду делать? Для начала покажу их Игорю, а потом не знаю. Есть ли смысл сохранять брак? Он мне не доверяет. Прошло уже больше двадцати лет, а он всё ещё вспоминает об этом. Может нам и вправду лучше развестись? Не знаю Ксюш, не знаю. Это тяжело. Я люблю его, понимаешь? Даже представить не могу, что мы снова разойдёмся...

В этот момент мама заметила меня. Она сразу переменялась в лице, и постаралась спрятать за чёлкой заплаканные глаза. Чёрт, неужели всё это происходит на самом деле? Папа не ночевал дома, мама, по всей видимости, беременна, и родители собираются разводиться? Почему?

— Ксюш, я перезвоню тебе ладно? Да, хорошо.

Мама положила мобильный на стол и отвернулась к окну.

— Мам, что происходит? Ты ждёшь ребёнка?

— Давай поговорим об этом позже.

— Позже это когда? Почему ты не можешь мне ответить?

Я начинала злиться. Что от меня скрывают в этой семье? Я чувствовала, что от меня явно что-то ускользает, а вот что именно понять не могла.

— Позже это позже. Юля, пожалуйста, не бери мне душу. Мне хватает и твоего отца, — тяжело вздохнув, мама закрыла лицо руками и опустилась на стул. — Зачем Полина приходила? Я слышала, она что-то о поездке говорила.

— Она выиграла путёвки на остров Бора-Бора. На две недели. Предлагала мне вместе с ней полететь. Но я, наверное, откажусь...

Несколько минут мама молчала, а потом совершенно серьёзно ответила:

— Нет, не отказывайся. Юля, я прошу тебя, поезжай. Нам с твоим отцом... нам надо во многом разобраться, понимаешь? Я обещаю, что как только ты вернешься, я всё тебе расскажу. Но сейчас... Дочка поезжай, отдохни. В конце концов, это полезно для твоего здоровья.

Мама практически полностью цитировала Полину. А я не знала, что мне делать. С одной стороны я понимала, что родителям действительно надо самим во всем разобраться и сейчас я им только мешаю, но с другой мне хотелось остаться и хоть чем-то помочь. В конце концов, я поборов все сомнения и дурные предчувствия всё-таки приняла решение:

— Хорошо. Я поеду.

Я всё ещё не могла осознать, что это происходит на самом деле. Даже когда мы вошли в самолёт и заняли свои места. Полина постоянно что-то щебетала и радостно пицала, разглядывая в журнале картинки острова. А меня терзали сомнения, правильно ли я поступаю? В семье сейчас напряжённая обстановка. Родители уже два дня живут отдельно друг от друга. Папа ночует у дяди Кости и также как и мама не хочет меня посвящать в их проблемы. И вообще, у меня складывается такое ощущение, что я одна в этой семье ничего не знаю.

— Юль, Юлька, смотри...

Полина начала тормошить меня по плечу, не давая мне целиком погрузиться в свои мысли.

— Юль, смотри, смотри...

Вертилицкая никак не унималась, продолжала терзать меня за плечо.

— Ну чего тебе?

— Смотри, смотри туда. Я с ума сошла или это действительно они?

Повернувшись в ту сторону, куда Полина указывала чуть подрагивающей ладонью, я чуть не задохнулась, когда увидела сидящих в хвостовой части самолёта Артура и Лохматого. Господи, неужели это происходит на самом деле? Сердце забило где-то в горле, когда я поняла, что да, мы действительно в одном самолёте и изменить уже ничего нельзя. Начался взлёт. Я знала, чёрт побери, я знала, что будет какой-то подвох. И что теперь делать? Словно почувствовав на себе мой взгляд, Артур резко обернулся и наши глаза в буквальном смысле скрестились между собой. Меня бросило в жар. Он смотрел на меня нагло, с триумфом и я абсолютно точно поняла — это уже не игра. Всё происходит на самом деле. Он не отступится, а я... мне кажется, что я уже проиграла все сражения. Это конец. Нет, это начало конца.

— Они тоже, что ли на остров летят? С нами? Вот это совпадение.

Кажется, Полина действительно верила в то, что говорила. А я не стала её разубеждать. Совпадение? Чёрт из два. Это самая что ни на есть настоящая мышеловка, в которую я так удачно попала.

Вжавшись в своё кресло, Полина хаотично начала трясти меня за плечо. Но мне не надо было ничего спрашивать, чтобы понять, что именно произвело на подругу такое впечатление. Они шли к нам. По крайней мере присутствие Артура я ощутила ещё за несколько секунд до того, как почувствовала позади себя аромат его парфюма. Шикарный аромат. Нет божественный. Просто превосходный. Чёрт бы побрал моего братца, но он всегда и во всём умел произвести впечатление на противоположный пол. Только ко мне это не должно относиться. Я же его сестра. Мне ведь совершенно наплевать, что он сейчас в паре сантиметрах от меня, и я чувствую его горячее дыхание на своей шее?

— Кого я вижу? Девочки, тоже решили поваляться на песочке под солнышком?

Я физически, просто на каком-то заложенном в моей голове уровне ощутила его улыбку. Всё такую же наглую усмехающуюся, сбивающую моё сердце с ритма. Гадство.

— А вы... что тоже на Бора-Бора летите?

Полина сидела ко мне вполборота. Судя по её голосу, она всё также стеснялась и немного побаивалась Артура.

— Да малыш, я ведь рассказывал тебе, что мы с пацанами собирались отдохнуть? У Резвого дела срочные образовались. Серый к сестре свалил. У неё опять там, что-то со здоровьем. Так что мы с Бун...с Артуром вдвоём полетели, — ухмылка Лома, который, по-видимому, также сидел позади нас, ввела меня в ступор. Малыш? Это он так Полину назвал? — Кстати, солнышко, а ты ведь ни словом, не обмолвилась о своей поездке. Почему? Тебя кто-то ждёт, там, на острове?

Я ушам своим не верила. «Малыш», «Солнышко», «...ни словом не обмолвилась о своей поездке», что это всё значит? Они, что общались с Полиной? Почему она должна была ему, что-то рассказывать? И почему он её так называет? Не может же быть, чтобы её таинственным мужчиной оказался Олег? Или всё-таки может? Стоило мне обернуться к подруге и подловить её взгляд, в котором так и читалась: «Прости, я как раз собиралась тебе всё рассказать», как все мои догадки тут же подтвердились. Полина и Лом...Бред. Вертлицкая, что совсем с ума сошла? С одних граблей на другие? Чёрт, похоже, мы с подругой два сапога пара.

— Да ладно тебе, Лом. Полинке просто захотелось отдохнуть. Не наезжай на девочку.

— На МОЮ девочку, — отдёргнул Олег, и мне тут же захотелось закрыть уши руками. Что вообще сейчас происходит? — Кстати, малыш не хочешь поменяться с Артуром местами? Я соскучился по тебе крошка.

— Нет, не хочет, — вибрирующим от еле сдерживаемой ярости голосом, я ответила за миг онемевшую подругу. Медленно обернувшись, я встретила с двумя взглядами. Ехидно усмехающимся, который выскользнул из моего внимания уже через долю секунды и триумфальным наглым слишком откровенным, который тут же заставил моё сердце пропустить десятки тысяч ударов всего лишь за одно мгновение. По телу прошла волна предательской, выворачивающей все чувства наизнанку дрожи, которая медленно, словно желая окончательно лишит меня разума и последних здравых мыслей, осела внизу живота, вызвав уже хорошо знакомую мне истому. Перед глазами тут же возникла картина того самого вечера, когда я подловила попутку и потом Артуру пришлось меня спасать от...хм

наверное своих же приятелей. Но мне вспомнился не момент домогательств тех придурков и последовавшая за этим драка. В голове всплыла картина, как я обрабатывала его «раны». Как водила ладонью по гладкой коже. Как ловила на себе его полные дикого желания взгляды и к собственному стыду замечала, что мне это нравится. И не только нравится. Я чувствовала тоже, что и он... Тот же голод, тоже постыдное, но совершенно неконтролируемое желание... Кажется, Артур понял, о чём я думаю. Нет, не просто понял. Он впитал в себе чувства, которые сейчас овладели мною. Его глаза стали отражением моего собственного взгляда. И от этого всего крышу снесло окончательно. Я забыла о былой злости. Забыла, кем приходится мне Артур. Забыла, что мы сейчас не одни. Мне почему-то стало на всё наплевать. Никогда раньше я не чувствовала водоворота таких противоречивых разрывающих душу чувств. Дикая ненависть, желания убить за его наглость, за его безумную дерзость. И вместе с тем какое-то зверское желание позволить... забыть, хотя на мгновение, на долю секунды забыть обо всём и почувствовать его губы на своих губах, его руки на своём теле... Просто почувствовать ЕГО. На себе, в себе, раствориться в нём безвозвратно...

Это продлилось всего лишь мгновение. Всего лишь мгновение мы раздирали друг друга взглядами, а потом я смогла взять себя в руки. Не знаю, как у меня это получилось, но я смогла отвернуться, до крови закусив нижнюю губу, я заставила себя сделать так необходимый сейчас поток воздуха. Оказывается, всё это время я не дышала. Я просто смотрела в его невозможно зелёные как у опасного хищника, как у тигра, готовящегося к прыжку глаза, и подышала. Психологически я уже проиграла один раунд. Один: ноль в пользу Артура. И почему-то мне кажется, что в этом сражении я так и не смогу отыграться. Более того, где-то глубоко внутри себя я уже знаю... если Артур пойдёт дальше, я проиграю все бои.

Первые пять дней, что мы провели на острове, превратились для меня в одни сплошные догонялки. Я уже знала. Когда мы подъехали к своему отелю и нас проводили к нашим номерам, я знала, что Артур будет где-то рядом. И я не ошиблась. Нас с Полиной разместили в одном двухместном номере. Артур и Олег забаррикадировали нас с двух сторон. У Олега был следующий после нашего номер, у Артура — предыдущий. И, по-моему, это устроило всех, кроме меня. Полина дни и ночи напролёт проводила вместе с Ломом. Любые мои попытки хоть как-то оградить её от этого парня свелись на «нет». Она была влюблена. Безумно влюблена. Гораздо сильнее, чем когда-то в Артура. И с одной стороны я была этому даже рада, наконец-то она смогла полностью оправиться от неудавшегося романа, но с другой... Олег был совсем не тем парнем, которого я представляла рядом со своей подругой. Полина — нежная добрая весёлая очень хрупкая, а Олег — грубый жёсткий, абсолютно не знающий никаких норм приличий. Неужели противоположности и вправду притягиваются?

Если подруга жила все эти дни как в раю, то я полностью вжилась в роль жертвы, убегающей от маньяка. Каждую секунду я с замиранием сердца оглядывалась по сторонам, и стояло мне где-то близости заметить Артура, я тут же сбегала. Самым безопасным местом как не странно для меня стал пляж. Я могла спокойно устроиться на каком-нибудь лежаке, тем самым затерявшись среди толпы отдыхающих. Надо сказать, что пляж вообще стал моим самым любимым местом на этом острове. Тёплый песок, плескающиеся волны океана, несколько бунгалов, где можно было вкусненько перекусить. Этот остров и вправду оказался раем. Особенно прекрасным он казался после дождливых дней в Челябинске. Наверное, я бы никогда не захотела отсюда уезжать, если бы не постоянно преследующий меня Артур. Он

злился. Ужасно. Дико. Словно зверь. Несколько раз он чуть не поймал меня, но мне всегда удавалось ускользнуть в последнюю секунду. Надо сказать, что эта игра в кошки-мышки подогревала, нет, скорее даже сжигала до пепла разыгравшийся внутри меня адреналин. Мне нравилась эта игра. Мне нравилось в ней вести. Мне нравилось наблюдать за тем, как ОН бесится. Как безрезультатно пытается заманить меня в свои сети. Меня смущало, настораживало, и где-то на подсознательном уровне даже пугало только то что, стесняя признаться даже самой себе, мне хотелось проиграть. Мне хотелось, наконец-то быть пойманной. Мне хотелось узнать, что будет, если ему удастся завлечь меня в свои сети... Смогу ли выкарабкаться?

— Отдыхаем?

Я даже подскочила на месте, пролив на своё полотенце стакан с апельсиновым соком. Он стоял в шаге от меня и представший передо мной вид завораживал. Чёрт, теперь я понимаю всех тех девчонок, который таскаются за ним как собачонки. Он идеален. Он просто совершенство. Пленяющий до невозможности грех, перед которым просто нельзя устоять. Бывает разная красота. Кто-то просто ухаживает, следит за собой, кто-то от природы наделён «милой» внешностью, но он... Дьявол. Обольститель. Чарующий демон спустившейся из самой преисподней. Всё в нём за гранью, за какой-то чертой реальности... Оточенное многочасовыми тренировками поджарое тело. Пепельно-чёрные коротко остриженные жёсткие волосы. Раньше они были другими. В школе он носил другую причёску. Не такую короткую. Но ему шло всё. Даже если бы он на лысо обрился он бы всё равно оставался эталоном. А это лицо... если бы я лично не знала его родителей, я бы подумала, что его матерью была чистая ангельски красивая девушка, спустившаяся на эту землю с небес, а отец демон ночи, дьявольский обольститель, рвущий душу в клочья искушитель, перед чарами которого не сможет устоять даже святая.

— Всё рассмотрела? Ну и как, понравилось?

Он усмехался. Ему нравилась моя реакция на его тело. А я, злясь и ужасно проклиная себя, залилась краской. Чёрт бы его побрал.

— Не знаю о чём ты. Я смотрела на океан. Кстати отойди в сторонку, ты вид загораживаешь.

Ещё одна усмешка. Кинув, своё полотенце на рядом стоящий лежак Артур через долю секунду приземлился туда.

— Ты давно на пляже? Я, что-то не видел тебя на завтраке?

— Я здесь с самого утра. Перекусила в бунгале.

На секунду его глаза загорелись дьявольским блеском. Мне даже стало не по себе. Что я такого сказала?

— Значит, много проводишь времени на пляже?

Чёрт. Вот гадство. Теперь мне про пляж можно забыть. Артур будет здесь дежурить день и ночь.

— Я люблю загорать.

— Тогда ты не будешь против, если я расположусь рядом?

— Располагайся. Я всё равно собиралась уходить.

Он засмеялся. Громко. Так, что некоторые загорающие рядом люди обернулись к нам.

— Из-за меня? Сторонишься моего присутствия?

— С чего бы вдруг?

Он вдруг резко перестал смеяться. Вслед за мной поднявшись с лежака, Артур

прищурился, а потом совершенно неожиданно спросил:

— Вот и я думаю, с чего бы? Чего ты боишься? Меня или саму себя?

Несколько секунд я прибывала в замешательстве, не зная, что ему ответить. Отшутиться не получится. А сказать правду... так ведь я сама её не знаю.

— Я боюсь задеть твои чувства. Ты как-то не так воспринимаешь наши отношения. Мы двоюродные брат и сестра. Я люблю тебя, очень. Но люблю только как брата. Не больше и не меньше. Во всех остальных смыслах ты мне полностью безразличен. Я равнодушна к тебе как к парню. Я даже никогда не думала о тебе в этом смысле.

Ложь. Гадкая мерзкая ложь. Я знала, что сделала больно. Безумно больно. И даже не могла понять кому больше. Ему или самой себе? Я смотрела в его невозможно зелёные глаза и чувствовала, что внутри всё разрывается от его взгляда. Он поджал губы. Опять прищурился. Я чувствовала, что он пытается сдержаться. Изо всех сил. Сдержаться, чтобы не ударить меня. Не сделать так же больно, как и я, ему только что. Но ведь это к лучшему. Я должна была сказать именно так. Неужели он сам ничего не понимает?

— Безразличен значит?

Я кивнула, а сама скрестила за спиной руки и с такой силой сжала ладони, что на них наверняка останутся следы от ногтей.

— Равнодушна как к парню?

Опять кивок. И опять ужасная внутренняя борьба. Так лучше. Так правильной.

— Докажи.

Он ввёл меня в ступор одним коротким словом. Я смотрела на него и не понимала, то ли я ослышалась, то ли что-то не так поняла.

— Докажи.

Снова повторил Артур и с силой сжал пальцы на моих запястьях. В эту минуту меня пробила такая мощная волна дрожи, что я еле удержалась на ногах. Внутри всё колотало от безумного всплеска чувств.

— Давай, докажи, что ты ничего не чувствуешь ко мне в ЭТОМ смысле. Докажи, что я полностью безразличен тебе как мужчина. Докажи мне это и клянусь я стану для тебя БРАТОМ. Только братом и никем большим. Но сначала докажи.

— Как?

Мой голос дрожал. Я едва сдерживала подступающие к глазам слёзы. Господи как мне доказать ему, что я полностью равнодушна к нему как к мужчине, если это абсолютно не так? Да будь я проклята, но меня разрывает на части только от одного его взгляда.

Артур молчал. Несколько минут он так и стоял, не выпуская из рук мои ладони и не произнося не слова. Мне даже показалось, что он забыл о моём присутствии. Думает о чём-то совсем далёком. Но эта была всего лишь передышка. Передышка для меня. Затишье перед бурей... к которой я была совсем не готова. Когда он резко подхватил меня на руки, перекинув через плечо, и помчался к океану, я вскрикнула. Я начала колотить его по спине, пытаюсь выбраться. Но это было бесполезно. Он с разбегу вошёл в воду, и меньше чем через долю секунды я оказалась выброшенной в океан. Меня тут же пробила дьявольская волна дрожи. Волна безумного холода от леденящих волн океана и дикого испепеляющего жара от безумного сумасшедшего взгляда. Как только я вынырнула, сделала жадный глоток воздуха и перекинула на плечи мокрые пряди волос, Артур тут же притянул меня к себе. Я даже не успела разозлиться. Тело отреагировало раньше. Стоило ему сжать ладонями мою талию, впиться в моё лицо откровенным продирающим душу взглядом, как я сдалась. Проиграла

ещё одно сражение. В ту же секунду меня разорвало накрывшее с головой цунами жара и дикого желания. Да, чёрт подери, будь я проклята. Будь проклято моё свихнувшееся тело, но я хотела Артура. Хотела в самом примитивном смысле этого слова. Мои соски затвердели под его хищным животным взглядом. Океаническая волна оттянула купальник так, что лифчик практически полностью обнажил мою полную, хаотично вздымающуюся грудь. Грудь, которую он поработил своим взглядом. Когда Артур медленно прошёлся ладонями вдоль моего тела и поверх мокрой ткань сжал пальцы на затвердевших сосках, я вскрикнула, тут же дернулась, попытавшись вырваться, но он буквально вжал меня в своё тело. Вжал так, что уже через долю секунды я ощутила, как его вставшая плоть упирается мне в живот. Он возбуждён. Он на грани. На грани, так же как и я. Все мои чувства оголены как натянутая струна. Я хочу его сейчас. Во мне. Немедленно. Здесь. В этом океане. И плевать. Плевать на всех и вся.

— Это твоё безразличие? — он усмехнулся и сжал меж двумя пальцами мой затвердевший сосок. А я прокусила губу до крови. Впила ногтями в своё бедро, но сдержала рвущийся из моего горла крик. — Это ты называешь равнодушием? Значит, любишь как брата? Ничего не испытываешь как к мужчине? Пусть будет, по-твоему. Только могу поклясться твои трусики сейчас мокрые. И вовсе не от океанических волн. Ты ведь хочешь, милая? Хочешь, чтобы я тебя трахнул? Прямо сейчас, прямо здесь? — он склонился к моему лицу, и я почувствовала, что ещё немного, и я просто потеряю сознание. Так не бывает. Невозможно испытывать это безумство. Этот ураган желаний, сносящий всё на своём пути. — Я тебе трахну, милая. Трахну так, чтобы ты больше никогда не назвала меня «братом». Но не сейчас. И не здесь. Я трахну тебя тогда, когда ты сама об этом попросишь. А пока я не прикоснусь к тебе. Я не дотронусь до тебя до тех пор, пока ты первая не придёшь ко мне.

Он резко отпустил меня и вышел из воды. Уже через пару секунд Артур скрылся из моего поле зрения. Едва передвигая подкашивающиеся ноги, я вышла на берег и рухнула в мокрый песок. Два: ноль в его пользу. И я знаю, нет, я чувствую, что очень скоро этот счёт увеличится.

Медленно потягивая из трубочки какой-то обжигающий горло коктейль, я просиживала вечер в баре своего отеля. Полина как всегда была с Олегом. То ли они где-то гуляли, то ли были в его номере. Вообще сейчас её, наверное, можно было и не ждать. Она тонко намекнула мне, что останется ночевать в номере у Олега. А я не стала её останавливать. После всего того, что сегодня произошло я, просто не имела права читать ей нотации. Олег не идеален. И я по-прежнему считала, что он совсем не пара Полине, но они НЕ РОДСТВЕННИКИ, а значит, какими бы разными они не были, им всё равно ничего не мешает быть вместе. Гулять, целоваться, заниматься сексом — для них нет запретов. А для меня есть. Для меня есть все эти запреты, которые я сегодня с треском разрушила. «Я тебя трахну милая, трахну так, чтобы ты больше никогда не назвала меня братом» — эти слова всё ещё стоят у меня в ушах, всё ещё не дают мне успокоиться. То, что произошло сегодня, на пляже...сто стороны это, наверное, было мерзко. Наверное, я должна была возненавидеть себя. Постараться забыть обо всём, что случилось, а главное не допустить повторений. Но я не жалела. Да, меня разрывал стыд. Разрывал в клочья, на самые мелкие кусочки. Но я не жалела и более того я знала, что ПОПРОШУ. Ведь он всё для этого сделает. Он не оставит меня в покое. Я была больше чем уверена, что он больше не станет поработать меня, но он

сделает всё, чтобы я сама к нему пришла. Чтобы сама попросила. И я попрошу. Рано или поздно я порошу его прикоснуться ко мне...и тогда уже никто из нас не остановится. Я почувствовала. На каком-то подсознательном уровне я почувствовала, что он здесь. Где-то совсем близко. Резко обернувшись, я чуть не пролила виски себе на платье, когда увидела его в другом конце бара. За самым дальним столиком. Он был не один. Рядом с ним сидела какая-то девка. Яркая брюнетка в вызывающе красном платье, которое совершенно не прикрывало то, что вообще должно было прикрывать. Эта девка смеялась. Я видела, как её перемазанные помадой губы расплываются в довольной улыбке, когда Артур наклоняется к ней, шепчет в ухо, наверняка что-то интимное, потому как она жадно слизывает со своих пухлых губ помаду и заливаётся краской стыда. Только ей не стыдно. Всё это наиграно. Если он попросит она, прямо сейчас раздвинет ноги. Вон там. За тем столиком. Прямо в этом баре. Она...моё собственное отражение. Сегодня я была готова раздвинуть ноги. Там, на том пляже. Перед большим скоплением людей. Сегодня я была готова отдаться ему где угодно, если бы он попросил. Внезапно к горлу подкатила тошнота. Я едва сдержала истерический смех, когда он положил ладонь на её коленку и, наклонившись, поцеловал девчонку в губы. У меня внутри всё сжалось ледяными тесками. Ненависть, злость, обида, презрение к нему и к себе...Я не выдержала всего этого. Соскочив с места, я выбежала сначала из бара, а потом из отеля. Мне нужен был воздух. Срочно. Я начинала задыхаться. По-настоящему. Ещё бы секунда и у меня бы начался приступ.

Тяжело дыша, я завернула за угол здания и присела на бордюр. Чёрт. Перед глазами всё ещё стояла картина как он лапал какую-то шлюху. Почему-то хотелось то ли заплакать, то ли засмеяться. А чего ты ожидала, дура? Разве ты не знаешь Артура? Не знаешь, с какой скоростью он меняет девок? Утром одна, вечером другая. Он бабник. Он циник. Он самая настоящая скотина лишённая всех моральных принципов. И он твой брат. Очнись Самсонова, он твой БРАТ!

— Скучаешь?

Я вздрогнула и резко подскочила на ноги, когда услышала позади себя его голос. Обернулась. Он стоял в шаге от меня и пытался отдышаться. Бежал? За кем?

— Гуляю на свежем воздухе.

— Почему ушла из бара? Не понравилась музыка?

С моих губ сорвалась усмешка. Значит, он видел. Видел, что я сидела в этом баре. И этот спектакль...он устроил для меня?

— Не понравилось представление. Дешёвое. Наигранное.

— Приревновала?

Я снова усмехнулась. Попыталась пройти мимо него, но он перехватил меня за руки и резко впечатал в стену. Сердце пропустило тысячу ударов. Я снова забыла кто я и кто он. Я снова забыла о своих принципах, которые Артур растоптал. Ему снова удалось это сделать всего лишь за какие-то доли секунд. Одно его прикосновение и я уже схожу с ума. Это ненормально. Неправильно. Дико. Но я не могу это контролировать.

— Мне всё равно. На тебя и на твоих девок.

Очередная ложь. Наглая жалкая, в которую он никогда не поверит. Мне не всё равно! Чёрт побери, я не могу смотреть, как он прикасается к другим...

— Опять обманываешь? Тебе ведь не всё равно? Ты ревновала малыш. Хочешь я докажу тебе это? — он опустил взгляд в вырез моего платья и я залилась краской стыда. — Твои соски...дьявол малыш, могу поклясться они твёрдые как камушки. — Я вскрикнула. Да, чёрт

подери, я не выдержала, когда он опять жадно обхватив пальцами мою грудь, сжал затвердевшие соски. Я вскрикнула, вцепилась ему в плечи, но не попыталась отстраниться. Не могу... Не сейчас. — Знаешь, о чём я думал, когда прикасался к ней? Когда целовал её губы? Когда трогал её ноги, грудь? Знаешь, что я представлял? Тебя малыш. Я представлял, что прикасаюсь к тебе. Что ласкаю, целую тебя. Позволь мне малыш, позволь моя девочка, я хочу ласкать тебя, сводить тебя с ума...

Он просил. Нет, он умолял. Хрипло, обволакивающе. Он склонился к моей шее, втянул тонкую кожу губами, пометив, оставив засос. Он продолжал дерзко теревить пальцами мои соски. Продолжал раздирать меня на части, убивать, поработать... Я уже сдалась. Обмякла в его руках. Запрокинула голову кверху и жадно ловила ртом воздух. Никогда я не испытывала ничего подобного. Удовольствие, граничащее с болью, со смертью... Это было слишком. Слишком откровенно. Слишком бесстыдно. Слишком горько и сладко одновременно.

— Пожалуйста, малыш, позволь мне, позволь моя девочка...

Я поняла. Не знаю как, но я поняла, чего именно он хочет. Чего ждёт. Что его останавливает.

— Пожалуйста... Я хочу, пожалуйста...

Я попросила. Так как он хотел. Я сделала то, что окончательно смело между нами все преграды. Застонав мне в шею, Артур коленом раздвинул мои ноги. Он прошёлся ладонью вдоль моего тела, лаская, заставляя трепетать под его пальцами каждый кусочек моей плоти. Я вздрогнула, вцепилась в его плечи так, что побелели пальцы, когда он забрался рукой под платье, провёл ладонью по бедру и поднялся выше. Я застонала, до крови прокусила губу и широко распахнула мокрые от навернувшихся слёз глаза, когда он оттянул полоску трусиков и прикоснулся ко мне ТАМ...

— Влажная... какая же ты влажная малыш. Чего ты хочешь девочка? Скажи мне.

Он надавил большим пальцем на клитор, и я закричала. Закричала в беззвучном крике, потому что он тут же выпил его губами. Жадно собственнически. Даже в поцелуе он ставил на мне клеймо. Я чувствовала, я просто знала, какие мысли сейчас вертятся у него в голове. И от этого сходила с ума ещё больше. Если это вообще возможно. Если возможно чувствовать всё, что испытываю я и при этом ещё оставаться в сознании.

— Скажи мне малыш, скажи, чего ты хочешь...

Он ввёл в меня один палец, снова надавил на чувствительный бугорок и остановился. Потом снова ввёл в меня уже два пальца, нежно, словно наизусть зная каждый угол моего тела, приласкал влажные складочки и вновь отстранился. Я опять закричала, теперь уже от сумасшедшего томления... Мне нужна была эта разрядка. Сейчас. Иначе я просто умру.

— Скажи, ну же милая, скажи...

И я сказала. Нет, я закричала. Закричала так, что, наверное, все кто находился в радиусе нескольких километров, услышали этот вопль. Вопль голодной свихнувшейся самки.

— Тебя... Хочу тебя!

Я не знаю, как описать то, что произошло после этих слов. Он разорвал меня. В прямом смысле этого слова он растерзал меня на части. Надавливая большим пальцем на сжавшийся бугорок, он ввёл в меня сначала один, потом два, потом три, а потом четыре пальца и начал двигать ими в бешеном, не щадящем темпе. Я кричала. Кричала в его жадный рот, которым он сминал мои губы. Я билась под ним в диком наслаждении. Я металась, ёрзала, пыталась насадиться ещё глубже, дойти, переступить через эту точку... точку невозврата, и когда он подвёл меня к ней, когда оргазм обрушился на меня сокрушительной волной, когда всё пред

глазами померкло и тело разорвалось на миллиарды крохотных кусочков, из моих глаз брызнули слёзы. Слёзы дикого, сносящего все границы дозволенного и недозволенного удовольствия и слёзы стыда. Стыда, который пришёл с запозданием, но всё же пришёл. Вьелся ледяной корочкой отвращения к самой себе в мою душу.

— Хорошая, сладкая, моя девочка... — его пальцы всё ещё были во мне. Он хаотично целовал каждую слезинку с моего лица. — Теперь всё будет по-другому, слышишь? Не сразу, я дам тебе время. Я дам тебе передышку... Небольшую. Но я не отступлюсь. Не теперь Ты моя. Моя поняла? Моя ЖЕНЩИНА.

* * *

Papa, Hermann erzählte mir, dass du angerufen und gebeten zu kommen. Ist etwas passiert?^[1]

Девушка вошла в кабинет отца и не став ждать приглашения села в кресло напротив его стола.

— Kat, Hör mir zu, bitte ruhig gut?^[2]

Девушка напряглась. Отец очень редко называл её Кэт. Обычно Катенька, Катюша. Он не хотел расставаться с русским произношением её имени.

(Прим. — в дальнейшем для удобства всё разговоры будут на русском).

— Результаты моих анализов не утешительны. Врачи не дают мне больше шести месяцев, — жестом руки оборвав всхлипнувшую и тут же подскочившую с кресла дочь, Руслан продолжил. — Нет, не нужно. Не сейчас. Я не об этом хотел с тобой поговорить. Пожалуйста, попытайся понять и принять то, что я тебе сейчас скажу. Ты должна уехать в Россию. В Челябинск. Ты должна туда съездить именно сейчас. Я составляю завещание. Ты знаешь, что помимо моей компании у меня есть сеть ресторанов, ночных клубов и много другого. Я хочу, чтобы ты знала между кем, будет всё это разделено. Моё имущество в равной мере будет поделено между тобой, Анной и ещё одним человеком. Человеком, ради встречи с которым ты и должна будешь полететь в Россию. Я хочу, чтобы ты познакомилась с этой девушкой ещё до моей смерти...и я хочу, если это, конечно, будет возможным, чтобы ты привезла её сюда. Я хочу познакомиться с ней...и попрощаться. Эта девушка — Юлия Самсонова. Она всего лишь на пару лет младше тебя. Ей двадцать два года. Позже я расскажу тебе о ней поподробней. Сейчас я хочу, чтобы ты знала только одно. Эта девушка — моя дочь и твоя сестра.

* * *

— ... А потом он просто предложил мне поужинать с ним в ресторане. Представляешь? Ни с того, ни с сего! Мы случайно встретились на улице, когда я выходила из супермаркета. Шёл дождь. Он помог мне пакетами, подвёз до дома, а потом бац и предложил встретиться следующим вечером и поужинать в каком-нибудь ресторанчике. Вот так у нас всё и закрутилось...Я честное слово, сразу хотела тебе обо всём рассказать. Только сглазить побоялась...Да и к тому времени у нас ещё ничего серьёзного не было. Нет, он за мной, конечно, ухаживал и всё такое, но...Юль ты меня вообще слушаешь?!

Я заставила себя отвести взгляд от жмущейся на лежаке парочке, только когда Полина

стукнула меня по плечу. Не больно, но вполне ощутимо для того, чтобы я наконец перестала прожигать глазами Артура, которому до меня не было никакого дела. В данный момент его интересовала только пышногрудая брюнетка, которой он с таким самозабвением массировал плечи и всё что пониже. Сволочь. Скотина. Кабель. Он делал это специально. На протяжении всего отдыха, с того самого дня, когда мы переступили черту допустимого, когда я окончательно потеряла голову, он делал всё, чтобы вывести меня из себя. Он больше не бегал за мной по пятам. Точнее теперь он делал это совсем по-другому. Артур по-прежнему выслеживал меня, но уже не пытался сблизиться. Стоило мне прийти на пляж, забежать в какое-нибудь кафе, или элементарно отдохнуть у бассейна своего отеля, он всегда по «счастливой случайности» тут как тут оказывался ряд. И не один. С того вечера как все наши отношения разделились на «до» и «после» он делал всё, чтобы я каждые пять минут видела его с новой девушкой. Чтобы смотрела, как он массирует какой-нибудь длинноногой девке «спинку» на пляже, как без стеснения лапает её грудь у бассейна или задирает юбку в каком-нибудь баре. Он надеялся, что этим сможет довести меня до предела, всколыхнуть во мне волну злости и ревности. И чёрт подери, ему удалось это на «ура»! Да, я злилась. И не просто злилась. Я была вне себя от ярости, от жгучей обиды, за то, что он ни разу не подошёл ко мне после ТОГО случая. За то, что абсолютно перестал на меня реагировать. За то, что каждый вечер я слушала дикие стоны и скрип кровати за стенкой. Дьявол, да я была не просто в ярости, мне хотелось его придушить, собственноручно вырвать все его причиндалы. Ревновала ли я? Нет. То, что я чувствовала, нельзя было назвать ревностью. Это было гораздо глубже. Гораздо острее. Гораздо больнее и ядовитей. Эта смесь дикой обиды, жгучей ярости и безумного собственнического чувства выжигала меня изнутри. Но я держалась. Держалась из последних сил. Хотя бы, потому что не имела ни на что прав. Ни на обиду, ни на злость, ни на ревность. Он мой брат. Пускай двоюродный, но, чёрт подери, брат! И всё чем я должна корить себя, из-за чего должна кусать локти и заливать краской стыда, это из-за того вечера, которого не должно было быть...и о котором, я к собственному стыду, ни капли не жалела. А где-то в глубине души, в самых дальних уголках подсознания я не просто хотела, я жаждала продолжения...

— Юля, да очнись ты, наконец! Кому я тут душу, в конце концов, изливаю? Самой себе, что ли?

Полина надула губы и обиженно отвернулась от меня к стойке бара. Приобняв подругу, я всеми силами заставила себя вытеснить мысли об Артуре. Всё. Хватит. Много чести для него. К счастью, сегодня наш последний день пребывания на этом острове. Завтра мы улетаем, и я очень надеюсь, что дома с меня схлынет эта волна наваждения.

— Прости, задумалась. Так что ты там говорила на счёт Лом...Олега? У вас и вправду всё серьёзно?

— Серьёзней некуда. Он сказал, что никогда и ни к кому у него не было таких сильных чувств. Ты знаешь, мне даже кажется, он скоро предложит мне переехать к нему! А там глядишь, недалеко и до свадьбы...Я уже представляю, как бы мне пошло подвенечное платье. Да и мама всё говорит, что пора бы мне, наконец, устроить свою личную жизнь. Она-то за папу в восемнадцать выскочила. А я уже на четыре года отступила от её рекорда. Как думаешь, Олегу понравится...

Дальше я слушала мечтательное щебетание подруги, что называется «в пол уха». Полинка — наивная душа. Верит во всё, что ей на уши повесят. Лом, никогда раньше не испытывал ни к кому таких сильных чувств? Что же в это я как раз охотно верю. Вся их

шайка-Лелька испытывает сильные чувства, только когда задействует в «дело» причиндалы, что болтаются у них в штанах. И мой братец не исключение. Невольно, я снова переметнула взгляд в сторону Артура и испытала дикое желание запустить в него чем-нибудь тяжёлым. Он втирал масло в спину довольно развалившейся на лежаке брюнетке и при этом иногда, как бы «совершенно случайно» задевал руками её практически полностью обнажённую грудь. Сволочь. Он знал, что я смотрю. Он знал, что именно в эту минуту я смотрю на них.

— Юль, ну ты меня совершенно не слушаешь! Куда ты постоянно поглядываешь-то?

Проследив за моим взглядом, Полина иронично усмехнулась, а я тут же отвернулась в другую сторону, чувствуя, как к щекам прилила краска. Я вдруг испугалась, что вот сейчас, подруга что-то заподозрит. Что она уже о чём-то догадывается.

— Да, твой братец как всегда. Отдыхает на полную катушку.

Не услышав в голосе Полины каких-либо настороженных ноток, я облегчённо вздохнула. Чёрт, пора с этим завязывать. Так недолго и неврастеничкой стать.

— Имеет право, он свободный парень.

— Собакин сын, вот он кто!

— Чего?

Я даже поперхнулась коктейлем, удивлённо посмотрев на подругу.

— Ну, это...как там называется...а вспомнила! Кабель, вот он кто!

Я засмеялась. Пожалуй, первый раз за всё время отдыха мне стало по-настоящему весело. А вот Полинка смутилась. Покраснела и отвела взгляд в сторону.

— Хватит смеяться! Лучше пошли в номер, у меня что-то отпало желание загорать.

А вот это было мне как раз на руку. Ещё пару минут просмотра как Артур пробует себя в роли массажиста, я просто не выдержу.

— Пошли. Пора бы уже вещи начать складывать. Не забыла, что завтра мы улетаем?

— Нет, — грустно вздохнула Полина, вслед за мной выйдя из-за стойки. В отличие от меня, подруга отлично проводила время на острове и совсем не хотела отсюда уезжать. — Но перед тем как вернуться домой, мы с тобой так оторвемся на вечеринки, чтобы надолго запомнить!

— На какой вечеринке?

— Как, ты не знаешь? Сегодня в нашем отеле будет грандиозное пати! Я надеюсь, ты пойдёшь? Хватит уже хандрить! Последний день в этом раю, надо так оторваться, чтобы потом хоть было, что вспомнить.

Я хотела отказаться. Сначала у меня даже в мыслях не было идти на это «торжество». Не люблю я такие мероприятия, тем более что из знакомых там будет только Полина, да и то, наверняка она сразу переметнётся к Олегу. А мне, что весь вечер отбиваться от пьяных придурков? Я уже было хотела сказать Полине твёрдое и решительное «нет», но прямо в эту секунду, мимо нас прошла, сладка льнущая друг к другу парочка. Стройная красивая брюнетка и прижимающий её к себе парень, рука которого была чуть ниже поясницы своей спутнице. В тот самый момент, когда он прошёл всего в паре сантиметров от меня и даже не удосужился перевести взгляд в мою сторону, хотя он заметил нас, в этом я несколько не сомневалось, у меня внутри всё взорвалось. Всё. Это край. Он хочет войны? Он её получит. Я оторвусь, я сегодня так оторвусь, что Артурчик этот вечер на всю свою жизнь запомнит!

— Я пойду.

Наряд для вечеринки мы с Полиной выбирали, наверное, больше трёх часов. Олег весёлым изматерился, пока как верный пёс ждал за дверью Вертлицкую. Хотя Полина была готова уже минут через тридцать. Затяжка вышла с моим нарядом. На остров я взяла с собой только три платья. Те, которые я покупала ещё года два-три назад и не брала с собой в Норвегию. Все остальные мои многочисленные наряды пропали вместе с украденным чемоданом. Стоить ли, говорить, что выбирать мне было, практически не из чего. Да, что там, надеть на сегодняшнюю вечеринку я могла только одно платье. Два других были слишком будничные. Совсем не подходили к сегодняшнему мероприятию. А вот третье было как раз в тему. Только...слишком откровенное. Это платье я купила, когда встретила Бориса. Точнее уже после того как у нас с ним завязались более чем близкие отношения. Я тогда была просто одержима желанием покорить этого мужчину. Быть для него самой желанной, самой необходимой. И я всё ещё помню, как горел его взгляд, когда он увидел меня в этом платье. Чёрное короткое, облегающее каждый изгиб соблазнительного тела, с вырезом в виде «ромба» на груди. Как сейчас помню, как лютовал Борис, когда замечал мужские взгляды со стороны в этом самом вырезе. Мне тогда было неловко. Борис был моим первым мужчиной во всех смыслах, и я стеснялась показываться в таком наряде даже перед ним, чего уж говорить о посторонних людях. Но сегодня...сегодня я уже была готова на всё. Меня разъедала, выжигала изнутри острая испепеляющая ярость. Пусть он увидит. Пусть увидит меня в этом платье. Пусть увидит, как другие мужчины смотрят на меня, а возможно сегодня кому-нибудь посчастливится даже больше, чем просто смотреть. И это Артур тоже увидит. Я хочу, чтобы он испытал все те чувства, которые сейчас разрывали меня на части. Хочу, чтобы он узнал, что это такое умирать от дикой ревности и не иметь возможности заявить свои права. Потому что их НЕТ. Просто нет. Никаких прав. Ни на что.

Я подросла к самому разгару торжества. Полина была права, вечеринка вышла грандиозной. Ошеломляющая музыка, огромное скопление народа, беспрерывно соприкасающиеся друг с другом горячие тела. Всё это ещё сильнее подхлёстывало мой настрой. Несмотря на то, что людей было огромное количество, Артура я нашла почти сразу. Я знала, что он здесь. Ведь его друг наверняка сообщил ему, что я приду на вечеринку...или он сам как всегда проследил за мной.

Артур сидел за столиком недалеко от бара. Рядом с ним как всегда была какая-то девушка в вызывающем наряде. Новенькая. Уже не та, что «отдыхала» с ним на пляже. Я усмехнулась. Интересно где он цепляет всех этих девчонок? Можно подумать, что на этот остров прилетело целое скопление легкодоступных девушек на любой вкус. Брюнетки, рыженькие, шатенки, блон...А вот блондинок не было. Ни разу я не видела рядом с ним девушку со светлыми волосами. А это уже интересно. Избегает повторений? Похоже, у моего братика тоже есть слабые места, в которые сегодня я предельно точно нацелилась.

Номер был отрепетирован. Я уже знала, что буду делать. Сегодня последний вечер на этом острове...сегодня НАШ последний вечер. И я хочу, чтобы он его запомнил. На всю жизнь запомнил. И больше никогда не смел со мной играть. Глубоко вздохнув, я, плавно покачивая бедрами, направилась к нему. Он меня заметил. Ещё до того как я двинулась к его столику. Он заметил меня, как только я вошла в зал, а уж когда я прошла мимо, всего в паре сантиметров от него, он незаметно дёрнулся вперёд, но тут же заставил себя успокоиться. Что ж, лёгкой победы я и не ждала. Пройдя к бару, я заказала себе виски, перекинув ногу на

ногу так, что и без того короткое платье задралось и теперь особо любопытные мужчины, такие как Артур например, могли полюбоваться видом на мои стройные ножки, затянутые в тонкий капрон чулка, краешек резинки которых виднелся из-под задранного платья. Я скорее почувствовала, чем увидела, как его руки сжались кулаки, как на его скулах проступили желваки, как он впечатал в меня свой налившийся кровью взгляд. Сейчас я могла поспорить, что ему было наплевать на свою спутницу. Возможно, он уже даже перестал замечать её присутствие. Он смотрел, нет, он прожигал, испепелял меня своими глазами. Своими океаническими глазами, в которых теперь полыхал огонь. Потерпи милый, это только начало. Главное шоу ещё впереди. Я медленно глотком за глотком уничтожала содержимое своего бокала, при этом слизывая капельки янтарной жидкости со своих губ. Он был на грани. Он уже исчерпал все силы и был готов разорвать меня на части. Быстро. Слишком быстро. В этом плане он слабее, чем я.

Выйдя из-за стойки, я всё также, плавно покачивая бедрами, прошла к самому центру танцпола, и уже через несколько минут всё внимание опьянённой толпы было привлечено именно ко мне. Да, танцевать я умела. Несмотря на то, что мне редко приходилось бывать на подобных мероприятиях, танцы всегда были моим хобби. Некоторое время я украдкой от родителей бегала в танцевальную школу, а когда они просекли, я стала самостоятельно познавать это искусство. И, похоже, у меня не плохо это получилось потому, как сейчас я чувствовала на себе горящие полные желания взгляды, но все они тут же меркли, угасали под бушующим взрывоопасным пламенем, который испепелял меня до самых кончиков пальцев на ногах. Тигр в ярости, в диком бешенстве. Могу поклясться, что он готов разорвать каждого мужчину в этом зале. И мне это нравится. Да, пускай, я чёртова мазохистка, но каждая клеточка моего тела ликует от радости, от дикого удовольствия. Он ревнует. Ужасно, на грани с безумием. Он яростный собственник, которому я осмелилась бросить вызов, и теперь вместо того, чтобы трястись от страха в ожидании гнева разъярённого зверя, я схожу с ума от удовольствия, зная, на каком-то интуитивном уровне чувствуя, как дрожит полупустой бокал с алкоголем в его руке, как он убивает, разрывает меня на части своим взглядом.

Почувствовав на талии холод чужих ладоней, я невольно вздрогнула и даже поначалу хотела отстраниться, но потом передумала. Пусть видит, что я тоже умею играть по его правилам. Полностью отдавшись танцу, я даже на какое-то мгновение забыла об Артуре и о том для чего я сюда пришла. Я просто двигалась в такт музыке. Скользила в блуждающих по моему телу руках. Прижималась к крепкой мужской спине. Ощущала на своей шее жаркое дыхание. Кажется, мне что-то шептали в ухо на незнакомом, походящем на ломаный английский, языке. Я не понимала ни слова, да, похоже, это было и не нужно. В то время как я, позабыв обо всём, самозабвенно отдавала себя танцу, мой партнёр жадно шерудил по моему телу, тесно прижимая меня к своей спине. Я знала, что долго это не продлится. Ещё за секунду до того, как от меня отшвырнули моего незнакомца, я почувствовала присутствие Артура за своей спиной. Мне даже не нужно было смотреть в его глаза, чтобы понять, какие чувства сейчас завладели им. Я слишком долго испытывала их на себе. Только у него было всё более остро, более яростно. В какое-то мгновение я даже испугалась, что сейчас он действительно может убить, разорвать на части. И не понятно, кого первого. Меня или того ошалевшего парня, которому еле удалось удержаться на ногах?

— Она со мной. Убирайся, пока я не раздробил тебе все кости.

Голос Артура вибрировал от еле сдерживаемой ярости. Сомневаюсь, что мой

незнакомец, хоть что-то понял из слов Артура, но встретив его убийственный взгляд, парень решил не устраивать себе проблем и быстро затерялся в толпе.

— Ты не много ли позволяешь себе братик?

Я знала, что задела его. И даже не столько своим усмевающимся тоном, сколько этим словом — «братик». Артур скривился, тут же дёрнул меня на себя, больно сжав пальцы на моих предплечьях.

— А ты? Что это за чёртово платье?

— Чёртово платье? Мне казалось, что оно тебе очень даже понравилось. Ты ведь даже сейчас пялишься в его вырез!

Теперь Артур сжал меня за плечи с такой силой, что я невольно вскрикнула и поморщилась от боли. Он тут же ослабил хватку, но не отпустил. Наоборот ещё ближе притянул меня к себе, и от этого у меня просто сорвало дыхание. Сейчас я испытывала непонятный всплеск эмоций. Безумную ошеломляющую радость, за то, что он проиграл, и проиграл намного быстрее, чем я. Ему ни разу, за все эти одиннадцать дней не удавалось вывести меня настолько, насколько мне удалось всего лишь за один вечер. Но вместе с этой радостью было ещё какое-то непонятное подхлёстывающее чувство. Мне не хотелось, что бы сейчас на этом всё закончилось. Я понимала, что это какое-то безумие. Мне нужно бежать в номер. Спрятаться от Артура как можно скорее. Но я не могла. Сейчас я просто не могла этого сделать.

— Ты пьяная? Чёрт, сколько ты выпила?

— Всего один бокал и то не до конца. Так что успокойся, я вполне адекватно соображаю. А теперь может, ты отпустишь меня и вернёшься к своей заскучавшей спутнице? Вдруг она обиделась?

Он смотрел на меня внимательно, словно пытался, что-то прочесть в моём взгляде. А я не могла вырваться. Не потому что он не давал, а просто, потому что сама не могла заставить себя сделать это. Боролась, сопротивлялась, но ничего с собой поделать не могла.

— Ревнуешь? Признайся, ведь ты ревнуешь малыш?

Я оттолкнула его от себя с такой силой, что он пошатнулся и от неожиданности даже не успел никак отреагировать.

— Не называй меня так, понял?

Артур усмехнулся.

— А как же мне тебя называть?

— Если тебе не нравится моё имя, то «родная» тоже вполне подойдёт. А сейчас извини, я не хочу портить себе вечер. Тем более что он последний на этом острове. А по твоей вине я поссорилась с Марком.

Я сама не поняла, как осмелилась это сказать. Мне не хотелось, чтобы Артур думал, что я одинока. Что в те дни, когда он развлекался с всякими девками, я проводила время в полном одиночестве.

— С каким Марком?

Судя по его голосу и почерневшему взгляду, Артур поверил в мою спонтанную импровизацию.

— Моим хорошим другом, с которым у меня теперь будут проблемы, из-за тебя, между прочим. По твоей милости мне теперь придётся потратить пол вечера на извинения.

— У тебя с ним, что-то было?

— А вот это уже не твоё дело, понял?

Он резко вцепился мне в плечи и с силой дёрнул на себя. Его взгляд полыхал искрами ничем не сдерживаемой ярости. Я должна была испугаться...должна была убежать от него, прямо сейчас...но вместо этого я ощутила острый прилив возбуждения. По всему телу прошла необузданная волна дрожи. Мне захотелось большего. Здесь. Сейчас. С ним. Только с ним.

— Ты спала с ним?

Я замахнулась и вlepила ему звонкую пощёчину ещё за несколько секунд до того, как мне удалось понять, что именно я сделала. А когда мой рассудок, в крошечных дольках, но всё же начал возвращаться ко мне, я вырвалась из рук Артура и бросилась бежать. Это походило на какое-то безумие. Адреналин зашкаливал. Я выбежала из зала, хотела подняться в свой номер, но когда услышала приближающиеся торопливые шаги, бросилась к выходу из отеля. Я бежала как ненормальная. Спотыкалась, несколько раз чуть не упала. Подвернула ногу, сломала каблук, к чертям выбросила туфли. Моё сердце билось как у загнанной стаей одичавших собак в угол кошки. Голова кружилась, перед глазами всё плыло. Прохладный ветер раздувал локоны моих волос, мешая ориентироваться на местности. Я сама не поняла, как оказалась на пляже. На самой его отдалённой части, в которой даже днём народу почти нет, а сейчас, вечером или точнее уже почти ночью здесь не было ни одной живой души кроме меня...и Артура. Я чувствовала его присутствие. Чувствовала его тяжёлое дыхание практически в паре шагов от меня. Он догонял. Сама попытка спрятаться от него была безумием. Он бы всё равно нашёл. Даже в самом укромном уголке этого острова он бы настиг меня.

— Юля.

Я вздрогнула, резко остановилась и обернулась назад. Он стоял впрытык ко мне. Тяжело дышал, видимо тоже пытался перевести дух после незапланированной пробежки. Его взгляд скользил по всему моему телу, и я чувствовала, что это конец. Меня разрывало от безумного желания, дикой потребности в нём. И всё. Это и есть та самая точка. Точка невозврата. Плевать на стыд. Плевать на все запреты. Я уже не могла и не хотела отступить.

Сделав несколько шагов, он приблизился ко мне вплотную, сжал руками мои плечи, не сильно, не болезненно как в прошлый раз, но так, чтобы я не могла вырваться.

— Ответь мне. У тебя было что-то с тем парнем?

Он выворачивал мне душу наизнанку своим взглядом. Моё обезумевшее сердце билось где-то в горле. Я смотрела на его губы, чуть приоткрытые, едва заметно вздрагивающие. Я смотрела на них и уже представляла, как они жадно целуют меня, ставят на моём теле свои отметины. Это было сумасшествие. Сущее безумие. Но я уже не могла его остановить.

— Нет.

И всё. После этих слов было уже невозможно остановить неизбежное. Артур набросился на меня неожиданно, несмотря на все ожидания. Резко притянув меня к себе, он жадно смял ртом мои губы. Его пальцы с силой, до синяков, до болезненных отметин на теле, сжимали мои плечи, скользили по обнажённой спине, вызывая пожар, ураган, сносящий всё на своём пути желаний. Моё тело реагировало на каждое его прикосновение, грубое, жадное, с долей какой-то животной дикости. Я сгорала в том же огненном водопаде страсти, что и он. Какой к чёрту стыд? Какие запреты, когда меня разрывает на части? Когда душа уже давно покинула моё тело и мною движет только одна продирающая каждую клеточку тела потребность. Потребность в нём. Сейчас. Немедленно. В эту секунду. Он, повалил меня в песок. Коленом раздвинул мои ноги и навалился на меня всем телом. В ту же секунду нас с

головой накрыла волна разбушевавшегося океана. И меня выгнуло дугой от безумного, граничащего с невыносимой болью наслаждения. Столкновение воды и огня. Страсти и ненависти. Невинности и искущённости. Это было на грани. Это было уже за чертой возможного и невозможного. Издав горловой, полный неудовлетворённой страсти рык, Артур с каким-то диким животным остервенением дёрнул корсаж платья вниз, разорвав тонкую материю. Когда он жадно смял ладонями мою грудь, до боли, прикусил зубами свернувшийся в тугую горошинку сосок, я закричала. Громко неистово. Мне было невыносимо мало всего. Хотелось почувствовать его в себе. Почувствовать, как вколачивается в моё тело, выбивает из меня крики наслаждения. Хотелось услышать его стоны, его зверские рычания в ответ. Я хотела его как ненормальная. Как обезумевшая изголодавшаяся до невозможности самка. Я выгибалась навстречу его ласкам. Рвала пуговицы на его рубашке. Нервно дрожащими пальцами пыталась расстегнуть ширинку на его брюках. От ощущения того, как жёсткая щетина царапает нежную кожу груди, как жадные сильные руки исследуют моё бьющееся в конвульсиях тело, я сходила с ума. Я глотала мокрый песок. Ломала ногти о его тело, оставляя на его коже кровавые узоры. Он вдруг внезапно оторвался от меня. Привстал на согнутых локтях и посмотрел мне в глаза затуманенным взглядом, в котором читалось тоже безумие, тот же дикий всплеск эмоций. Я вдруг отчётливо поняла, что сейчас произойдёт. И эта мысль, одна лишь всплывшая в голове картина предстоящего почти довела меня до оргазма. Я жалко застонала, прогнулась в спине, и обвила руки вокруг его шеи, притянув его к себе ещё ближе, желая раствориться, потерять себя в нём без остатка. Скользнув рукой под подол разорванного на части платья, он дёрнул мои промокшие насквозь трусики и те с треском порвались.

— Ты знаешь, что сейчас произойдёт?

Его голос был хриплым, дрожал от еле сдерживаемого желания, а я больше не могла сопротивляться, не могла оттягивать неизбежное. Да, чёрт подери, я знала, что сейчас произойдёт и я хотела этого как ненормальная! Я уже сошла с ума. Дёрнула молнию на его ширинке и когда мои пальцы коснулись его разгорячённого твёрдого как камень члена, я закричала от безумной, дикой вспышки восторга. Лицо Артура скривилось от боли, от сдерживаемого из последних сил желания. Грубо отстранив мои ладони, он завёл мне руки над головой и с силой впечатал меня своим телом в мокрый песок. Почувствовав как его пульсирующая, налитая кровью плоть подрагивает у самого входа в моё влажное, изнывающее от желания принять его в себе лоно, я испытала шокирующий приступ наслаждения.

— Ты моя, поняла? Моя...моя, только моя!

Он приподнял меня под ягодицы и одним мощным толчком заполнил меня до упора. В ту же секунду тело прострела безумная дикая волна наслаждения. Я застонала, прокусила губу до крови, вцепилась в его плечи с такой силой, что поломала ногти. Он начал двигаться. Резко жёстко, вдальбываясь в моё тело со зверским остервенением, жадно сминая руками мою грудь, перекатывая меж пальцев затвердевшие соски. После каждого его толчка я вздрагивала, выгибалась, словно змея, ловила ртом так необходимый сейчас воздух. Мне в лицо плескались холодные волны разбушевавшегося океана. Я стонала. Кричала. Хрипела. До крови прокусывала губы и словно ненормальная подмахивала бёдрами в так его движениям, пыталась сильнее насадиться на его твёрдую пульсирующую плоть, которая даже, несмотря на влагу, с трудом помещалась во мне.

Артур жадно нашёл мои губы, приподнял меня под ягодицы и вошёл так глубоко, что я

не выдержала. Оргазм накрыл меня мощной сокрушительной волной. Я закричала, вцепилась зубами в его губы, в ту же секунду почувствовала солоноватый вкус крови. Его крови. Я оплела ногами его торс, сильнее вдавила его в своё тело, которое ещё подрагивало после яркой ослепительной вспышки наслаждения.

— Вот так... вот так моя девочка, моя хорошая.... Да покричи для меня. Покричи для меня малыш...

И я закричала, я снова закричала, прогнулась в спине и в эту же секунду почувствовала, как он яростно дёрнулся во мне, сжав пальцы на моих бёдрах настолько сильно, что наверняка останутся синяки. Когда я почувствовала, как он кончает внутрь меня, при этом продолжая всё быстрее и хаотичней двигаться внутри моего тела, я, наконец, обмякла в его руках, блаженно прикрыв глаза и зарывшись ладонью в его мокрые волосы, когда он осторожно опустил на меня. Вот и всё. Это тот самый конец. Неизбежный. Это победа Артура. Три... а хотела, наверное, все десять очков в его пользу и не одного в мою. Он победитель. А я как всегда проигравшая.

— Блин, как же не охота уезжать. Такое место волшебное... как в раю побывали. А теперь опять серые будни и всё тот же замкнутый круг. Работа — дом, дом- работа. Аж плакать хочется... Юль, ты меня опять не слушаешь?

Да, я не слушала Полину. Я только вжималась в своё сиденье и старалась не обращать внимания на прожигающий меня взгляд. Он смотрит. Смотрит прямо на меня. В этом я не сомневалась. С самого утра, когда мы встретились в холле, он не сводил с меня взгляда, которого я избегала, от которого пряталась за спиной подруги, случайных прохожих. Я не могла смотреть на Артура. Его близость давила. Ещё когда я утром, в пять часов утра проснулась в постели его номера, в его объятиях, совершенно голая мне захотелось убить себя. Разорвать на части за собственное безрассудство. За то, что позволила всему этому произойти. Я сбежала. Бесшумно, так чтобы Артур не проснулся. Ускользнула в свой номер, до дрожи в коленях боясь, что меня кто-нибудь заметил, что вот Полина сейчас проснётся и сразу обо всё догадается.... Но подруги в номере не было, видимо она всю ночь провела у Олега, зато её сумочка валялась на кровати. Я судорожно вытряхнула из неё всё содержимое и поблагодарила всех богов, которые только есть на этом свете, когда нашла во внутреннем кармашке противозачаточные таблетки. Выпила сразу две и сложила все вещи обратно в сумочку, так, чтобы Вертицкая не о чём не догадалась. А после я приняла душ, из которого вылезла только через несколько часов. Я яростно тёрла себя мочалкой пытаюсь смыть следы сегодняшней ночи. Пытаюсь смыть синяки, засосы, ссадины... Я и Артур... Он и я... Господи, как же стыдно, как мерзко.... По крайней мере я старалась себя в этом убедить. Я старалась внушить себе мысль, что то, что мы совершили — аморально и этого больше никогда, не при каких обстоятельствах не должно повториться.

— Эй, Юль, ну ты чего так приуныла? Мне тоже очень жаль отсюда уезжать, но мы ведь уже достаточно отдохнули? В конце концов, кто знает, что нас ждёт дома... Может у меня с Олегом, что-нибудь прояснится, и ты себе тоже кого-нибудь найдёшь? Всё будет хорошо.

Да, Полина права, всё будет хорошо. Я забуду об этом отдыхе. Я забуду об этой ночи. В конце концов, каждый человек имеет право на ошибку, главное сделать всё, чтобы она не повторилась. А в этом я уверена. Между мной и Артуром больше ничего не будет. Никогда.

Вырисовывая узоры на запотевшем окне аэропорта, я смотрела как сотни проходящих

мимо меня людей, что-то кричат, куда-то сильно торопятся. А я просто прислонилось лбом к холодному стеклу, и смотрела, как крупные капли дождя бьют по асфальту. Я дома. Всё, сказка закончилась. Пора возвращаться.

— Блин, ну, наконец-то. Можно подумать мы не такси пытались поймать, а вертолёт заказывали. Юля, пошли!

Полина потянула меня вслед за собой к выходу из аэропорта, но Олег тут же перегородил ей дорогу.

— Не торопись так мышонок. Мы все не поместимся в эту полуразваленную тачку. Придётся ехать в два хода или ловить ещё одну машину.

— Ещё одну машину? Ты с ума сошёл? Это нам здесь, что ещё часа два торчать? Я устала...я хочу домой, хочу спать, хочу кушать...

— Всё, заканчивай ныть белобрысая, — я вздрогнула от этого голоса прозвучавшего прямо за моей спиной. Обхватив себя руками, я всё внутренне сжалась. — Я поймал ещё одну тачку. Ты Полинка поедешь вместе с Олегом, а я с Юлей.

Дальше я уже ничего не слышала. Я не обращала внимания на обрадовшуюся Полинку, на как-то странно ухмыльнувшегося Олега. Я пришла в себя, только когда Артур взял меня за руку и повёл к такси. От одного его прикосновения по телу прошла волна дрожи. Перед глазами тут же всплыли картинки минувшей ночи. Чёрт...я не готова сейчас поговорить с ним об этом. Ещё слишком рано. Я не смогу. Только Артур как всегда всё решил за меня. Дождавшись пока я влезу в машину, он устроился рядом со мной на заднем сиденье и дал водителю знак отъезжать. Всю дорогу до дома я сидела словно на раскалённой скамье. Я чувствовала, как нога Артура прижимается к моему бедру. Как он сосредоточенно смотрит на дорогу и в тоже время совсем легонько, едва ощутимо, поглаживает мою руку. Я не знала, как выдержала всё это. Как только машина остановилась возле моего дома, я тут же выбежала из автомобиля, даже не попрощавшись. Но Артур настиг меня. Я в этом даже не сомневалась. Он догнал меня у подъезда и резко развернул к себе.

— Почему ты убежала?

Я знала, о чём он говорил. Он спрашивал, почему я не осталась с ним...этим утром.

— Потому что это неправильно, потому что то, что мы сделали...

— Ты жалеешь да?

Его взгляд резко изменился. Стал серьёзным настороженным. Возможно, мне показалось, но кажется, я уловила в его глазах даже искорки боли. И от этого стало ещё тяжелее.

— Нет, не жалею. И это ужасно понимаешь? Это неправильно. Артур прошу, не терзай меня. Давай оставим всё как было. Неужели ты сам не понимаешь, что между нами ничего не может быть? Я уеду...клянусь я уеду как можно скорее и мы ещё долго не увидимся. За это время мы сможем успокоиться. Всё это безумие прекратится, понимаешь? Возможно, ты встретишь свою девушку, ту самую, с которой создашь семью, которая родит тебе детей, даст всё то, чего никогда не смогу дать я. Мы остынем друг к другу. Всё пройдёт Артур. Это просто какое-то наваждение, которое со временем спадёт на «нет». Я очень прошу тебя...Если ты, правда, ко мне, что-то чувствуешь, то отпусти....Прекрати меня мучить. Дай жить спокойно...Братик, я очень тебя прошу...

Я знала, что ударила в самое больное место. «Братик» — я даже мысленно скривилась, от этого слова, чего уж говорить об Артуре. Зато его взгляд потух. Он ослабил хватку, а после и вовсе отстранился от меня.

— Ладно, ты, правда, наверное, права....Если ты действительно этого хочешь, пусть будет по-твоему.

А вот теперь мне стало так больно, что захотелось плакать. Отпустил. Так быстро. Даже не попытался удержать, а ведь раньше, он не знал слово «нет». Что изменилось? Дело в этой ночи? Он успокоился, потому что уже получил, что хотел? Ну и ладно! Пусть так, главное, что поставлена точка. Очнись Юля, ведь это хорошо!

— Спасибо...я пойду, хорошо? Прощай Артур...

Я развернулась, достала из сумочки ключ и открыла дверь, но прежде чем зайти в подъезд, Артур схватил меня за руку, резко развернул к себе и тихо, но с долей непоколебимой уверенности в голосе произнёс:

— До встречи.

Вырвав руку, я забежала в подъезд и по лестнице поднялась до своей квартиры. Сердце билось как у загнанной в клетку птицы. На глаза выступили слёзы. Чёрт подери, я знала, что всё этим закончится! Я знала, что мне нельзя было оставаться там с ним, на этом острове....Надо было улететь первым же рейсом, но я этого не сделала. И теперь получила по заслугам. Так мне дуре и надо.

Я открыла дверь своим ключом и тихо вошла в квартиру. Первым делом бросила взгляд на шкаф — папиной куртки нет, зато его портсигар, лежит на тумбочке. А если эта вещичка здесь, значит, родители помирились. Папа вернулся домой и сейчас, скорее всего на работе. Хоть по поводу этого от сердца немного отлегло. Скинув вещи, я уже было хотела сказать маме, что я дома, но почему-то не сделала этого. То ли предчувствие сыграло, то ли встревоженный голос из кухни не позволил мне произнести даже слово. Мама с кем-то разговаривала. Скорее всего, по телефону и судя по тому, что она даже не заметила, что я вошла в квартиру, разговор был очень серьёзный. На цыпочках подобравшись к кухне, я затаилась, пытаюсь понять смысл слов, которые перемешивались с мамиными всхлипами.

— Нет, Руслан, это невозможно! Не смей этого делать! Ты ведь, мне обещал. Ты обещал, что никогда не попытаешься приблизиться к ней, что она никогда не узнает правду. Неужели ты не понимаешь, что приезд твоей дочери поставит крест на всём? Юля возненавидит меня после этого, а Игорь...он же сразу подаст на развод. У нас итак сейчас натянутые отношения. Если он узнает, что я обманывала, что двадцать лет за его спиной...ты, хоть понимаешь, что это будет крест на моём браке? Руслан, я прошу, я умоляю тебя, в конце концов...не делай этого! Когда-то ты уже чуть не разрушил мою жизнь, теперь ты хочешь окончательно меня добить?

Не знаю, что я сделала не так, чем себя выдала, но мама вдруг резко перестала говорить, обернулась и, заметив меня, выронила из рук трубку. Немного помедлив, я всё-таки решила войти в кухню. Я не понимала, что именно сейчас чувствовала. О чём мама говорила? После чего я её возненавижу? Что она делала двадцать лет за спиной у отца? Что вообще, чёрт побери, происходит?

— По-моему нам пора поговорить. Ты обещала мне этот разговор, мама.

* * *

— На, смотрю.

Шахновский кинул на стол чёрную толстую папку, которую Волконский тут же взял в

руки. Пролистав пару первых страниц, мужчина присвистнул:

— Да, дела. Серьёзно они за тебя взялись, как я погляжу.

— Серьёзней уже некуда. Копают суки, как кроты каждый день могилу мне роют. Знаешь, что это значит? У меня теперь только два выхода. Либо отдать этим гнидам комбинат, либо на нарах, лет двадцать париться. Мне, что-то не один и этих вариантов не нравится.

— И чего ты от меня хочешь?

Борис напрягся. Он очень давно знал Шахновского. Тот зубами любому глотку перегрызет лишь бы своего не отдать.

— Надо получить подписи. Под всеми подставными бумагами. Причём не липовые, а настоящие подписи. Такие, чтоб не один сучонок не смог обвинить меня во всей этой заварушке.

— Подписи должны быть от доверенного лица, да?

— Естественно. Думаешь, кто-то поверит, что какой-то левый пикал, несколько лет занимался столь крупными махинациями в моей компании, а я этого не просёк? Здесь нужен проверенный человек. Который давно на меня работает и желательно без своего собственного дела. На такого всегда проще просто все грабли свалить.

— Я так понимаю, ты говоришь о каком-то конкретном человеке?

Борис старался не подавать виду, как его беспокоит вся эта ситуация. Он уже понимал, о ком именно говорил Шахновский. И если он не ошибался, тогда придется всё начинать заново. Снова бегать за этой взбалмошной девчонкой, пытаться влюбить её в себя... Чёрт, ведь всё только начинало налаживаться. Шахновский долго не давал о себе знать. Борис уже подумал, что его помощь больше не нужна. Расслабился. Собирался на днях идти мириться к Маше. В том, что его жена... по документам пока бывшая жена его простила, Борис даже не сомневался. Она слишком его любила. Да и он уже привык к этой женщине. Как-никак почти двадцать лет вместе прожили. А теперь вот, похоже, опять придётся менять все планы.

— Ты отлично знаешь, о ком я говорю, и отлично знаешь, что надо делать.

— Почему именно Юля? У него, что нет других близких, с помощью которых на него можно было бы надавить?

— Он практически не общается ни с кем из семьи. Только с матерью. Но она не вариант. Тронем эту бабу, всё семейство Самсоновых на нас с ножами пойдёт. Только войны мне сейчас не хватало.

— Ты думаешь, что за Юлю, никто не будет впрягаться?

— Так ведь мы же не собираемся этой девчонке ничего плохого делать. Она сама, добровольно подпишет все бумаги.

— Каким это образом?

— А вот это уже твои проблемы. Хочешь трахай её так, чтобы девчонка, что-либо соображать перестала, хочешь цветами закидывай, серенады под окнами пой, но она должна поставить свою подпись под каждой этой чёртовой бумажкой. А перед этим она должна хотя бы месяц проработать в твоей конторе.

Нахмурившись, Борис решительно встал с кресла, покачав головой.

— Нет, я на это не пойду. Я совершенно безразличен Юле. Ничего не получится. Поручи это дело кому-нибудь другому.

— Стоять! — Шахновский заорал так, что Борис невольно вздрогнул и опустил

обратно в кресло. — Ты, что гнида, забыл, кому всем обязан? На чьи деньги свой бизнес сколотил? Кто твою задницу вечно прикрывал? А теперь, когда у меня проблемы, хочешь хвост поджать. Не выйдет, понял? Ты сделаешь всё, как я сказал. И сделаешь в самые кратчайшие сроки. Как только девчонка подпишет все бумаги, я суну их под нос её братцу, уверен, тот встрянет за свою сестренку!

— А если не встрянет? Если ему наплевать на Юлю? Ты ведь сам говорил, что он ни с кем кроме матери не общается из своей семьи.

— Встрянет, Бунтарь встрянет. И я носом чую, что ему не наплевать на эту девчонку... Их, что-то связывает. Уверен, что эти двое, что-то скрывают. И возможно когда я пойму что именно, твоя помощь мне уже не понадобится. А пока работай. В кратчайшие сроки девчонка как минимум должна быть в твоей постели, как максимум в твоей конторе.

* * *

Несколько минут она молчала, неуверенно теребя дрожащими ладонями края кофты. Оперившись спиной о входную дверь, я скрестила руки на груди и ждала, когда мама начнёт хоть что-то говорить. Я не пыталась как-то сгладить ситуацию или вообще свернуть этот разговор. За несколько долгих секунд напрягающего молчания я уже успела столько себе навывдумывать и на фантазировать, что если бы я прямо сейчас не услышала, хоть какие-нибудь мамины объяснения, я бы просто сошла с ума.

— Юля... дочка, может мы, потом поговорим? Я сейчас не могу тебе всего объяснить...

— Нет, мама, мы поговорим сейчас. Когда я улетала на остров, ты обещала, что сразу как только я вернусь, мы поговорим обо всём, что происходит в нашей семье.

Тяжело вздохнув, мама села в кресло рядом с подоконником и отвела от меня взгляд.

— Я совершенно не знаю с чего начать.

— Я тем более не знаю с чего тебе начать. Но, к примеру, ты можешь сначала сообщить мне, с кем сейчас так взволнованно разговаривала.

Как бы я не хотела, усмешка всё равно сорвалась с моих губ. Я сдерживалась, пыталась не нагрубить, мысленно успокаивала себя, как могла, но уже была готова к худшему.

— Я разговаривала с Русланом, — мамин голос заметно дрожал. По её взгляду и еле заметно подрагивающим рукам было видно, что она сильно взволнованна. — Он давний знакомый... твоего папы. Когда-то они работали вместе.

— И что же вы так тщательно скрываете с этим давним знакомым, что ты сейчас вся как на иголках. И в чём именно вы обманывали папу?

Она молчала. Опять на несколько невыносимо долгих секунд повисла раздражающая пауза, которая буквально вывела меня из себя.

— Ну что же ты молчишь? Не хватает смелости признаться? Хорошо, я тебе помогу. Я улетала на остров, так и не узнав одной очень важной для меня вещи. Ты беременна?

Поднявшись с кресла, мама отвернулась к подоконнику и еле слышно произнесла:

— Да.

Я собственного и не ожидала услышать никакого другого ответа, но всё же новость, что у меня будет братик или сестричка стала слегка неожиданной, хотя и, безусловно, приятной. Только вот злость, которую я сейчас испытывала по отношению к маме, она не сняла. Наоборот, даже подогрела.

— Я, конечно, поздравляю тебя, но ты можешь мне объяснить одну вещь, которую я никак не могу понять? Как-то тётя Ксюша сказала мне, что вы с папой больше не стали заводить детей, из-за того, что ты очень тяжело перенесла мои роды. Не знаю почему, но сейчас мне кажется, что это неправда. Скажи, почему вы в действительно больше не захотели детей? И почему папа так отреагировал, когда узнал, что ты беременна? Почему он ушёл из дома и почему он говорил, что тебе нравится...проводить время на стороне? Мама ты ему изменила?

Практически через одну долю секунды я встретила с абсолютно пустым взглядом, на дне которого всё же играли искорки страха. Я знала ответ уже до того, как мама дрожащим еле слышным голосом его произнесла.

— Это было давно. Больше двадцати лет назад. Тогда мы с твоим папой ещё не были женаты.

— Как это произошло? Мама как ты...

У меня встал ком в горле. Я всё ещё не могла поверить в то, что происходит. Мама...да, она всю жизнь трепала отцу нервы, расколбасила не один десяток его машин, с завидным постоянством закатывала ему истерики, которые он всегда стойко переносил, но я никогда, ни разу в жизни не могла усомниться в искренности её чувств. И вот теперь...измена. Пусть уже и давняя, но...

— Как я могла это сделать? Не знаю. Я молодая тогда была, глупая. Верила во всякую чушь. Я его тогда приревновала...очень сильно приревновала и, наверное, из-за этого совершила самую большую глупость в своей жизни. Клянусь я никогда и не о чём так сильно не жалела. Понимаю, что ты меня сейчас, наверное, ненавидишь...но я уже ничего не могу изменить. Хотела бы, но не могу.

— А папа...он об этом...

— Да, он знает, конечно, знает. Но мы смогли это пережить. Юля ты даже не представляешь, насколько это было тяжело. Мы расстались, долгое время были не вместе...нам через многое пришлось пройти, прежде чем мы снова сошлись, прежде чем он простил меня...Эта давняя история, дочка. И я очень хочу больше никогда к ней не возвращаться.

— Да но...я никак не могу понять, почему папа так отреагировал, когда узнал, что ты ждёшь ребёнка? И о каком обмане ты сейчас говорила с этим мужчиной? С Русланом да?

— Да, с Русланом, — внезапно мама резко отвернулась и снова замолчала. Минут десять в кухне висела абсолютная тишина. Я уже даже было подумала, что мама заснула, но она чуть хриловато и немного тихо начала говорить. — Недавно он приезжал в наш город. У него тут какие-то партнёры по бизнесу и в общем он попытался со мной встретиться...Твой папа об этом узнал, мне еле удалось убедить его, что я не имею никакого отношения к приезду Руслана. Но когда я узнала, что беременна и сказала об этом твоему отцу...ты собственно и сама слышала, как он на это отреагировал. А теперь...не знаю как, но Руслан узнал мой номер телефона и вот сейчас сообщил мне, что собирается вернуться в наш город. Я даже представить себе не могу, что будет, если мы всё будем жить, что называется на одной территории.

Почему-то я не поверила. Ни в одно слово. Мама говорила так, словно выдумывала на ходу. Да и не сходились её слова с тем, что я слышала. Причём здесь тогда какой-то обман, который она скрывала от отца на протяжении двадцати лет?

— Мама, то, что ты сейчас сказала...это правда?

— Да, — слишком резко не сказала, а скорее даже вскрикнула мама, и я напряглась ещё больше. Здесь явно что-то ни так. — Если ты мне не веришь, то можешь спросить у своего отца, но тогда он просто убьёт меня... Мы договорились, что не будем тебя во всё это впутывать.

Мой сотовый запиликал, и я достала его из кармана джинс. На дисплее высветилось одно новое сообщение. «Выйди на улицу. Я жду тебя возле подъезда». Номер незнакомый. Кто это?

— Хорошо, пусть будет так. У меня сейчас уже нет сил, что-либо обсуждать. Но потом, мы всё же вернёмся к этому разговору. А пока я пойду, разгрузю вещи.

— Тебе помочь?

— Не стоит. Я и сама управлюсь.

— Но может...

— Мама, я хочу побыть одна.

Выйдя из кухни, я прошла к себе в спальню и, закрыв за собой дверь, написала смс. «Кто это?». Ответ пришёл через пару секунд. «Спустись к подъезду и сама всё узнаешь. Не бойся, я тебя не съем». Не знаю почему, но я улыбнулась, когда прочла эту смс-ку. Выглянув в окно, я заметила, что никаких новых машин на стоянке вроде нет. Может разыграть кто-то захотел?

Выскользнув из спальни, я сказала маме, что спущусь в продуктовый и уже через пару секунд я стояла на улице возле своего подъезда. Правда, увидев в паре шагов от себя, улыбающегося Бориса я тут же развернулась и хотела вернуться обратно домой, но мужчина не сильно оттянул меня за локоть.

— Что тебе надо Волконский? Зачем этот розыгрыш с телефоном?

Злость начинала всё сильнее и сильнее во мне закипать. Это утро итак начиналось паршиво, а встреча с Борисом окончательно вывела меня из себя.

— Подумал, что по-другому ты ко мне не выйдешь.

— Ну, правильно подумал, а теперь, пожалуйста, отпусти мою руку, мне больно.

Борис не отпустил, но хватку ослабил, а после протянул мне свёрнутый вдвое листок.

— Что это?

— Моё свидетельство о разводе.

Я усмехнулась.

— Ну, и зачем ты мне его даёшь? Хочешь похвастаться? Что ж я рада. Особенно за твою жену. Давно ей надо было порвать с таким уродом как ты.

Я вырвала руку и снова попыталась забежать в подъезд, но Борис окликнул меня у самых дверей.

— Мне жаль.

Я остановилась и в удивлении обернулась к нему.

— Жаль?

— Да мне жаль, что я не сделал этого раньше. Тогда всё бы было по-другому. Мы бы тобой могли...

— Мы бы ничего с тобой не могли, Борис. И ты зря всё это делаешь. Зря тратишь на меня своё время. Ничего уже не получится.

— Ты, что совсем ко мне ничего не чувствуешь? Скажи, у тебя кто-то появился?

После этого вопроса меня передёрнуло. Я вспомнила отдых на острове, ночь на пляже...

Резко помотав головой я попыталась отогнать от себя эти мысли. Всё. Хватит. Закрытая тема.

— Дело не в этом. Просто мне гадко от всего, что произошло. Ты был вместе с женой практически двадцать лет и так легко и быстро смог всё разорвать. Это низко. Ты слабый мужчина.

— Слабый? — он усмехнулся. — И в чём же?

— В том, что позволил себе из-за минутного увлечения развалить семью. Был бы сильным, ты бы не заводил молодую любовницу, а больше времени уделял своей жене и детям.

— Ты ещё слишком юная, чтобы рассуждать об этом. И к тому же, так для справки, ты никогда не была для меня минутным увлечением. Я сейчас не буду распевать о своих чувствах, просто хочу, чтобы ты знала... мне плохо без тебя, — голос Бориса дрогнул, я даже невольно смягчилась. Вложив мне в ладонь, какой-то клочок бумаги, мужчина отошёл от меня на пару шагов. — Я всё ещё хочу, чтобы ты работала в моей компании. Не вместе со мной. Не в соседних кабинетах. Наоборот. Ты могла бы быть на несколько этажей ниже меня и за целый день мы могли бы даже ни разу не встретиться. Просто мне бы было достаточно знать, что ты где-то рядом... Если надумаешь, звони по этому номеру. Тебе будет достаточно только сказать своё имя и фамилию и тебя примут в штаб.

Несколько минут я молчала, обдумывая то, что он сказал, а потом, убрав листочек в карман джин неуверенно ответила:

— Хорошо. Я подумаю.

Спустя две недели

В тот день я проснулась в семь утра. Сама. Не по будильнику. Просто резко распахнула глаза и больше не смогла уснуть. Тихо, на цыпочках, боясь разбудить родителей, прошла в ванную, умылась, немного привела себя в порядок и быстро натянула на себя спортивный костюм. Не знаю, что мне в голову стукнуло, но я решила выйти на улицу и быстрым шагом пройтись по ближайшему стадиону. О пробежке, с моим-то здоровьем, речи, конечно, не шло, но прогулки быстрым шагом мне никто не запрещал. Кроме того у меня был ещё один повод увильнуть из дома пока все ещё спят. У родителей годовщина свадьбы через три дня, а я ещё не купила подарок. На этот раз хотелось преподнести им что-то особенное. Тем более учитывая, что у них сейчас не всё гладко. Пускай папа и вернулся домой и теперь начал заботиться о маме как о ребёнке, вместе с этим таща в дом, кучу детских игрушек, мне всё ещё было не по себе. Я не могла относиться к маме как раньше. Конечно, я понимала, что всё это было давно и родители уже сами во всём разобрались, но меня всё ещё не покидало чувство, что мама чего-то не договаривает. Что она до сих пор, что-то скрывает от папа, да и от меня тоже.

Порывшись в своём кошельке, я чуть было не присвистнула. Пара сотен, которых мне явно не хватит, чтобы купить действительно стоящий подарок. В эту минуту мне тут же вспомнилось вчерашнее и все предыдущие собеседования, после которых мне обещали позвонить, но, как известно, в итоге, я продолжала искать объявления о работе. Родителям о своём застое я не говорила. Не маленькая уже девочка должна сама решать свои проблемы. Может быть, в Москве устроиться было бы проще, но папа попросил меня не уезжать, пока на свет не появится мой братик или сестричка. Он хотел, чтобы мама всегда находилась под присмотром. Да и меня саму, что-то держало в этом городе. А точнее, наверное, «кто-то».

Он так и не позвонил за всё это время. Не предпринял попытки увидеться. И это хорошо. Да это должно быть хорошо, потому что сама бы я больше никогда не смогла его оттолкнуть. Только мне почему-то всё равно рыдать хотелось. Я чувствовала себя брошенным котёнком, с которым проигрались и выкинули на свалку.

Тихонько, стараясь не разбудить родителей, я вышла из квартиры. Спустившись на первый этаж, я распахнула подъездную дверь и практически нос к носу столкнулась со стоящей в паре сантиметров от меня девушкой. Извинившись, я уже хотела было идти на стадион, но эта девушка окликнула меня.

— Простите, вы не подскажете, 65-я квартира в этом доме?

По этому вопросу я сразу поняла, что передо мной иностранка. Слышался сильный акцент. Невольно я окинула девушку любопытным взглядом. Красивая. Очень красивая. Стройная ухоженная, в дорогих модных вещах. Волосы шикарные. Белые густые длинные. Собственно прямо как у меня. И глаза тоже моего цвета, даже черты лица схожи. Я чуть было не присвистнула. Ну, надо же, какие сходства. Наверное, на посторонний взгляд можно было бы подумать, что мы сёстры, да ещё и близняшки. Правда, она меня старше. Лет на шесть, наверное, точно.

Заметив на себе мой взгляд, девушка смущённо улыбнулась, а я покраснела. Блин, неловко. Мне вопрос задали, а я смотрю и разглядываю в оба глаза.

— Извините, не расслышала, что вы спросили?

— 65-я квартира в этом подъезде?

Вот теперь я удивилась. Эта дамочка случайно ничего не попутала? 65-я это же наша квартира. И мы вроде никаких гостей не ждали. Тем более ещё из другой страны, тем более в такую рань, и тем более с чемоданом, который незнакомка держала в руках.

— Да здесь. Я там живу. Только мои родители ещё спят. А вам кого нужно?

Несколько минут незнакомка молчала, и я даже невольно почувствовала, как она была напряженна.

— Вы Юлия?

Я кивнула, продолжая любопытно разглядывать иностранку.

— Ну, тогда мне нужны вы.

Поставив на наш столик две чашечки кофе, официант окинул восхищенным взглядом, сидящую напротив меня девушку и тактично удалился.

— Смешной парень, — усмехнулась девушка, достав из сумочки пачку сигарет. — Я уже второй раз обедать в этом месте и не раз замечать на себе взгляды этого парня. Удивительно, но он так и не решаться попросить у меня номер телефона. У вас в России все такие робкие?

— Я думаю, он просто не знает, как к вам подойти, — сделав глоток горячего ароматного кофе, я чуть не зажмурилась от удовольствия. Потрясающе здесь готовят этот напиток. Странно, что я ещё ни разу не была в этом месте. — Простите, но я пока не совсем понимаю, что вам от меня нужно. Вы сказали, что хотите поговорить? О чём?

Закурив сигарету, девушка широко улыбнулась и я ещё раз подловила себя на мысли, что мы с ней чем-то похожи. У меня тоже появляются ямочки на щёчках, и нижняя губа начинает немного подрагивать, когда я нервничаю. А в том, что моя появившаяся буквально из неоткуда собеседница волнуется, я даже не сомневалась. Это было видно невооружённым глазом, хотя девушка всеми силами старалась скрыть своё состояние.

— Просите, я могу говорить с вами по-английски? Я не так хорошо знаю ваш язык, —

дождавшись моего утвердительного кивка, девушка потушила сигарету и продолжила свою речь, теперь уже на английском, в котором я, к счастью неплохо разбиралась. — Для начала, думаю надо представиться. Я Катрин...Катя, по-вашему. Катя Краус. Представитель компании Programworld. Вы о ней, что-нибудь слышали?

— Конечно. Эта компания была тесно связана с университетом, в котором я училась в Норвегии. Если не ошибаюсь, некоторые мои сокурсники после окончания учёбы пошли работать именно туда.

— Вы не ошибаетесь. В последнее время руководство нашей компании всё чаще и чаще стало прибегать к идеям, полностью сменить всё внутреннее обустройство фирмы. Молодые хваткие специалисты сейчас во многом дают фору уже более пожилым сотрудникам. Вы понимаете, о чём я?

Нет, я не понимала, о чём говорила эта Катрин. Мне начинал всё меньше нравиться этот разговор. Сидящая передо мной девушка как-то мало походила на представительницу Норвежской компании. У неё был немецкий акцент, да и фамилия тоже немецкая. Что она забыла в Норвегии и что ей нужно от меня?

— Если честно я не очень люблю эти наводящие вопросы. Катя скажите прямо, что вам от меня нужно?

— Хорошо, давайте сразу к делу, — девушка выпрямилась, отодвинула чашечку с кофе в сторону и продолжила уже на полном серьёзе. — Я думаю, вы очень хорошо знаете о такой программе как Сэфринг. Как вы справедливо заметили университет, в котором вы учились и компания, которую я сейчас собственно и представляю, очень тесно связаны. Они вместе выработали идею обмена уже выпустившихся студентов. То есть, наша компания предлагает временную или постоянную работу студентам, закончившим ваш Вуз. В этом есть большая выгода для всех. Ваш университет показывает, на каком уровне он выпускает своих учеников. Мы получаем хороших специалистов. Вы — прекрасную практику, хорошую зарплату и возможность дальше развиваться по карьерной лестнице.

— И вы хотите предложить мне...работу в вашей фирме?

Если честно, то я сейчас пребывала в полном шоке. Конечно, я знала, что такое Сэфринг. Многие ребята, с которыми я училась, мечтали поучаствовать в этой программе. Это действительно превосходный и просто уникальный шанс показать всё, на что ты способен. Только вот в нашем университете учились несколько сотен человек, а попали в компанию всего около десятка студентов. Вроде бы это были ребята, которые имели, какие связи в Programworld. Хотя об этом я точно не знаю. Я как-то никогда особо не интересовалась этой программой, хотя признаюсь, она была очень заманчивой. Такой шанс...разве я могу его получить?

— Да, именно так. Вы были одной из лучших студенток, всегда показывали замечательные результаты. И мы бы были рады сотрудничать с вами. Что вы на это скажите?

— Ничего не скажу, — я вытянулась в кресле и сбросила вызов, даже не взглянув на экран запиликавшего телефона. — Во-первых, это слишком неожиданно. Вам не кажется, что прежде чем назначить мне встречу, вы должны были хотя бы прислать какое-то письмо по электронной почте или поговорить со мной лично по телефону? Во-вторых, я не понимаю, с чего вы предлагаете эту работу именно мне? Да, я хорошо училась, но были ребята, которые показывали и более высокие результаты. И, в-третьих, простите, но с чего я должна верить вам на слово? Я ведь по-сути даже не знаю кто вы. Извините за наглость, но ваши слова — всего лишь пустой звук. Я тоже могу представиться кем угодно. У вас есть

подтверждение, что вы работаете в той компании?

Девушка улыбнулась, достала из сумочки какие-то бумаги и протянула их мне.

— Простите, да я понимаю, что всё, что я сейчас сказала, наверное, прозвучало нелепо. Мы действительно должны были не так начать наше знакомство, но дело в том, что я планировала встретиться с вами чуть позже. А именно, на следующей неделе. Но по стечению обстоятельств, я уже сегодня вечером должна буду вылететь в другой город, а вернусь только в начале следующего месяца. К, сожалению, мы не можем столько ждать. Нам бы хотелось получить от вас ответ в ближайшие сроки, чтобы знать, стоит ли искать другую кандидатуру на это место или нет. Но прежде чем ответить, вы, безусловно, должны ознакомиться с этими бумагами.

Катрин кивнула на несколько прозрачных файлов, и я неуверенно взяла их в руки.

— Что это?

— Полная информация о нашей компании, а также сведения о Сэфринге. Здесь собраны все самые важные документы, а также ссылки на интернет сайты. Если будет интересно, вы можете найти о нас всю информацию во Всемирной паутине. Кроме того, если у вас или у вашей семьи есть юрист, вы можете показать ему эти бумаги, чтобы убедиться, что всё так сказать, абсолютно легально.

Собственно, вы также можете посоветоваться с вашими родителями, друзьями, знакомыми....Связаться с бывшими сокурсниками, которые теперь работают в Programworld и обо всём у них расспросить. Нам абсолютно нечего скрывать, наоборот, мы хотим, чтобы вы могли знать всё, что вас интересует. Но только прежде скажите мне, вас вообще заинтересовало наше предложение? Есть смысл ждать от вас какого-либо ответа или нам подыскивать других людей на это место?

— Нет....нет, меня, конечно, заинтересовало ваше предложение, — сипло произнесла я, попытавшись немного успокоиться. Меня пробивала нервная дрожь. Это что, правда? После долгих поисков работы мне выпадает такой фарт? — Только я...я, если честно в полном шоке. Это всё слишком неожиданно....сколько у меня есть времени, чтобы подумать?

— Недели две. Мы вас не торопим, прекрасно понимаем, что здесь надо подумать и всё взвесить. Ведь если вы согласитесь вам придётся покинуть свою страну как минимум на полгода, а дальше всё будет зависеть от того как вы себя покажете. Впрочем, обо всех подробностях вы узнаете из бумаг, а мне сейчас нужно знать, стоит ли вообще ждать от вас ответа? Вы будете думать над нашим предложением?

— Да...я подумаю. Конечно, подумаю.

— Замечательно, мы будем очень надеяться, на ваше согласие. Вот, возьмите, — девушка протянула мне визитку. — Здесь мои контакты. Свяжитесь со мной, как только что-нибудь надумаете. И пожалуйста, если это возможно, постарайтесь принять решение в ближайшее время.

Мне показалось или на последних словах она занервничала, даже как-то опечалилась. Правда я не придавала этому особого значения. Я всё ещё находилась в полном шоке и непонимании, что вообще происходит.

— Да, разумеется, я свяжусь с вами в ближайшее время.

— Замечательно, буду ждать вашего звонка. А сейчас, мне уже пора, скоро вылет, а мне ещё нужно заехать в одно место. Всего доброго.

— И вам.

Поправив воротник пальто, девушка натянула на маленькие изящные ладони чёрные кожаные перчатки и, ёжась от холода, достала из сумочки телефон. Набрав нужный номер, Кэт прижала мобильный к уху. Трубку взяли почти сразу, и девушка невольно улыбнулась, когда услышала запыхавшийся голос отца. Опять бегал. В последнее время он стал всё больше уделять внимание физическим нагрузкам, которые впрочем, были ему противопоказаны. Но разве это могло остановить её отца, который упрямо шёл наперекор медицине и всем рекомендациям врача?

— Да, папа, я с ней встретилась. Нет не переживай, я сказала только то о чём ты меня просил. Знаешь, а мы с ней и вправду похожи, я думаю, она это тоже заметила... Так долго меня разглядывала, мне даже не по себе стало. Нет пап, я не проболталась. Да, держалась уверенно, всё говорила так, как мы с тобой репетировали. Да, бумаги отдала. Ну, вроде бы заинтересовалась... Пап, а может ну этот маскарад? Не лучше будет рассказать всю правду, ведь рано или поздно она всё равно узнает? Но... хорошо, я тебя поняла. Да, я ничего не скажу. Нет, с её родителями я не встречалась... А зачем тебе это? Решил вспомнить старую любовь? Я не издеваюсь, но и ты, пожалуйста, не забывай, что женат. Кстати Анна знает, об этой внезапно появившейся дочери, ты ведь обещал ей сказать? Ладно... хорошо пап, только не злись. Тебе вообще вредно нервничать, забыл? Да... обещаю, всё будет хорошо. Я тебя тоже люблю папочка. Пока. Буду держать тебя на связи.

Расплатившись за кофе, я уже собиралась уходить, когда мне на плечо легла чья-то большая горячая ладонь. Вздогнув от неожиданности, я резко обернулась и буквально лицом к лицу столкнулась с насмешливо ухмыляющимся Артуром.

— Вот так встреча. Вроде бы не маленький у нас город, а куда не глянешь — одни знакомые лица.

Он смотрел на меня с юношеской усмешкой во взгляде и улыбался так искренни и непринужденно, что первое напряжение от столь неожиданной встречи спало. Но его близость всё равно будоражила меня. Я не могла спокойно смотреть на его губы, сейчас растянувшиеся в задорной мальчишеской улыбке, а всего пару дней назад жадно оставлявшие болезненные следы от укусов на моём теле. Я не могла смотреть в вырез его рубашки. На его мощную шею, которую оплетал амулет с точёным когтем какого-то зверя. Мне становилось трудно дышать, когда мой взгляд падал на его сильные руки, сейчас скрестившиеся на груди, а когда-то оставлявшие багровые отметины на моих бёдрах, плечах, шее...

— Да, бывает.

Я накинула на себя плащ и дрожащими руками застегнула каждую пуговку. Я ужасно торопилась. Наверное, Артур даже почувствовал охватившее меня волнение, потому как его взгляд потемнел, и с его лица исчезла улыбка. Но сейчас мне было всё равно. Мне хотелось как можно быстрее сбежать отсюда. На каком-то подсознательном уровне я понимала, что даже секунда, проведённая рядом с ним, опасней для меня, чем ходить по острию ножа.

Я промямлила, что-то вроде «пока» и попыталась проскользнуть мимо Артура, но он тут же перехватил меня за локоть и в считанные секунды усадил в кресло, устроившись рядом, так, чтобы я не смогла сбежать.

— Что ты делала здесь в такую рань?

Голос спокойный, но я уловила в нём насторожённые испытывающие нотки. Несколько секунду молчала, игнорируя его вопрос и пытаюсь избежать взгляда, но потом не выдержала, сама подняла голову и когда увидела в его почерневших глазах приглушённую ярость, неожиданная и совершенно безумная догадка пронзила меня в ту же секунду. Дьявол, да ведь он ревнует. Ужасно. Безумно. Его глаза чернее тучи. Руки сжаты в кулаки так, что побледнели костяшки пальцем. Чёрт подери, он думает, что я сейчас была с мужчиной... Он сходит с ума от ревности. Глупый ненормальный взбесившийся мальчишка. Не знаю почему, но в этот момент мне стало так хорошо, что я нашла в себе силы и ответила ему без капли иронии, с трудом сдержав улыбку:

— Я встречалась с подругой.

— Так рано?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Спросил с недоверием, но морщинки на лбу разгладились, и яростный огонь в глазах потух. И вот теперь я не сдержалась. Мои губы помимо воли расползлись в непонятно отчего довольной улыбке.

— Она уезжает сегодня вечером, вот и договорились встретиться утром. А ты, что здесь делаешь в такое время? — только сейчас я заметила какой помятый у него вид. Синяки под глазами, волосы растрёпанны, рубашка не выглажена и не заправлена в брюки. — По твоему внешнему виду можно судить, что ночка у тебя выдалась убойной?

Теперь уже я боролась с накатившей на меня злостью. А Артур улыбался. Смотрел на меня и растягивал губы в довольной улыбке. Гад.

— Ревнуешь? — он протянул руку к моему лицу, попытался заправить выбившуюся прядь волос за ушко, но я резко дёрнулась в сторону, избегая прикосновения. Вновь предприняла неудачную попытку встать и покинуть злополучное заведение, но Артур даже не дал мне подняться. С Силой усадил обратно в кресло. — У Риты температура поднялась, её знобило всю ночь. Отец в командировке. Мама попросила с Тимуром посидеть, пока она с мелкой в больнице будет. Вот решил с утречка, по дороге домой, заскочить сюда, попить кофе, взбодриться.

Сказал серьёзно, без улыбки, и я тут же почувствовала себя полной дурой. Щёки залились краской. Даже взгляд невольно отвела.

— Извини, я не знала. Как малышка?

— Уже нормально. Какими-то лекарствами напичкали, температура сразу спала, — он всё-таки поборол моё сопротивление, заправив прядь волос мне за ухо, а после очертил подушечкой большого пальца контуры моего лица. Дыхание сразу перехватило. Я знала, что так будет. Знала, что я потеряю контроль над собой, как только он дотронется до меня. — Ты почему мои звонки сбрасываешь?

Я не сразу поняла, о чём вопрос. Ещё несколько секунд как замороженная смотрела в его убийственные глаза, и только потом заставила себя собрать крошечные остатки разума и отвести взгляд. Сбрасывала звонки? Наверное, это он звонил мне, когда я разговаривала с Катрин. Включив телефон, я действительно увидела несколько пропущенных от Артура.

— Я разговаривала с подругой, забыла включить телефон.

— Могла бы перезвонить позже. — Я только сейчас включила мобильный, ты же видел. Пришла бы домой — перезвонила.

— Врёшь, — нагло усмехнулся Артур, и его руки скользнули под воротник моего плаща, сцепляя пальцы на оголённой шее. Я вздрогнула, в ту же секунду. Наверное, даже электрический ток не бьёт так сильно. На этот раз я не стала церемониться. Резко оттолкнула его от себя и, вскочив с кресла, бросила бежать. Он догнал. Я в этом даже не сомневалась. Стоило мне выскочить из ресторана и сделать буквально пару шагов, как он перехватил меня за руку и резко развернул к себе. Я задохнулась. В глазах всё потемнело, как только его руки легли на мою талию, его губы оказались в паре сантиметров от моих.... Это уже больше чем безумие. Сильнее всякого наваждения. Это уже за гранью. За гранью всего: возможного и невозможного.

— Я довезу тебя до дома, — жёстко отчеканил каждое слово, и уже через мгновение я оказалась в дорогом салоне автомобиля. Он занял место за рулём, и в считанные секунды машина тронулась с места. Я молчала и в тоже время понимала, что мне надо, что-то сказать. Эта тишина убийственна. Она невыносима. Она подводит итак раскалившееся напряжение к высшей точке. Я собралась с духом. Решила попросить Артура включить музыку, подняла голову, перевела на него взгляд и в ту же секунду забыла обо всём на свете. Чёрт подери, как же он красив. Красив даже в таком помятой виде. Даже с небритой щетиной. От него за версту чувствуется тот самый убийственный коктейль грубой мужской силы, порока, оскала хищника. И ему всего двадцать три. Наверное, годам к тридцати в него будет влюбляться каждая встречная девушка. Эта мысль довела меня до ручки. Не хотелось думать о других девушках. Не могла даже представить, что он к кому-то прикасается... помимо меня.

Я резко помотала головой, заставляя себя избавиться от этих мыслей. Всё, хватит. Это уже какое-то сумасшествие. Он родной. Чёрт подери он мне родной по крови, я не должна... я... Извращенка чёртова, вот кто я на самом деле. Вот моя настоящая прогнившая сущность. Внезапно Артур резко свернул машину на обочину и затормозил. От неожиданности я даже вскрикнула. Меня качнуло в сторону, и я упала ему на грудь. В тот же миг он обхватил руками моё лицо. Несколько секунд мы оба молчали, тяжело дыша. А потом он спросил, с хрипотцой, с безумным дьявольским желанием, со страхом и дикой мольбой:

— Поехали ко мне?... Чёрт подери, я понимаю, что это безумие, но я не могу. Не могу тебя сейчас отпустить. Убей меня, пристрели, зарежь к чёртовой матери, но отпустить я не смогу. Твои стоны...они сводят меня с ума, мне кажется, что они до сих пор стоят у меня в ушах....Поехали ко мне...Юля поехали, я прошу, пожалуйста...

От моего ответа сейчас зависело всё. Я понимала, что если соглашусь, ничто и никто уже не сможет остановить, то дикое разгорающееся с каждой секундой всё сильнее и сильнее безумие. Артур больше не отпустит меня, да и я уже не смогу уйти. Буду мучиться. Остатки совести разгрызут меня на части, но я уже ничего не смогу поделать. А если откажусь — он больше не приблизится ко мне. Да, сейчас по его взгляду я это очень хорошо поняла. Его глаза обещают мне сумасшествие. Бездну жгучей яростной страсти и в то же время они обволакивали холодом. Артур словно говорит мне, что он сильнее меня. Что он сможет справиться. Найдёт в себе силы, удалит мой номер, уедет, но он сможет себя побороть. А я не смогу. Наверное, уже никогда не смогу.

— Поехали.

Он резко притянул меня к себе, зарылся ладонью в мои волосы, сорвав заколку, и жадно

приник к моим губам. В ту же секунду я позабыла обо всём на свете. Мною овладела волна острого запредельного желания. Я обезумела, слетела с последних ориентиров. Я уже не помнила, как мы добрались до его квартиры. Всю дорогу я жадно целовала его лицо, шею, в каком-то безумном порыве я сорвала верхние пуговицы с его рубашки и прижалась припухшими от безумных поцелуев губами к его крепкой груди. Его дыхание стало частым. Сердце билось как у загнанного в угол зверя. Иногда с его губ срывались приглушённые стоны, которые ещё больше подхлёстывали раздирающее меня изнутри желание. Я видела как напрягся каждый мускул на его теле, как затуманился и без того дикий взгляд, как ткань джинс натянула вставшая плоть. Я видела всё это и подыхала от восторга. Только одна мысль, что он ХОЧЕТ МЕНЯ, хочет настолько сильно, едва ли не доводила меня до оргазма.

Нашу машину несколько раз заносило на поворотах. Мы чуть не попали в аварию, но мне было плевать. Мой взгляд затуманился от навернувшихся слёз. Я царапала губы, прижимаясь к его щетине и жалобно скулила, мысленно отсчитываю каждую секунду. Тогда, в эти безумные моменты страсти я не думала ни о чём. Мне было наплевать на стыд, наплевать на мораль, наплевать на всё на свете. Я сторала от дикого желания. Я хотела его всего. Хотела почувствовать каждую частичку его тела на себе, в себе. Это было безумием, совершенно неконтролируемым безумием.

Мы переступили порог его квартиры, и Артур тут же притянул меня к себе. Он вновь приник к моим губам, только теперь это был уже совершенно другой поцелуй. Больше не было той дикой страсти, той зверской жадности. На сей раз, его губы были нежными, ласковыми, а я хотела совсем другого. Я хотела, чтобы он взял меня. Здесь. Сейчас. Прямо у стены, на полу, в кресле, где угодно, лишь бы он, наконец, сделал меня своей.

Я лихорадочно начала расстегивать пуговицы на его рубашке, жадно выпивала губами его горячее дыхание. Из моей груди вырвался стон протеста, когда он чуть отстранился от меня, и с силой сдавив пальцы на моих предплечьях, не дал мне снова приникнуть к нему.

— Тише девочка, успокойся. Сегодня всё будет по-другому. Сегодня я буду медленно сводить тебя с ума. Я хочу слышать твои хриплые, доводящие меня до безумия. Хочу сводить тебя с ума бесконечно долго.

Он подхватил меня на руки. Не обращая внимания на мои жалобные всхлипы, понёс меня в спальню и бережно опустил на кровать, накрыв своим телом. Он медленно начал расстёгивать пуговички на моём платье и когда его рука накрыла мою грудь, а пальцы с долей грубой нежности сжали вставший сосок, я вскрикнула, выгнулась навстречу ласке и почувствовала, что готова взорваться. Лишь одно его прикосновение способно довести меня до предела сносящего всё на своём пути наслаждения.

Он медленно, словно специально заставляя меня жалобно всхлипывать и нервно сжимать ладонями простынь, снял с меня платье. Когда он спустил с моих плеч бретельки бюстгалтера и уже через секунду тот полетел на пол, а Артур жадно накрыл губами свернувшийся в тугую горошинку сосок, я закричала. Всё тело прострелила безумная волна дрожи. Я была на грани. Из груди рвалось рыдание. Я подыхала от дикой потребности в нём. Он медленно прокладывал влажную дорожку поцелуев на моём теле, а я уже представляла, как он двигается во мне. Грубо, жёстко, выбивая из меня безумные стоны наслаждения. Когда его пальцы подцепили полоску трусиков и с лёгкостью отшвырнули разорванную ткань в сторону, Артур склонил голову между моих ног, и я тут же попыталась свести бёдра.

— Нет, я хочу попробовать тебя... Знать, какая ты на вкус, когда кончаешь.

Эти слова чуть не довели меня до оргазма. А когда Артур прикоснулся ко мне там, я вскрикнула, вцепилась ладонями в его волосы, до крови прокусила губу. Теперь я уже готова была умолять его взять меня. Я балансировала на грани. Я царапала ему спину, глотала скатывающиеся по щекам слёзы, жалобно стонала. В тот момент, когда он жадно смял ладонями мою грудь, а его язык надавил на чувствительный бугорок, меня накрыла запредельная волна наслаждения. Я закричала так громко и неистово, что, наверное, этот безумный вопль был слышен даже на лестничной клетке. Но мне было наплевать. У меня ещё никогда не было такого оргазма. Такого острого, граничащего с дикой болью наслаждения. Сжав ладонями мою талию, Артур жадно накрыл ртом мои подрагивающие губы и в ту же секунду я почувствовала, как он растягивает меня изнутри, полностью заполняет собой. Я обхватила его торс коленями, приподнялась, стараясь сильнее насадиться на его твёрдую плоть, полностью вобрать её в себя, но Артур не позволил. Он завёл мои руки над головой, чётко давая мне понять, что вся инициатива у него. С силой вдавив меня в кровать своим телом, он начал двигаться. Медленно, неспешно, словно нарочно подводя меня к самому пику наслаждения и не давая переступить эту черту. Когда он в очередной раз заставил меня жалобно застонать и вцепиться зубами во влажную ткань простыни, я не выдержала. Вырвала руки из его цепкого захвата и в каком-то безумном порыве отвесила ему звонкую пощёчину. Он остановился. В ту же секунду я увидела, как почернел его взгляд, подёрнулся дымкой неконтролируемой ярости.

— Сама напросилась.

Он впился в мои губы диким поцелуем, подхватил меня под колени и начал двигаться как одержимый. Он вдавливался в моё тело с безумным остервенением, не обращая внимания на мои жалостные охрипшие стоны. Я поломала ногти о его спину. Я потеряла себя от ярких вспышек безумного острого наслаждения. Он брал меня бесконечно долго. До вечера, до глубокой ночи. Он лишь давал крошечные передышки, а потом снова и снова терзал моё тело, заставлял меня глотать слёзы от болезненного мучительного наслаждения. Мы уснули лишь под утро, когда уже начало светать. Точнее уснул он. Я же просто лежала на его груди и смотрела в потолок невидящим взглядом. Теперь, когда Артур выбил из меня все чувства, когда дикая сметающая всё на своём пути страсть ураганом прошла по всему моему телу, я чувствовала пустоту. Ужасную, рвущую каждую клеточку души. Я осторожно, безумно боясь, что Артур проснётся, встала с кровати. Одевшись, я на цыпочках вышла из квартиры.

Облегчённо вздохнуть мне удалось только тогда, когда я оказалась на совершенно пустой остановке. Холодный воздух смог немного привести меня в чувства, но это совсем не помогло. Наоборот, у меня случилась истерика. Я зарыдала, вцепилась зубами в дрожащую ладонь и начала глотать выворачивающие меня наизнанку слёзы. И это был не стыд. Нет, в отличие от утра после нашей первой с Артуром ночи, я не чувствовала стыда. Меня раздирало презрение. Презрение к самой себе. Инцест. Само это слово звучит грязно мерзко отвратительно. И ведь дело даже не в физической близости. Сейчас меня рвало на части не от того, что я занималась с Артуром сексом, а от того, какие чувства я к нему испытывала. Он перестал быть для меня братом. Именно сегодня. Именно сейчас, на этой остановке я поняла, что как раньше уже никогда не будет. Сколько бы времени не прошло, как бы ни повернулась моя дальнейшая жизнь — Артур больше никогда не будет мне братом. Я люблю его. Безумно люблю. Люблю так, что душу в клочья рвёт. Люблю как мужчину. Как своего мужчину. И вот это и есть инцест. И есть то самое мерзкое чувство, которое я уже никогда

не смогу в себе побороть.

Я не знаю, сколько я так сидела на этой остановке. Когда прекратилась истерика, в моей памяти начали всплывать картинки из далёкого прошлого. Я пыталась понять, когда именно мы с Артуром отдалились друг от друга? В детстве мы были очень близки. Мы постоянно были вместе. Вместе делали пакости воспитательнице в садике, вместе тырили конфеты из магазинов, вместе прикрывали друг друга перед родителями. В школе, а в особенности, когда мы перешли в среднее звено, всё изменилось. У нас появились свои друзья, свои компании. Артур сильно изменился. В нём словно, что-то переключилось. Он стал наглым дерзким самоуверенным. И таким он совершенно перестал мне нравиться. Мы практически прекратили общаться. Полностью отдалились друг от друга. Фактически, наверное именно тогда, ещё с тех времён я перестала принимать его как своего брата. Я вообще не считала его членом семьи. Он всего был где-то «там». Где-то далеко от всех нас и от меня в частности. Мы потеряли, когда-то связывающую нас нить, и надо сказать меня это нисколько не волновало. До тех пор, пока я обратно не вернулась в свой город. Я ведь до сих пор не могу понять, что во мне щёлкнуло. Что надломилось внутри меня. Как я позволила всему этому произойти. Откуда вообще появились эти чувства? Да, пускай я давно перестала воспринимать Артура как брата, но ведь по крови мы всё равно остаёмся родными. Мы родственники. Чёрт подери МЫ РОДСТВЕННИКИ и ни что этого уже никогда не изменил! Тогда какого чёрта я творю? Надо всё прекращать. Немедленно. Пускай будет больно. Пускай мне придётся выдирать Артура из своего сердца, но так больше продолжаться не может... Только как всё прекратить? Как найти в себе такие силы? Нужно уехать. Это единственный выход, который сейчас может меня спасти. Но куда? В Норвегию? Может согласиться на поступившее мне предложение? Ведь это будет для меня просто спасением. Но даже если я соглашусь, уехать мне удастся не раньше чем к концу следующего месяца. Я точно знаю, что такие дела в два счёта не решаются. А что делать до этого времени? Как оградить себя от Артура? Надо чем-то срочно заняться. Если у меня не будет свободного времени, если я буду полностью загружена — возможно я хоть как-то смогу оградиться от него.

Не знаю, как именно я решилась на это, но мне, почему-то показалось, что сейчас это будет единственно-правильный для меня вариант. Хотя может это действительно так и есть. Поборов все предрассудки и личную неприязнь, я набрала номер Бориса. Он ответил не сразу. Где-то через минуту я услышала сонный мужской голос.

— Борис, здравствуй это я... Юля. Извини, что так поздно...

— Юля? — похоже он в минуту отошёл ото сна. — Чёрт ты на часы смотрела? Полпятого утра. Что-то случилось?

— Случилось, — мой голос дрожал. Я всё ещё была неуверенна в том, что делаю. Не отступать уже поздно. — Скажи твоё предложение о работе ещё в силе?

— Конечно.

— Тогда я согласна. Я хочу работать в твоей компании.

* * *

Артур совершенно безразлично смотрел на мелькающих в банкетном зале людей.

Прокручивая в руках зажигалку, парень украдкой тормозил в зубах зубочистку. Курить хотелось жутко, аж скулы сводило. Только на балконе людей выше крыши, а выходить ему пока нельзя. Шахновский сказал, что сегодня гость какой-то важный придёт. Собственно ради этого гостя он и припёрся на эту встречу. Шахновский намекнул, что сегодня, возможно, решится дело о канале в Таджикистан. Он давно пытался сбыть туда товар, но у него были вечные «нелады» с Кесарем — главным по поставкам. Теперь Кесарь уже как три месяца находится за решёткой, а стало быть, Шахновскому открыт прямой путь к каналу. Тем боле, что с новым управляющим они вроде как сразу общий язык нашли. Так, что, если ничего не изменится, сегодня будет заключена очень крупная сделка. Правда вот с кем она будет заключена, Шахновский так и не сказал. И отсюда сразу напрашиваются два вывода: либо Главный пытается, что-то скрыть от Артура и введёт двухстороннюю игру, либо он просто ему не доверяет. И Самсонов больше склонялся ко второй мысли. В последнее время он начал сильно лажать. На доверенных ему точках участились грабежи, и случаи постороннего сбыта. А это значит, что на территории завёлся чужак, о котором Артур ни слухом, ни духом. Стало быть, нависла угроза потери большинства вверенных ему точек. Ведь если чужака не найдут и эта крыса выйдет на ментов, сумев сговорится с этими жирномордными, точки будут потеряны. И вина в этом целиком и полностью на Артуре. Он не уследил. Он позволил посторонним хозяйствовать на их территории. Понятно, что после таких проколов Шахновский с настороженностью относится к Артуру. Преждевременно его ни во что не просвещает. Даже о кое-каких сделках стал умалчивать, хотя раньше Артур пользовался полным доверием у Главного. Но надо сказать, что сейчас Самсонова это не особо заботило. В последнее время у него и без «левых делишек» проблем выше крыши. Дома всё плохо. Отец месяцами не вылезает из командировок, ходят слухи, что он какую-то молоденькую сучку подцепил. Что б его, нахер. Мать зашивается с малыши, Ритуля постоянно болеет, а он по «командировкам» раскатывает и с молоденькими девками в постели кувыркается. Если раньше Артур ещё хоть как-то пытался поддерживать связь с отцом, то теперь у него отбило всякое желание общаться с ним. Пусть живет, так как считает нужным. Если ему наплевать на свою жену и маленьких детей, если его волнуют только деньги и шлюхи, которых он на эти деньги снимает, то Артур вообще предпочтёт забыть, что у него есть отец. Хотя...чем он сам лучше своего папаша? Такой же моральный урод и похотливый скотина. Даже сейчас, вместо того, чтобы думать, как возвращать доверие Шахновского он не может отделаться от мыслей о Юле. Въелась она ему в мозги. Капитально, с корнями и не выдрать уже никак. Хотя он пытался. Напивался до осточертения, девок менял каждую ночь. Одна краше другой. Все друзья слюнями изводились, когда он с какой-нибудь красопеткой в кабак заваливался, а через час трахал эту сучку в машине или в туалете того же кабака. Думал, забыться получится. Отвлечься от всего. Только нихрена у него не получалось. Вколачивался в изъезженные тела этих постанывающих шлюх, а перед глазами другой образ, другое тело, другая девушка. Ведь знал, что не получится у него забыть её. Знал, еще, когда первый раз прикоснулся к ней....По-особенному прикоснулся. Ни как раньше, ни как к сестре. Там в океане, когда дотронулся до её полной часто вздымающейся груди, когда сжал между пальцем затвердевший сосок, у него искры с глаз посыпались. Никогда он ещё не испытывал такого острого, зверски-безумного желания обладать. Причём именно обладать. Непросто затащить в постель, даже не просто встречаться, а обладать, всецело, единолично. Хотел её как ненормальный. Каждый день, каждый час, каждую секунду. Хотел любить каждую клеточку её тела,

прикоснуться губами к каждому кончику её волос, хотел впитать в себя её запах, хотел поставить на ней свою метку, хотел, чтобы кроме него на неё больше никто и никогда не ложился. Он хотел всего этого, хотел так, что сердце в клочья раздирало, что душу рвало на части. С ней всё было не так как с другими. Да её даже сравнивать ни с кем было нельзя. Никогда в жизни он не чувствовал такой адской ревности. Ревности, которая под кожу въедается, ядом течёт в крови и продирает сердце. А ведь его загрызала именно такая ревность всякий раз, когда она не брала телефон, сбрасывала его звонки, пряталась от него. Мать её, сначала стонала под ним как ненормальная, до крови расцарапала ему спину, прокусила губы, сорвала голос, а теперь она бежит от него. Прячется. Не хочет видеть. Нет, какими-то остатками мозга Артур, конечно, понимал в чём дело. Понимал, что Юлька не такая безбашенная как он. Что она зависит от чужого мнения, ей важно, что говорят её друзья, близкие, родители. Она будет сопротивляться. Ломать себя. Изводить. Только всеми силами постарается оттолкнуть его от себя. Артур всё это знал, правда, в тот день, когда он привёз её к себе на квартиру, когда они весь день как ненормальные занимались дикой любовью, проломили кровать, он думал, что, наконец, получил её. Что она, наконец-то смогла на всё плюнуть. Только, когда он проснулся, открыл глаза и не нашёл её рядом, он словно получил удар под дых. Сбежала. Снова. Артур тогда озверел. Впал в дикую ярость. Тут же поехал к ней домой. Его совершенно не волновало, что он может выдать их обоим, что её родители обо всём догадаются, он ждал объяснений, которых так и не получил. «Она переехала» — это всё, что ему сказала её мама. На вопрос куда переехала, та лишь пожала плечами. Сказала только, что дочь пришла лишь под утро, с порога заявила, что она уже «большая девочка» и больше не хочет сидеть на шее у родителей. После чего Юля сразу собрала вещи и уехала. А куда уехала не сказала. Только Артур в это не поверил. Не поверил, в то, что Юля ничего не объяснила. Мирослава бы никогда не отпустила дочь абы куда. Да и по глазам он видел, что женщина явно нервничает. Видно Юля смогла всё же как-то уговорить свою мать, не рассказывать ему, куда именно она съехала. Только он на этом сдаваться не собирался. Сразу поехал к Полинке, правду ту дома не нашёл. Оказалось, что она с Ломом уже как три дня на даче с его родаками зависает. Тогда Самсонов стал объезжать всех знакомых, у которых могла поселиться его сестра. Но результата это не принесло, как и доскональная проверка постояльцев всех гостиниц в их городе. Юля словно испарилась. И это бесило его до крайности. Артур уже не понимал, что хочет больше: найти её, чтобы объясниться, поговорить, или, чтобы убить ко всем чертям. Убить, за то, что подумала, что она вправе решать всё за них двоих.

— Артур очнись. О чём ты думаешь? Люди уже прибыли.

Шахновский толкнул локтем его в бок, и Самсонову пришлось перевести взгляд на подошедших мужчин. Их было четверо. Все в чёрных фирменных смокингах. С дорогими часами и кольцами. Эдакие крутые ребята. На троих из них Артур даже не обратил внимания. Ясно дело, что шестёрки, которые толком ничего не решают. Хотя Артур тоже по сути та же самая «шестёрка». А вот к четвёртому, самому пожилому из них, с большим уродливым шрамом на левой щеке, парень присмотрелся. Вот значит, кто теперь всю операцию по перевозке товара контролирует. Стало быть, именно с ним Шахновский сегодня попытается наладить контакт.

Артур поочередно пожал руку всем прибывшим мужчинам. Отдельно уделил внимание главному из них, как оказалось его звали Вячеслав Боруцкий или просто Борый, как его в «народе» звали. После приветственных фраз, завязались так называемые переговоры. Пока

только на словах. Шахновский, что-то втюхивал Боруцкому, пытался заинтересовать мужика, а тот в свою очередь внимательно слушал, что-то прикидывал в уме. Артур знал, что сейчас решается очень важное дело для Шахновского. Если удастся договориться, он получит путь к каналу. А стало быть, и бабки рекой поплывут. Переговоры шли относительно недолго. Скорее всего, Шахновский уже встречался ранее с Боруцким, а сегодняшняя встреча — лишь заключительный штрих, который был удачно поставлен. Оставалось только на бумагах всё зафиксировать. И, когда Артур узнал, что документы вот-вот должен принести Волконский, который тоже каким-то боком припёкся к этому делу, у Артура чуть глаза на лоб не полезли. Никак он не ожидал, что придётся снова с этим мужиком встретиться. А главное не просто встретиться, так ещё и руку ему пожать и любезно поприветствовать. А как это сделать? Артур едва сдерживается, чтобы пулю в лоб ему не пустить, а тут стоять рядом и терпеть его присутствие. Как вообще такое возможно? Разве нормальный парень может общаться с мужиком, который спал с его девушкой? Ну, пускай до него, но спал ведь. Стоило Артуру лишь представить, как этот мерзкий старикан прикасался к ЕГО Юле, как у него всё перед глазами меркло. Возникало только одно желание — убить. Закопать к чёртовой матери.

— О, а вот и Борька. Как всегда опоздал почти на час, — усмехнулся Шахновский, а Артур, взяв со стола бокал с шампанским, отвернулся ещё до того, как Волконский подошёл к их столу. Ну не мог он смотреть на этого мужика и при этом отказывать себе в удовольствии раскатать кулак по его роже. — Юленька, какая приятная неожиданность. Чёрт побери, вы бы хоть предупредили, а то так и ослепнуть можно. Красота неземная. Артур, ты почему не сказал, что твоя очаровательная сестра сегодня разбавит нашу мужскую компанию?

Он сам не понял, как резко обернулся и впечатался в НЕЁ взглядом. Прошло не больше секунды, прежде чем послышался треск разбитого стекла. Бокал в его руках треснул. Жидкость разлилась по прозрачному полу, а на пальцах Артура выступили капельки крови. Только он этого даже не почувствовал. Его взгляд был прикован к ладони Волконского, которая лежала на ЕЁ талии и нежно поглаживала обнажённую кожу в довольно большом вырезе. Всего секунду продлилось замешательство. А потом глаза Артура налились кровью. В голове набатом забились одна единственная мысль — убить. Убить к чёртовой матери!

* * *

Я безразлично окидывала взглядом толпу довольно однообразно одетых людей. Все присутствующие держали неизменный бокал шампанского. Скучно. Безумно скучно. Кучки мужчин в дорогих строгих смокингах обсуждают какие-то дела, о чём-то страстно спорят и курят элитные сигары. Их женщины, в запредельно роскошных нарядах, подчёркивающих стройность молодых тел, расположились на белоснежных диванчиках. Из каждого уголка огромного по своим размерам помещения был слышен звонкий залиvistый смех. Мысленно я даже ухмыльнулась этому. Хищницы. Самые настоящие хищницы, для которых этот «банкет» шанс подцепить богатого «папика». Спокойно, не желая выделяться среди окружающих, здесь себя ввели только «дамы в возрасте». Собственно им и незачем строить кому-то глазки. Своё они уже урвали. А вот мне всё сильнее и сильнее хотелось отсюда уйти. Если бы Борис так не настаивал, я бы предпочла вообще никогда больше не появляться на

таких мероприятиях. Не нравилось мне наряжаться, несколько часов возиться перед зеркалом, а потом ещё весь вечер бегать на высоченных шпильках, только для того, чтобы сыграть роль куклы. Красивой притягательной куклы, на которую бы мужчины бросали жаркие взгляды. А ведь Борису только это было и нужно. Он всегда любил похвастаться. Его даже не смущал тот факт, что мы не пара, что я просто работаю в бухгалтерии его компании. До сих пор не могу понять, как я там очутилась. Вроде бы сначала Волконский собирался запихнуть меня в отдел проектировки, а потом сказал, что там сейчас нет свободных мест, и пока он может предложить мне только место помощника главного бухгалтера. А я что? Я согласилась. Во-первых, потому что работа мне была позарез как нужна. Во-вторых, мне сразу выдали аванс, на который я смогла снять квартиру. И, в-третьих, отдел бухгалтерии находился на три этажа ниже кабинета Бориса, что очень сыграло мне на руку. В общей сложности за всё время моей работы в его компании мы пересекались всего пару раз, и к счастью Борис сдержал своё слово, ни разу не предпринял попытку сблизиться со мной. Правда вчера уже в самом конце рабочего дня, когда я собиралась уходить домой, он заявил, что мне придётся сопровождать его на банкет в Гранд отель. Мол, его помощница приболела, и теперь Борису срочно нужна ей замена, которую он, конечно, нашёл во мне. Заручившись его честным словом, я согласилась сопровождать его в этот вечер, правда теперь очень об этом жалела. Хоть Волконский вёл себя сдержанно и предельно учтиво, мне хотелось как можно скорее сбежать отсюда. Почему-то я чувствовала какое-то непонятное волнение. Меня начала пробивать дрожь уже, когда мы подъехали к отелю, а теперь, когда мы оказались в главном зале, я чувствовала, как мною стала овладевать паника. Самое скверное, что я не могла понять, что именно вызвало у меня такую бурную реакцию. Да я не люблю подобные вечера, но ведь раньше я как-то могла со всем этим справляться.

Неожиданно я почувствовала, как мне на талию легла горячая мужская ладонь. Хватило секунды, чтобы понять, кто именно решился на такую дерзость. Только я уже было хотела наплевать на всё и с силой оттолкнуть от себя Бориса, как я в буквальном смысле приросла к полу. Когда я встретилась с ЕГО взглядом, с ЕГО убийственным, продирающим душу взглядом, мне показалось, что я горю, что я уже жарюсь в адском котле. Чёрт. Дьявол. Да какого сейчас всё это происходит? Что он здесь делает?

Мне кто-то, что-то говорил. Рука Бориса продолжала лежать на моей талии. Сам Волконский тесно прижимал меня к себе и что-то шептал мне на ухо, но я ничего не могла понять. Я не могла издать ни одного звука, я не могла пошевелиться, не могла сдвинуться с места. Он раздирал меня одним взглядом. Он рвал меня на части. Зубами рвал моё тело, проникая глубже, под кожу, подбираясь к самому сердцу и вколачивая в него острый клинок. В тот момент, когда Борис провёл ладонью по моей щеке, Артур резко сжал руки в кулаки. Его глаза запылали огненным пламенем. Именно в эту секунду я поняла, что он больше не выдержит, что сейчас он набросится на Волконского. Я тут же высвободилась из рук Бориса и прежде чем быстрым шагом направилась в сторону дамской комнаты, коротко произнесла:

— Простите, мне, что-то не хорошо. Я оставлю вас ненадолго.

Кажется, Борис попытался, что-то ответить, но я его уже не слышала. Забежав в туалет, я ринулась к раковине и включив холодную воду тут же ополоснула пылающее лицо. Чёрт, никогда в жизни я ещё не чувствовала такого напряжения. Какого дьявола сейчас всё это происходит? Кто-то свыше решил сыграть со мной злую шутку? Я устроилась к Борису, чтобы оградиться от Артура, а в итоге получилось наоборот. Теперь он знает, где я работаю. А значит выяснить, где я поселилась, ему не составит труда. И что теперь делать?

Я услышала стремительно приближающиеся шаги ещё за несколько секунд до того, как дверь помещения с грохотом впечаталась в стену, чуть не слетев с петель. Увидев на пороге запыхавшегося, продирающего меня своим убийственным взглядом Артура, я поняла, что это конец.

— Уходи...убирайся сейчас же!

Медленно на подкашивающихся ногах я стала отходить назад, чувствуя, как моё сердце начинает биться всё быстрее и быстрее. Несколько секунд Артур стоял неподвижно, а потом резко поддался вперёд, настигнув меня в два шага.

— Ты бегаешь от меня...Не отвечаешь на звонки, прячешься. А с ним разгуливаешь по банкетам, красуешься перед публикой...Он трахает тебя?

Я замахнулась, чтобы дать ему пощёчину, но он перехватил мою руку и резко завёл назад. Он навис надо мною, вжав в дверцу кабинки. Меня пробивал озноб. Я попыталась вырваться, но он тут же толкнул меня обратно с такой силой, что я больно ударилась головой о дверь. Но сейчас Артуру было на это наплевать. Он смотрел на меня диким нечеловеческим взглядом.

— Он трахает тебя?

— Ты не смеешь так со мной разговаривать...

Прозвучало жалко. На мои глаза выступили слёзы. Я чувствовала, как всё внутри сжимается от безысходности. Я снова с ним. Несмотря на все мои клятвы, я снова прижата к его разгорячённому телу. Снова подыхаю от желания почувствовать его в себе, отдаться ему прямо здесь, в этом чёртовом туалете, куда в любую секунду может кто-нибудь войти.

— Мать твою, ты с ним спишь?!

Он сжал пальцы на моём горле, и я почувствовала шокирующий приступ наслаждения. Мои трусики промокли насквозь. Я была готова кончить прямо сейчас, вот от этой его дерзости, от его наглости, от его непередаваемого контроля над моим телом, над всем моим существом.

— Нет.

Он хрипло застонал и в ту же секунду смял мои губы в безумном диком поцелуе. Я не знаю, что на меня нашло, но уже через мгновение я вцепилась в его волосы, закинула ногу ему на пояс и начала иступленно с дикой жадностью отвечать на его поцелуи. Меня продирала волна дрожи. В голове пульсировала только одна мысль. «Мой. Он только мой. Сейчас он принадлежит мне. Весь. Целиком». Распахнув дверь, он втолкнул меня в кабинку, тут же прижав к стене. Приподняв меня за ягодицы, Артур задрал платье вверх и в считанные секунды разорвал промокшие насквозь трусики. В этот момент я выгнулась дугой, оплела ногами его торс, жалобно застонала, и когда почувствовала, как он ворвался в меня одним сильным толчком, я поломала ногти о его спину, распахнув ноги ещё шире, позволяя ему заполнить меня до упора. Это было больше чем секс. Больше чем любовь. Больше чем страсть и желание. Каждый его толчок был подобен смерти. Самой сладкой и одновременно самой мучительной смерти. Я кусала губы до крови, царапалась, выгибалась в его сильных руках. Мои глаза закатились от острого, граничащего с невыносимой болью наслаждения. Я не могла стонать. Я только мычала сквозь стиснутые зубы, боясь, что вот сейчас кто-то войдёт, услышит...

— Сволочь....Ненавижу. Я ненавижу тебя!

Я зарыдала. Вцепилась ладонями в его плечи и зарыдала, громко, навзрыд. Я чувствовала, что вот-вот меня накроет волна запредельного наслаждения. Вот-вот я потеряю

все ориентиры, снова переступлю ту запретную черту...

— А я люблю...безумно люблю тебя...

Хрипло прошептал мне в шею запыхавшимся голосом, и я почувствовала, как от этих слов меня разорвало на части. Оргазм был сокрушительным убийственным, сметающим всё на своём пути. Он поймал мой крик. Мой дикий вопль. Он жадно выпил его губами, целовал каждую слезинку с моего лица и начал двигаться ещё более жёстко, более резко. Он вколачивал меня в холодную стену, заставлял меня впиваться зубами в его взмокшую кожу, ломать ногти о его спину...Он последовал за мной уже через пару секунд. Уткнувшись лицом мне в шею, Артур хрипло застонал, содрогаясь всем телом, дрожащими ладонями гладя мои волосы, плечи, грудь...

— Прости, прости меня...Я с ума по тебе схожу. Я больше не смогу отпустить...Юлька, ты слышишь? Я больше никогда не смогу тебя отпустить!

Я попыталась отстраниться, и на сей раз Артур позволил мне это сделать. Дрожащими руками я поправила платье, подняла с пола разорванные трусики, и недолго думая выкинула их в мусорное ведро.

— Ты мой брат...И всё, что происходит между нами — мерзко.

— Мерзко? — Артур усмехнулся. Его глаза загорелись яростным пламенем. — А стонать подо мной как ненормальная, а после идти к своему «папику» это не мерзко?

Я дала ему пощёчину. Звонкую сильную, такую, что у него на лице остался след от моей ладони. Взгляд Артура подернулся дымкой гнева. Он непроизвольно сжал руки в кулаки. Сейчас я могла поклясться, что он хочет меня ударить, но сдерживается из последних сил.

— Я твой двоюродный брат. Мы не близкие родственники. И бывало много случаев, когда...

— Прекрати! Перестань, слышишь? — я зажала руки ладонями, резко выбежала из кабинки, подойдя к умывальнику. Меня тошнило. Я чувствовала, что ещё вот-вот и меня вывернет наизнанку. — Уходи. Уходи и больше никогда ко мне не приближайся.

Он прижал меня спиной к своей груди. Зарылся лицом в мои волосы и с жадностью вдохнул в себя их запах.

— Ты врешь самой себя. Ты мучаешь и изводишь нас обоих. Единственное чего ты боишься — это мнения окружающих тебя людей. Ты боишься осуждения родителей, друзей, близкий....А я не боюсь, слышишь? Плевать мне кто и что подумает. Ты помнишь, что я сказал тебе? Я сказал, что люблю. Безумно тебя люблю. Я никому и никогда раньше этого не говорил. Да я раньше никогда ничего такого и не чувствовал...Правильно это или неправильно — мне плевать. Я хочу быть с тобой. Хочу, чтобы ты была моей каждую минуту, каждую секунду. И ты будешь. Меня теперь ничто не остановит. Я не буду смотреть, как к тебе прикасается другой мужчина....Если ты к себе, кого-то подпустишь — я просто тебя убью. Ты моя. Нравится тебе это или нет, но ты моя. И никто не сможет это изменить. Я больше не отпущу тебя. Никогда.

Он развернул меня к себе, за подбородок приподнял мою голову вверх и впился в мои губы. Всего на несколько секунд. На пару мгновений. Словно ставя на мне свою метку. Словно давая понять, что назад пути нет. Он ведь и вправду больше не отпустит. Резко отстранившись, Артур не сказав больше ни слова, вышел за дверь, а я на подкашивающихся ногах развернулась обратно к умывальнику. Посмотрев на своё отражение в зеркале, я невольно усмехнулась. Волосы растрёпанны, платье разорвано, на шее болезненно ноющие следы от его укусов, по бёдрам стекает густое семя...Чёрт, вот дьявол!

Я быстро схватила валяющуюся возле умывальника сумочку и, достав из неё упаковку с противозачаточными, проглотила две таблетки. С тех пор как мы с Артуром... с тех пор как мы вернулась с Бора-Бора, я всегда носила их при себе.

Услышав приближающиеся шаги, я быстро спрятала таблетки обратно в сумку, успев чуть пригладить волосы до того, как дверь резко отворилась. На пороге стоял Борис. Меньше всего я сейчас ожидала его увидеть. Окинув меня мельким взглядом, мужчина усмехнулся.

— А я вот искал тебя, волновался. Ты же сказала, что тебе плохо... но вижу, что сейчас тебе уже значительно лучше, ведь так?

— Борис, что ты здесь делаешь? Это женский туалет.

Мои щёки запылали. Господи, не дай бог, чтобы он догадался...

— Правда? Ну, по-моему, это относится не ко всем, — мужчина опустил насмешливый взгляд на мои ноги, и я поняла, что так и не смыла... следы того, чем мы сейчас занимались с Артуром. Я хотела было, что-то ответить, но Борис резко поднял руку вверх, призвав меня к молчанию. — Не нужно, Юлия. Не оправдывайся. Мы уже не вместе. Ты вольна делать всё, что захочешь. Правда, место выбрано прямо скажем не самое удачное.... А впрочем, это не моё дело. Вот держи.

Борис протянул мне какие-то белые листы и ручку.

— Что это?

— Договор. Пока тебя... хм, не было, мы уже подписали все бумаги. Остался только твой автограф.

— Мой? — я непонимающе уставилась на бумаги. — Но... я так не могу. Мне надо их изучить.

— Хорошо, тогда поехали сейчас со мной в офис. Там сможешь досконально со всем ознакомиться.

В офис? Сейчас? Нет, я скорее застрелюсь, чем сяду с ним в одну машину, и весь вечер проведу с Борисом в одном помещении.

— Нет, я не могу...

— Тогда расписывайся, у меня нет времени ждать.

Дрожащими руками я взяла ручку и поставила свою подпись на нескольких листах, после чего Борис забрал у меня документы и прежде чем выйти, многозначительно усмехнулся:

— Кстати Артур тоже куда-то пропал... Видимо и ему стало плохо.

Когда за мужчиной захлопнулась дверь, я обессилено сползла вниз, закрыв лицо руками. Меня пробивала дрожь. Я чувствовала себя жалкой опустошённой. Я снова не справилась со своими эмоциями. Я снова позволила всему этому произойти. Господи, да почему же я такая слабая? Почему я никогда не могу сказать Артуру «нет»? Почему он имеет такую огромную власть надо мной? Почему вообще всё это происходит?

Столько вопросов и ни одного ответа. Я встала с пола, включила воду и начала приводить себя в порядок. Если сейчас сюда ещё кто-нибудь зайдёт из моих знакомых, это будет катастрофа. На этом банкете есть знакомые моих родителей. Не дай бог, они меня сейчас увидят.

Когда я привела себя в порядок и собиралась через чёрный вход скрыться из здания, мой телефон завибрировал. На дисплее высветился незнакомый номер. Нажав на вызов, я поднесла трубку к уху.

— Здравствуйте. Это Катрин, я представляю компанию Programworld. Вы меня

помните?

Чёрт, Катрин...я ведь так и забыла с ней связаться. Как же сейчас это всё не вовремя.

— Да, конечно я вас помню.

— Юлия, вы обещали, что дадите ответ в ближайшее время, но я так и не дождалась от вас звонка. Скажите, вы отказываетесь?

— Нет...нет, я не отказываюсь...Катрин, дайте мне ещё немного времени, буквально день-два и я сообщу вам своё решение.

— Завтра я приезжаю по делам в ваш город. Скажите, мы могли бы встретиться? У меня есть для вас одно предложение.

— Какое предложение?

— Давайте не по телефону. Вы сможете, завтра подойти к двум часам в тоже кафе, где мы встречались в прошлый раз?

— Да, конечно.

— Отлично. Тогда до завтра.

* * *

— Контракт подписан. Через неделю будем проводить первую партию. Чёрт, наконец-то дела в гору пошли. Так глядишь, совсем скоро выкарабкаемся из этой хрени.

Шахновский вальяжно развалился в кресле, растянув губы в довольной улыбке.

— Вот держи.

Волконский кинул на стол несколько бумаг.

— Попалась птичка? Ещё пару листочков с такими подписями и дело в шляпе. Чёрт подери, а всё начинает налаживаться. Скоро закроем дело. Я, наконец, смогу заткнуть глотку ментам. Ты помиришься со своей Марией. Слушай, давай по такому поводу вискаря хряпнем?

— Давай. Тем более что у меня есть ещё одна интересная информация.

— Какая?

— Помнишь, ты говорил, что чувствуешь, что между Артуром и Юлей, что-то происходит? Так вот я, кажется, понял, что именно.

* * *

Пока такси медленно пробиралось сквозь тягучую пробку, я всё ещё продолжала рыскать в интернете в поисках информации о Сэфринге. Вчера весь вечер и половину ночи на это убила и надо сказать совсем не жалела об этом. Пока я списывалась с бывшими однокурсниками, которые сейчас работают в Programworld, и бродила по интернету в поисках информации об этой компании, мне почти удалось избавиться от мыслей об Артуре. О том, что произошло на вчерашнем банкете, напоминали только мои искусанные губы и синяки по всему телу, которые ещё как минимум несколько недель будут красоваться на нём. Но меня беспокоило совсем не это. Я смогла заснуть только к десяти часам утра из-за того, что боялась, что снова дам слабину. Если Артур вновь попытается ко мне приблизиться, а что-то мне подсказывало, что теперь он просто не даст мне прохода, я не

смогу сказать ему «нет». Я не смогу бороться с ним, даже не потому, что он физически сильнее, а потому, что моё тело, мой разум, каждое биение моего сердца подчиненно ему. Он владеет мной безраздельно, и сопротивляться этому пока мы так близко друг к другу просто бесполезно. Именно поэтому я приняла решение, что уеду. Если всё ещё в силе и ничего не изменится, я вернусь обратно в Норвегию. Так будет лучше для всех. Для моих родителей, у которых всё опять не слава богу. Мамина беременность протекает очень тяжело и практически каждый день она с папой ездит в больницу, врачи даже предлагали сделать аборт, но мои родители категорически от этого отказались. Самым тяжёлым, лично для меня, стал папин взгляд, который с каждым днём всё мрачнел и мрачнел. Он так хочет этого ребёнка, уже всю квартиру игрушками завалил, не знаю, что с ним будет, если случится выкидыш. Да и мама далеко не сияет. Хотя она и не так одержима этой беременностью, я по глазам вижу, что она также сильно желает рождения малыша. Наверное, именно поэтому мне нужно уехать. Если я останусь и не смогу оборвать отношений с Артуром рано или поздно всё всплывёт и это станет только лишней головной болью для родителей. Кроме того мой отъезд будет лучшим выходом и для нас с Артуром. Да, первое время будет тяжело, возможно я даже силком буду держать себя в Норвегии, но так лучше. Когда-нибудь это всё равно должно закончиться и чем раньше, тем лучше. Жаль только, что Артур этого не понимает. Наверное, он будет ненавидеть меня, когда узнает об отъезде... Ну и пусть. Пусть ненавидит, пусть презирает меня за трусость, но по-другому я не могу. Если сбежать единственный выход, чтобы не поддаться соблазну — то я сбегу. Кроме того, поработать с норвежской прибыльной компании большой плюс для моей дальнейшей карьеры. Если верить тому, что написано на различных сайтах и непосредственно откликам моих бывших однокурсников, то выходит, что дело и вправду стоящее. Никакой нормальный человек на моём месте не стал бы отказывать. Да и глупо это — без уважительной причины отклонять такое предложение. Только на душе всё равно скверно... Что ждёт меня в этой Норвегии помимо работы? Ни одного близкого человека, и ОН тоже будет далеко... Я даже усмехнулась таким мыслям. Вот это ирония моей непростой судьбинки. Второй раз я сбегаю в Норвегию из-за мужчины. Только, в первый, я убегала, чтобы оправиться от не сложившегося романа, а во второй, чтобы этот роман никогда и никак не сложился.

Когда машина остановилась возле ресторана, я расплатилась с таксистом и выпорхнула наружу. Погода на улицы была скверная. Ещё минут сорок назад ничего нельзя было увидеть из-за ужасного тумана, а по машине колотили крупные капли проливного дождя. К счастью, когда я шла до ресторана, тучки немного разошлись, и дождя уже не было.

Я опоздала на десять с лишним минут. Но Катрин, похоже, это несколько не беспокоило. Когда девушка увидела меня, она широко улыбнулась, кивнув на кресло за её столиком. А я ещё раз мысленно восхитилась тем, насколько потрясающе она выглядит. Ей ведь почти уже двадцать восемь стукнуло, а с первого взгляда совершенно нельзя понять, что она меня старше. Такая стройная, такая утончённая, такая ухоженная, просто потрясающая девушка! Нечего даже удивляться, что она уже девять лет как замужем, да ещё и за каким-то крупным предпринимателем. Хотя по её просто потрясающей фигуре никак не скажешь, что она уже растит двоих детей. Обо всём этом я узнала из форума компании, в которой я, возможно, скоро буду работать. Хотя это, наверное, зависит от сегодняшней встречи.

— Здравствуйте, Юлия! Очень рада вас снова видеть. Надеюсь, вы не против, что я уже кое-что заказала нам?

Девушка кивнула на несколько блюд, аппетитно красующихся на нашем столике, а я

ещё раз подметила, что у неё превосходный английский. Совсем не чувствуется акцент.

— Здравствуйте, взаимно. Нет, что вы, совсем не против. Всё выглядит просто потрясающе.

Несколько минут мы с Катрин или просто Катей (как она разрешила мне себя называть) мило общались на совсем посторонние темы. Надо сказать, что эта девушка оказалась просто потрясающим собеседником. Мне было очень интересно слушать о её увлекательной жизни, оказалось, что она побывала уже более чем в пятнадцать странах, кроме того, она даже немного рассказала мне о своих детишках, которые в последнее время превратились в маленьких монстров и постоянно пытаются нагадить друг другу. Правда, после этих слов мне стало как-то не по себе. Когда-то и мы с Артуром были такими же... Настоящими братом и сестрой.

— Юлия, если вы не против, то я, пожалуй, перейду к делу. Скажите, вы подумали о нашем предложении? У вас есть ответ?

— Да, — изо всех сил я постаралась скрыть дрожь в голосе и немного успокоиться. Мысленно я пыталась убедить себя, что всё делаю правильно, что так нужно. — Я согласна.

— Это просто замечательно! Я очень рада! По такому поводу можно даже шампанское пригубить...

— Катя, погодите, — закусив нижнюю губу, я перевела взгляд на завибрировавший телефон и сбросила вызов. От Артура. — Вы вчера сказали, что у вас есть для меня какое-то предложение?

Девушка улыбнулась, достав какие-то бумаги из своей сумочки.

— Вот, это ещё один договор его необходимо подписать, чтобы устроиться на работу. Ознакомьтесь с ним и если у вас возникнут какие-то вопросы, сразу наберите мой номер, — дождавшись, пока я уберу папку в свою сумочку, девушка продолжила. — А теперь, что касается нашего вчерашнего разговора. У нас к вам действительно есть ещё одно предложение. Не буду скрывать, сначала мы рассматривали другую кандидатуру, уже даже почти подписали бумаги, но в последний момент всё сорвалось. Именно поэтому нам надо срочно найти замену этому человеку. У нас есть заказ от одной очень крупной компании, которая уже несколько лет сотрудничает с Programworld. Собственно ничего сложно делать не придётся. Разработать кое-какие программы и всё в этом духе. Но это нужно сделать в кратчайшие сроки. Заказчик не может долго ждать. Скажите, вы могли бы не много пересмотреть условия договора и вылететь в Норвегию не через пару месяцев, как это сначала планировалось, а буквально уже на следующей неделе?

* * *

— Как это ты уезжаешь? Ты, что с ума сошёл? Врач ведь сказал...

— Что мне осталось не больше двух месяцев, я помню. Анна, успокойся, — мужчина потушил сигарету о пепельницу, переведя совершенно спокойный и равнодушный взгляд на заплаканную жену. — И я хочу провести это время со своей дочерью, которую не видел ни разу в жизни.

— Вот именно, ты не видел её ни разу в жизни, зато готов провести с ней последние... Может, ты её ещё в завещание впишешь?

— Уже вписал.

Невозмутимо ответил Руслан, пропустив мимо ушей вопль жены.

— Да ты... Ты совсем умом тронулся? Кто такая эта девчонка, чтобы ты...

— Она моя дочь и имеет такое же право на моё состояние, как и ты, и Катя. И она его получит. Я поровну поделю свои деньги и всё имущество между вами тремя. И это не обсуждается, как и то, что завтра же я уезжаю. Последние свои дни, я хочу провести со своей дочерью. И, между прочим, я совсем не запрещаю тебе лететь вместе со мной.

— Чтобы лицезреть эту наглую девчонку? Ты думаешь, я не знаю, почему ты так о ней заботишься? Почему ты постоянно высылал этой девчонке дорожные подарки, бережно хранишь в ящике стола её фотографии? Да ты до сих пор сохнешь от любви к её матери, и это притом, что мы уже двенадцать лет женаты!

— Я от тебя ничего никогда не скрывал, — спокойно отозвался мужчина. — Когда мы женились, ты знала, что я люблю другую женщину. И сейчас ничего не изменилось. Да я действительно люблю её мать, но всё, что с ней связано уже в прошлом. Я просто хочу напоследок увидеть свою дочь. И никто мне в этом не мешает.

* * *

Когда я ехала на встречу с Катей, меня пробиравало лёгкое волнение. Когда я возвращалась со встречи, я даже не могла разобрать слов, которые мне говорил таксист. В голове пульсировала только одна мысль — что делать?! Вчера я морально настраивалась на скорый переезд, на полное изменение всей жизни, но я даже не думала, что мне надо будет паковать вещи уже буквально на днях! Катя сказала, что самый наилучший вариант — вылететь в Консберг уже послезавтра. Максимум времени, которое мне отвели на раздумье — до конца следующей недели. Но чёрт подери, это слишком мало! Мне ведь ещё надо подготовить родителей, убедить их, что мне необходима эта работа, что ничего страшного в ней нет, что в рабство меня не продадут, что я жила в Консберге уже два года и знаю этот город. Кроме того мне ещё надо уладить все дела с Борисом. Не могу же я вот так завтра притащиться к нему и сказать — я увольняюсь, пиши мне положительную характеристику. Мне ещё нужно закончить кое-какие дела, разобраться с бумаги, подготовить всё к переезду...и попрощаться с Артуром. Да, наверное, это всё же нужно сделать. Нет, я не собираюсь встречаться с ним лично. На это у меня просто не хватит смелости. Я не смогу глядя ему в глаза сказать, что мы больше никогда не увидимся, точнее, увидимся, но уже очень не скоро и возможно к тому времени мы оба станем совершенно другими людьми. Да Артур просто не позволит мне этого сделать. Он лучше к чертям прибьет меня, чем отпустит в другую страну. Поэтому я решила отправить ему письмо. Я напишу ему на электронную почту за несколько часов до вылета. Раньше нельзя, иначе он просто разбомбит все аэропорты. Да, это, наверное, жестоко так с ним поступать, но возможно, когда-то он сам скажет мне спасибо....куда нас может завести это безумие? Какие последствия могут произойти? Лучше не доводить до греха....хотя грех-то уже давно произошёл, сейчас важно не усугублять ситуацию.

Расплатившись с таксистом, я вышла из машины и тут же застыла на месте. Артур стоял в паре шагов от меня, с букетом ярко красных роз. Он улыбался. Как-то рассеяно, словно извиняясь за что-то и при этом с какой-то мальчишеской задорностью. Именно в это мгновение я поняла, что надо соглашаться на предложение Кати. Нужно уже сегодня

собирать вещи и послезавтра улететь из этого города. Тянуть нельзя. Артур больше не отступится. Он вычислил мой адрес, наверняка для этого ему пришлось следить за мной. Он откуда-то достал мой номер, который мне, по всей видимости, снова придётся менять. Он больше не даст мне передышки. Я было больше чем уверена, что теперь каждый день я буду видеть его у своего подъезда, мой телефон будет разрываться от тысячи звонков, каждую секунду я буду под надзором. И тогда Артур точно не даст мне уехать. Если не поспешить — всё разрушится. Я ведь снова поломаю себя. Снова окажусь в его власти. Снова не смогу сказать ему «нет».

Приблизившись к нему, я несколько секунд неотрывно смотрела в его глаза, а потом, взяв его за руку, сказала только одно слово:

— Пойдём.

Он был удивлён. Нет, он прибывал в настоящем шоке. Артур явно не рассчитывал, что всё будет так просто, что я сдамся без боя. Только я не сдалась. Наверное, первый раз в жизни я выиграла. А сегодняшняя ночь — трофеем, мой выданный кусочек любви. Неправильной грязной аморальной, но всё же любви.

Я знала, что поступаю как последняя тварь. Когда он на руках занёс меня в квартиру, пронёс в спальню, положил на кровать и начал медленно снимать с меня одежду, при этом покрывая моё лицо нежными поцелуями, я знала, что всё это происходит в последний раз. Больше такого не будет. Никогда. Наверное, именно поэтому, сегодня я отдала ему себя всецело, без остатка. Я позволила себе задыхаться от страсти. Я позволила ему брать меня, в самом примитивном смысле этого слова. Причём брать, не так, как он дел это все прошлые разы, а по-особенному, с долей жёсткой нежности, грубо, дико и одновременно с этой сладостной остротой. В тот день, я не просто брала, тот океан удовольствия, который дарил мне Артур, я с той же дикой страстью, с тем же безумием дарила ему наслаждение. Я иступленно целовала его лицо. Вжималась в его тело своим. Расцарапывала ему спину до кровавых узоров, я с каким-то животным остервенением выпивала его хриплые стоны, больше походящие на рычание. В этот раз мы, пожалуй, впервые занимались любовью. Именно любовью. Безумной яростной, с кипящим водоворотом страсти и неконтролируемого желания. Когда я, наконец, услышала его победный рык, почувствовала, как обмякло его сильное поджарое тело, которое блестело от пота, я уже, наверное, потеряла рассудок. Я совершенно ничего не соображала. Я просто дрожащими губами целовала его глаза, скулы, подбородок и едва сдерживала, продирающие душу рыдания. Правда, моего титанического усилия хватило ненадолго. Когда он уснул, я натянула на своё истерзанное тело одежду, на цыпочках собрала все самые необходимые вещи и документы, а после вышла из квартиры и всё-таки разрыдалась. Наверное, около часа я просто сидела на лестничной клетке и глотала слёзы, вцепившись зубами в свою руку. Я пыталась убедить себя, что всё происходит, так как и должно быть. Что я всё делаю правильно.... Но разве сердцу это можно объяснить? Оно не слушает доводы разума, не взирает ни на какие препятствия, оно кровоточит, оно разрывается на части и умоляет вернуться. Вернуться в квартиру, в кровать... вернуться к нему. Но вместо этого я заставила себя успокоиться, набрала номер Кати и сразу после того как девушка ответила на звонок, сообщила, что я хочу улететь в Норвегию как можно скорее.

В аэропорте меня провожала только Полина. Родители не смогли приехать. На сегодня у них был запланирован визит к врачу, и как бы мама не наставила, отец всё-таки не

разрешил ей его пропустить. Да и нужно признаться, что я не сказала им всей правды. Точнее мне пришлось кое-что скрыть. Например, чтобы лишний раз не волновать родителей, мне пришлось сказать, что от своего бывшего института я еду на своего рода практику, которая продлится не больше двух месяцев. Хотя возможно, это действительно так. Ведь кто знает, как я приживусь в чужой стране? Одно дело институт, из стен которого я практически не вылазила, а совсем другое работа. Может быть, мне и правда придётся вернуться раньше срока.

Как не удивительно, уладить отношения с Борисом мне тоже удалось достаточно легко. Я подписала какие-то необходимые, как сказал Волконский бумаги, а после он написал мне характеристику. Хорошую, можно сказать даже отличную характеристику. Ко всему прочему мне ещё и зарплату выплатили, хотя я не отработала назначенного срока. Отказываться от денег я не стала. Сейчас они как раз были мне необходимы. Хотя я всё-таки очень удивилась такому поведению Бориса. Сначала прохода мне не давал, всё пытался наладить отношения, а потом резко охладел и так легко отпустил. Вероятно, появилась новая пассия. Что ж, так даже лучше. Только с ним мне сейчас проблем не хватало. Я не знала, куда мне деться от постоянно разрывающегося телефона. Я даже не смотрела на дисплей, итак зная, чей номер там высвечивается. Сначала я просто сбрасывала вызовы, а потом добавила Артура в чёрный список. На эти три дня я поселилась в каком-то богом забытом хостеле, где Артуру не удалось меня найти. Да, наверное, то, как я поступала было слишком жестоко, но лучше разорвать всё сейчас...потом может быть слишком больно. Хотя кого я обманываю? И сейчас больно. Дико. Безумно. Иногда просто на луну выть хочется. Но надо терпеть. Скоро это всё закончится. И для меня и для него.

— Юль, ну может, ты всё-таки объяснишь, что происходит? К чему такая спешка? Может, что-то случилось?

У Полины был тревожный взгляд. Подруга явно не понимала, что происходит, а я ничего не могла объяснить. Первый раз между нами возникла тайна. Раньше мы всегда всем делились друг с другом, но теперь...Разве я могла рассказать ей обо всё, что натворила?

— Полин, всё нормально, правда. Просто это очень выгодное для меня предложение. Согласись работать в Норвежской компании куда лучше, чем протирать пятую точку в офисе Волконского?

— Нет, ну так-то оно так, но мне почему-то кажется, что ты, что-то от меня скрываешь. В прошлый раз ты сбегала в Норвегию от мужчины...скажи, история повторяется? У тебя опять, что-то было с Волконским?

В этот момент к нам подошла Катя и сказала, что уже нужно проходить паспортный контроль.

— Нет Полин, клянусь Волконский здесь не причём. Прости, нам сейчас вряд ли удастся поболтать. Я позвоню тебе, как только прибуду на место.

— Обещаешь?

— Ну, конечно. Ты же подруженька всей моей жизни суровой!

Сейчас мне едва удалось сдержать слёзы. Было тяжело опять расставаться с Полиной. Это один из самых дорогих людей в моей жизни. Мы с пелёнок вместе, Поляндра знает про меня всё...ну или почти всё.

Наконец, выпустив меня из крепких объятий, подруга, едва сдерживая слёзы, тихо произнесла:

— Я люблю тебя, Юляшка. Обещая звонить каждый день?

— Да куда уж я от тебя денусь? Конечно, обещаю!

Перелёт меня сильно утомил. Я проспала практически всю дорогу, хотя, наверное, это было и к лучшему. Сейчас я была в таком убитом состоянии, что, наверное, прибывая я в бодрствование, мне бы всё же не удалось сдержать слёз. Такой раздавленной я себя ещё никогда не чувствовала. Сбежала. Трусливо сбежала как настоящая крыса. Даже не смогла с ним объясниться. Только выслала короткое письмо на почту, когда уже начался взлёт. Наверное, он теперь станет меня ненавидеть, презирать... Артур всегда презирал трусость. Наверное, теперь мне, наконец, удалось поставить точку во всей этой неразберихе. Это хорошо. Это замечательно, чёрт возьми, только вместо того, чтобы святиться от счастья, почему-то плакать хочется. И не просто плакать, а рыдать, захлёбываться слезами в полном одиночестве.

Пока мы «вылавливали» свои чемоданы, а после проходили паспортный контроль, Катя сказала, что возле аэропорта нас уже ждёт машина. Встречать нас приехал тот самый заказчик, из-за которого развернулась вся эта спешка. Вероятно, работой меня завалят выше крыши. Хотя это к лучшему. Чем больше я буду загружена, тем меньше времени у меня останется, чтобы думать, о чём-то постороннем...

С погодой нам не повезло. Дул сильный ветер и шёл проливной дождь. К счастью промокнуть мы не успели. Мужчина, который должен был нас встретить, прибыл как нельзя вовремя. Выйдя из машины он приобнял Катю и что-то сказал ей, по всей видимости на немецком. А потом он перевёл взгляд на меня. Я даже немного засмушалась от этого самого взгляда. Почему-то мне показалось, что он был каким-то взволнованным, чересчур взволнованным...

— Здравствуйте, Юлия. Очень давно хотел с вами познакомиться!

* * *

— Что значит она уехала?!

Сжав руки в кулаки, Артур резко подскочил с места.

— Не кричи, ты Ритулю разбудишь, — молодая женщина положила ладонь на разгорячённый лоб тревожно ворочающейся в кровати дочки. — Сегодня утром Юля улетела в Норвегию. Насколько я знаю, ей предложили работу в компании, которая как-то связана с институтом, где она училась. И что тебя удивляет? Юля способная талантливая девочка. Было бы странно с её умом и образованием устроиться работать в какую-нибудь конторку в нашем городе. А ты бы лучше вместо того, чтобы по кабакам шляться и водиться в непонятных компаниях брал пример с младшей сестры.

— Если ты знала, что она уезжает, почему не сказала мне? — сквозь сжатые зубы процедил Артур, стараясь не обращать внимания на последние слова матери, которые пришлись особенно болезненно.

— Ты не спрашивал, вот и не говорила. Да я и сама узнала совсем недавно. Юля всего пару дней назад рассказала родителям об отъезде. И вообще, если бы ты чаще появлялся дома, ты бы был в курсе всех событий. Кстати, почему тебя так волнует её отъезд? Что между вами происходит в последнее время? Что-то я не помню, чтобы раньше ты интересовался жизнью своей сестры. Намного важнее для тебя были твои пацаны, вечно

шатающиеся по каким-то мутным заведениям.

— В какую компанию она устроилась? Куда именно она уехала?

Артур проигнорировал вопросы матери, как и её удивленно расширившиеся глаза. Сейчас ему было наплевать, что его поведение может казаться каким-то подозрительным. Более того, он до безумия хотел скинуть все эти маски. Сколько можно всё скрывать? Он не собирался вечно прятаться по углам и Юле этого сделать не позволит. Она уехала? Что ж прекрасно. Видимо та ночь была занавесом. Она решила поставить точку, причём большую и очень жирную. А ему об этом сообщить она не сочла нужным? Или может она подумала, что короткого смс в стиле «прости, у нас ничего не получится» будет достаточным? Нет, он не собирался сдаваться. Она думала, что спряталась от него в этой своей Норвегии? Чепуха, он найдёт её даже, если она будет на другом конце земли! И он больше не даст ей уйти. Только не теперь.

— Мира говорила, что Юля уехала в тот же город, в котором и училась — Консберг. Компания называется Programworld. Только зачем тебе всё это? Разве вы общаетесь с Юлей?

— А ещё, что-нибудь знаешь? Адрес гостиницы, в которой она поселилась или номер её телефона? Как я понял, она его сменила.

Несколько минут Оксана молчала, не сводя тревожного взгляда с сына. Женщину начали одолевать не самые радужные мысли, но озвучить их в слух, она всё же не решилась.

— Артур, что случилось? Почему ты такой нервный?

— У тебя есть её номер телефона?

Всё-таки не выдержав, Самсонов опустил взгляд в пол. Да уж, а он наивно думал, что всё будет легко. Когда наступит время раскрывать карты, а в том, что оно наступит, Артур даже не сомневался, ему похоже придётся изрядно покраснеть перед матерью. Но только перед ней. На мнение остальных Артуру было глубоко наплевать.

— Насколько я знаю, номера она не меняла. По крайней мере я разговаривала с ней только вчера вечером.

Мысленно Артур усмехнулся. Выходит она добавила его в чёрный список. Очень хорошо. Это ещё больше подстёгивает найти эту пугливую беглянку. И он найдёт. Пусть она хоть запрётся в подвале какого-нибудь заброшенного дома, он всё равно найдёт её и больше не даст уйти.

Попрощавшись с мамой, которая так и норовила хоть, что-нибудь выпытать из него под тяжестью своего взгляда, Артур выскочил из квартиры. Как только парень оказался на улице, он сразу же зашёл в интернет и узнал, когда будет следующий рейс до Консберга. У него в запасе было ещё три дня. Как раз достаточно, чтобы уладить все проблемы с Шахновским. Только он подумал о Главном, как на дисплее его мобильного высветился его номер.

— Артур, мне нужно, чтобы ты срочно подъехал к нам в офис.

— К чему такая спешка, у меня ведь сегодня вроде выходной?

— Я думаю, что его лучше отменить. Дело важное и оно касается твоей сестры.

— Моей сестры... Что произошло?

Артур почувствовал, как по телу прошла нервная дрожь. Ему совсем не нравился голос Шахновского и то, что он завёл разговор о Юле.

— Вляпалась она, в такое дерьмо вляпалась, что хрен её оттуда теперь вытащишь. Так что подъезжай в офис как можно скорее, если тебя, конечно, волнует судьба твоей Юльки.

— Ну, любимый, ну пожалуйста, ещё один бокальчик...

— Никакого бокальчика! Итак, всю бутылку выдула.

Перекинув беспрерывно икающую Полину через плечо, Лом занёс девушку в спальню и аккуратно уложил на кровать.

— Ну, Олежа...

— Перестань клянчить. Видели бы сейчас тебя твои родители! Даже я так никогда не напивался.

Матерясь сквозь стиснутые зубы, Олег пытался вынуть хохочущую Полину из платья.

— Ой, да ладно, Юлька рассказывала как вы с Артуром однажды так нахрюкались, что вас полиция из фонтана вылавливала.

— Это было, чёрт знает когда. А ты моя дорогая на Юлю не ссылайся, она в отличие от некоторых тайком от своего парня шампанское в туалете не хлещет, а потом не танцует на барной стойке.

Наконец сняв платье со своей девушки, Олег с трудом смог запихнуть её под одеяло.

— Ну, во-первых, у Юли нет парня, а во-вторых, с кем поведёшься от того и наберёшься. Тебе значит, можно было на моём день рождения...

— Всё Полинка, стихи и запомни на будущее, если ещё, хоть раз нахрюкаешься до такого состояния, я тебя ни домой притащу, а напрямик к твоим родителям. А-то они всё думают, что я не пара их тихой домашней девочке. Пусть потом посмотрят, что мы идеально друг другу подходим. Кстати, насчёт того с кем поведёшься, Юля и Артур между прочим брат и сестра, кровными узами связаны, а в отличие от Самсонова у твоей подруги всегда была голова на плечах. Так что не надо мне тут искать оправдания. Ясно тебе алкоголичка?

— Сам ты алкоголик! И вообще никакая Юля не сестра твоему дружку...

Внезапно Полина замолчала и испуганно распахнула глаза. В один миг девушка вышла из пьяного бреда.

— Что ты сейчас сказала?

Глаза Олега удивлённо расширились. Теперь он не сводил испытующего взгляда с вмиг протрезвевшей девушки.

— Ничего...Любимый, я чего-то спать захотела...

— Полина, не прикидывайся! Что ты сейчас сказала?

— Да ничего я не сказала...дай поспать!

Лом сжал пальцы на запястьях своей девушки с такой силой, что та испуганно вскрикнула и попыталась соскочить с кровати, но Олег не дал ей этого сделать.

— Полина, сказала «а» говори «б».

Несколько минут девушка молчала, испуганно смотря на нависшего над нею Олега. А потом не выдержала и всё-таки сдалась.

— Ладно, только это секрет. Пообещай, что не расскажешь!

— Не расскажу.

— Пообещай!

— Говори уже!

— ...Ну, я давно об этом узнала. Уже лет шесть назад. Ты ведь знаешь, что моя мама дружит с мамой Юли? Так вот я как-то их разговор случайно подслушала...в общем, Юлин

отец...он ей неродной. Только не спрашивай об этом. Я сама толком ничего не поняла. Вроде как её мама очень давно изменила её отцу...ну по крайней мере я так поняла, когда случайно разговор подслушала. Вот и получается, что Юля и Артур вовсе не брат и сестра. Только ты никому об этом не рассказывай! Я маме слово дала, что не проболтаюсь!

Отпустив девушку, Олег встал с кровати, всё ещё находясь под впечатлением от того, что услышал.

— Олег, поклянись, что ты ничего не расскажешь Артуру!

— Ложись спать.

— Олег...

— Спи, я сказал!

Выйдя из комнаты, Лом спустился на первый этаж и, убедившись, что Полинка по обыкновению не подслушивает где-нибудь за дверью, набрал номер Самсонова.

— Привет, это я. Ты сейчас где? А, что от тебя Шахновскому надо? Слушай, чего ты сразу орёшь, спросить, что ли нельзя? Мне, что надо? Ну, зная последние подробности твоей личной жизни, я бы сказал, что этот разговор нужен больше тебе. Нет, по телефону вряд ли получится. Артур это не пятиминутный разговор! Хорошо, хочешь в общих чертах, обрисую в общих. Вы с Юлей не брат и сестра. Алло Артур, ты чего молчишь, в столб, что врезался? Мать твою, теперь орёшь как резаный баран, поспокойней нельзя? Информация достоверная, хоть и из пьяных уст...Ну, я же говорю, что по телефону не получится. Давай в кафе на Арбате через два часа. Если Шахновский задержит, смс-кой скинь, когда мне подъехать. Лады, тогда до встречи.

* * *

Салон автомобиля окутал запах табака. Нервно постукивая пальцами по рулю, Артур едва сдерживался, чтобы не свернуть на первом попавшемся перекрёстке. Его раздирало желание вытрясти всё из Олега. Чёрт, если окажется, что все его слова один пустой звук, он раскромсает этого ублюдка на части. А ведь вероятность того, что Лом решил просто прикальнуться, была слишком велика. Несколько дней назад Артур имел неосторожность взболтнуть в присутствии Олега об отношениях с Юлей. Это случилось как раз в тот вечер, когда девушка заблокировала его номер и сделала всё, чтобы он её не нашёл. После десяти часов безрезультатных поисков, Артур приехал в кабак, где и встретился с Ломом. Они тогда так нажрались, что под утро он уже буквально полз до своего дома. Вот так и случилось, что в пьяном бреду, Артур взболтнул о Юльке. И сейчас Бунтарь больше всего боялся, что Лом захотел просто постебаться над ним. Если это так, то Олегу осталось жить считанные часы. Наверняка сам того не понимая он коснулся слишком большой для Самсонова темы. С такими вещами просто нельзя шутить. Это то же самое, что скрывать диагноз от неизлечимо больного человека. «Вы с Юлей не брат и сестра» — эти слова до сих пор звучали в голове у Артура. Как такое может быть? Разве несбыточные мечты могут осуществляться? Сколько раз Бунтарь подыхал от желания отделать от этих чёртовых кровных уз, но он также понимал, что это просто невозможно. Юля дочь брата его отца. Они родные. Пускай и не так близко, но всё же они двоюродные брат и сестра. Артур отдавал себе в этом отчёт. Более того он смирился, что его чувства далеки от родственных, что он до боли желает Юлю. Ему даже удалось мысленно отделаться от слова «сестра». Ко всему прочему он и не

воспринимал её как сестру. Его влекло к ней как к девушке, как к самой желанной на земле девушке. Он любил в ней всё. Её чудесные, просто сказочные глаза. Её милую, но в нужные моменты очень коварную улыбку. Её просто нереальный запах, от которого у него крыша едет капитально. Никогда раньше Артур не испытывал ничего подобного. У него всегда было много девок. И всегда он считал их лишь средством получения физического удовольствия. Но Юля... почему на него нахлынул этот шквал эмоция именно с ней? Почему он не свихнулся так по любой другой девчонке? Почему именно она? Столько вопросов, на которые он так и не мог найти ответов. Точнее нет, теперь, если чёрт подери, всё это не окажется простым разводом, ему уже не нужны будут эти ответы, потому что вопросы испарятся сами собой. Правда появятся другие, но всё это будет уже неважно.

Остановив машину возле офиса Шахновского, Артур всё же смог отделаться от посторонних мыслей и выйти из машины. Парня подстёгивало желание как можно скорее разобраться со стариком и ехать на встречу с Олегом, но он также понимал, что судя по всему, разговор предстоит серьёзный. Что там говорил Шахновский по поводу Юли? В какие неприятности опять вляпалась эта девчонка? И почему он должен узнать о них именно от Главного?

Постучавшись, Артур вошёл в кабинет и на несколько секунд застыл на пороге. Помимо Шахновского в кабинете был ещё один мужчина. Мужчина, которому Артуру до скрежета в зубах хотелось начистить морду. Развалившись в кресле, Волконский курил сигарету и, посмеиваясь, смотрел на Артура. Огромным усилием воли Бунтарю удалось сдержаться и не стереть наглую ухмылку с лица этого ублюдка своим кулаком.

— Ну и долго ты так будешь стоять? Может, всё-таки войдёшь в кабинет?

Голос Шахновского моментально вывел Артура из транса. Стараясь не обращать внимания на присутствие Волконского, Бунтарь прошёл к столу и, дождавшись разрешения, сел в кресло. Артур ждал объяснений. Ему совершенно не нравилась та напрягающая тишина, которая повисла в кабинете. Всё больше разгоралось предчувствие, что ничего хорошего от этой встречи ему ждать не стоит. Наконец не выдержав, Артур заговорил первым.

— Вы хотели меня видеть. Как я понял, разговор будет о моей сестре?

— Да Артур, о ней, — голос Шахновского не понравился Артуру. Он чувствовал, что старик затеял какую-то подлянку. — Прежде чем, что-либо сказать, тебе стоит посмотреть эти бумаги. Сразу предупреждаю, что это копии.

Шахновский протянул Артуру какую-то папку. Несколько минут Бунтарь пытался разобраться, что за документы ему только что всунули. Он вчитывался в каждый листок, но особо так ничего и не смог понять. Правда последняя бумага не только смогла хоть как-то пролить свет, с какой целью Шахновский пригласил его в офис, она ещё и заставила Артура захлебнуться приступом глухой ярости.

— Это, что за чертовщина? Какое к чёрту заявление?!

— Успокойся и перестань орать. Хочешь, чтобы каждая муха была в курсе всех событий? — жёстко отрезал Шахновский, видимо думая, что это как-то усмирит Артура, но он ошибался. Сжимая в руках листок бумаги, Бунтарь едва сдерживался, чтобы не разнести весь офис в щепки. — Это заявление, поступило от гражданина Волконского, который собственно сейчас сидит с нами в этом кабинете. Как я вижу, ты Бунтарь так ничего и не понял из тех бумаг, что я тебе дал. Тогда мне придётся самому всё разъяснить. Согласно этим документом твоя сестра занималась мошенничеством. Причём мошенничеством в

особо крупных размерах. За то недолгое время, что она проработала в компании у Бориса Николаевича, ей удалось провернуть пару крупных махинаций, которые вылились фирме гражданина Волконского в три с половиной миллиона рублей. Когда всё начало проясняться, девушка поспешно написала заявление об уходе и скрылась за границей. Артур, я надеюсь, ты понимаешь, чем это всё грозит твоей Юлии? Если Борис Николаевич подаст на неё заявление, твоей сестре светит до десяти лет лишения свободы. Благодаря многим документам, доказать её вину будет несложно. Но пока это заявление ещё никуда не отправлялось, оно спокойно пылится у меня в папке. И будет там и дальше пылиться, мы ведь не звери, всё понимаем, каждый совершает ошибки. Правда, за все ошибки надо платить. Но так как ты Артур не чужой мне человек, я счёл своим долгом помочь тебе. Все бумаги, подтверждающие махинации твоей сестры, можно будет спокойно уничтожить в обмен на твою маленькую услугу.

Две недели спустя

Внимательно просмотрев каждую бумагу, я уверенно вышла из автомобиля. Завидев у входа в парк улыбающегося мне Руслана, я направилась в сторону мужчины. Сердце болезненно защемило, когда перед глазами всплыли картинки вчерашнего вечера. Руслан как обычно заехал к нам в офис, и я начала рассказывать ему о том, что разработка программы уже почти закончена, как вдруг мужчина резко схватился за сердце, а через пару секунд упал на пол. Я чуть с ума не сошла, пока ехала скорая. Мне было ужасно страшно. Ни разу, за всё время нашего знакомства у меня даже мысль не промелькнула, что у Руслана могли быть какие-то проблемы со здоровьем. Да и откуда им было взяться? Мужчина был в прекрасной физической форме. Насколько я знаю, он активно занимался спортом, не злоупотреблял алкоголем, курил, правда, но очень редко. И вот вчера он чуть было не умер на моих глазах. Кошмар. Все эти две недели можно сказать, что только один Руслан и держал меня в Норвегии. Только этот человек не давал мне хандрить, думать о доме и об Артуре... Несмотря на разницу в возрасте мы очень быстро смогли найти с ним общий язык. Практически каждый вечер он заезжал к нам в офис, отвечивал комплименты каждой девочке, а после неизменно подходил ко мне, мельком просматривал мои работы, и при этом всегда умудрялся болтать со мной на совершенно посторонние темы. Если честно, я вообще не думала, что бывают такие начальники. Хотя он был мне не совсем начальником. Я всего лишь выполняла заказ: занималась созданием программы, для красивых обработок фотографий и всего в этом духе. Надо сказать, работа была несложная, и она пришлась мне очень по душе. Все мои опасения относительно того, что мне не понравится компания, и я буду совершенно одинока в чужой стране, достаточно быстро развеялись. В частности благодаря Руслану. Помимо работы мы часто общались с ним и на посторонние темы. Хотя мы знали друг друга совсем недолго, у нас было полно общих интересов. Мне всегда нравилось слушать рассказы о его жизни, я также охотно рассказывала ему и о себе. Женская болтливость дала о себе знать, я выведала практически все свои секреты, рассказала обо всех своих близких, друзьях, просто знакомых... не коснулась только одного человека. Артура. Мне даже мысленно было тяжело произносить его имя. Несмотря на то, что я довольно быстро вжилась в ритм Консберга и нашла в этом городе родственного человека, меня всё равно безумно сильно тянуло домой. Особенно по вечерам, которые я проводила в полном одиночестве. Я всё ещё чувствовала себя тварью. Корила себя за трусость, за то, что даже не решилась попрощаться с ним. Он меня, наверное, теперь ненавидит, а может и вовсе решил

забыть всё, что было... Наверное, Артур и вправду вычеркнул меня из своей жизни. Что же, это правильно. Я ведь этого собственно и хотела. У него уже наверняка и девушка есть... Эту мысль я сразу отмела в сторону. К горлу тут же подступил комок предательских слёз, а для полного счастья, мне не хватало только разреветься на глазах у Руслана.

— Здравствуй, Юленька, — мужчина обнял меня, как только я поравнялась с ним. — Спасибо, что согласилась встретиться, потратить на меня свой единственный выходной.

— Руслан, я вам вот принесла бумаги, здесь уже есть примерные наброски того, как в конечном результате будет выглядеть сайт.

Я достала из сумочки небольшую жёлтую папку и протянула её мужчине.

— Сейчас посмотрим. Хотя мне, что-то подсказывает, что ты как всегда потрясающе справишься с работой.

Пока Руслан просматривал бумаги и при этом неизменно отвечивал мне комплименты, мы неспешно прогуливались по парку. Я всё думала, стоит ли вспоминать вчерашний вечер, если мужчина не заводит разговор на эту тему. В конце концов, я всё же решилась на вопрос.

— Руслан, как вы себя чувствуете? С вами всё в порядке?

Внезапно мужчина остановился. Его лицо нахмурилось, взгляд помрачнел.

— Юля, давай присядем.

Руслан кивнул на лавочку, куда мы уже через пару секунд опустились.

— Я не думал, что этот разговор произойдёт так скоро, но, похоже, больше времени у меня нет...

— Всё так плохо? Вы чем-то больны?

Мне стало страшно. Я даже испугалась, что у меня самой сейчас начнётся приступ, но мужчина вдруг совершенно неожиданно улыбнулся.

— Ты так похожа на свою маму. Внешне, ваше сходство не сразу заметно, но ты копия Мирослава. Тот же взгляд, та же улыбка, те же жесты...

Мужчина резко замолчал, а я удивлённо уставилась на него, открыв рот от полного недоумения.

— Что простите? Вы разве знаете мою маму?

— Не только знаю, но и люблю. Увы, безответно. Правда один раз твоя мама всё же ответила мне взаимностью и через девять месяцев родилась ты, — Руслан снова замолчал, а у меня кажется, челюсть отвисла до асфальта. Я тронулась умом или всё это происходит на самом деле? Что за бред? Мне это снится? — Я твой отец, Юля. Твой родной отец.

Я смотрела на мужчину широко распахнутыми глазами, не совсем понимая, сплю ли я или это всё происходит наяву.

— Руслан, вы, по-моему, что-то выпили. Знаете, я, пожалуй, уже пойду. Тем более, судя по сгущающимся тучам, скоро дождь пойдёт.

Я встала с лавочки, и Руслан моментально последовал за мной. Во взгляде мужчины читалась явная взволнованность, а ещё у меня создалось такое ощущение, что он чего-то боится.

— Юля, пожалуйста, выслушай меня. Я понимаю, что все мои слова кажутся тебе полным бредом, но, тем не менее, дай мне шанс просто всё объяснить тебе.

— Да что объяснять? Руслан, вы здоровы? Мне кажется, вам всё-таки следует обратиться к врачу.

— Врач мне уже не поможет, — мужчина тяжело усмехнулся. — Юля, пожалуйста, присядь. Я всего лишь хочу поговорить с тобой. Обещаю, это не займёт долго времени.

Немного помедлив, я всё-таки села обратно на лавочку, не сводя взволнованного взгляда с Руслана.

— Полгода назад врачи констатировали мне рак головного мозга. На сегодняшний день жить мне осталось месяц, максимум полтора. Это очень мало, Юля. Это ничтожно мало. Именно поэтому я решился на этот разговор. Видит бог, если бы не болезнь, я бы никогда не потревожил вашу семью. Когда-то я дал твоей матери слово о том, что больше никогда не появлюсь ни в ее, ни в твоей жизни, в обмен на то, что она постоянно будет высылать мне твои фотографии, сообщать как у тебя дела, и принимать подарки, которые я всегда отправлял тебе на праздники. И на протяжении двадцати двух лет я своё слово держал. Но теперь, когда мои дни сочтены, я больше не могу оставаться в стороне.

— Стойте, — мне казалось, что я начинаю задыхаться. Пришлось, даже лицо руками на несколько секунд закрыть, чтобы мужчина не догадался, что мне плохо. Действительно плохо. Ещё немного таких рассказней и мне уже никакой врач не поможет. — Руслан, я искренне сочувствую вам. Мне правда жаль, что вы больны, да ещё и неизлечимо...но мне кажется, с сегодняшнего дня нам стоит свести наше общение к минимуму. Совсем скоро я закончу проект, и необходимости встречаться у нас вообще не будет. А до этого времени, давайте просто будем держаться друг от друга на расстоянии? Вы меня явно с кем-то пугаете.

Я встала со скамейки и на этот раз просьба Руслана вновь выслушать его, меня не остановила. Мне хотелось как можно скорее вернуться в гостиницу и принять горячую ванную. Пожалуй, сейчас только она могла привести меня в чувства и помочь забыть этот сумасшедший, совершенно безумный разговор. Руслан явно не в себе.

— Юлия...

— Руслан, пожалуйста. Я же сказала, вы меня с кем-то спутали.

Я сделала несколько шагов к выходу из парка и резко остановилась, после слов мужчины.

— На твой пятый день рождения я прислал тебе кукольный домик для барби. Большой такой, розовой. С золотой ванной, полным кухонным гарнитуром, бассейном и даже маленьким садиком на балкончике. Твоя мама, наверняка сказала, что тебе его подарил какой-нибудь дальний родственник.

У меня вспотели ладони. В эту секунду мне действительно стало трудно дышать. Откуда он об этом знает? Может я сама об этом как-то обмолвилась? Да вроде нет. Я ничего ему не рассказывала о своих детских игрушках. Тогда откуда?

— Когда тебе было девять, в новый год ты нашла под ёлкой громадного плюшевого медведя, который при нажатии на лапку пел рождественскую песенку «Last Christmas I gave you my heart». Я не знаю, как появление этого подарка твоя мама объяснила тебе...и Игорю, но это я тебе его прислал, как и много других вещей. Каждое восьмое марта я высылал тебе охапку белых роз. В рождество я дарил плюшевые игрушки. На день рождения всегда были разные подарки, например на прошлый ты получила кольцо и серьги «Pandora».

Руслан замолчал, а у меня вдруг резко закружилась голова. Пришлось набрать в грудь как можно больше воздуха, и одной рукой вцепиться в какой-то памятник, чтобы не потерять равновесие.

— Откуда вы всё это знаете? Скажите правду, кто вы такой? Что вам от меня надо?

— Я твой отец. Твой биологический отец. Я просто хочу, чтобы ты об этом знала. А ещё...мне нужно поговорить с тобой о наследстве, которое ты получишь после моей смерти.

— Что за бред? — мне с трудом удалось сдержаться и не перейти на крик. — Какое наследство? Какой отец? У меня уже есть папа: любимый и родной. Других мне не надо. Не знаю, откуда вы узнали про подарки, но, пожалуйста, оставьте меня в покое. Я не верю в этот бред. И я думаю, что будет лучше, если вашим заказом займётся кто-нибудь другой. Я поменяюсь с какой-нибудь девчонкой. Не волнуйтесь, сайт будет готов вовремя. А сейчас извините, я пойду.

— Я понимаю, что ты мне не веришь, но я могу тебе всё доказать. И помимо теста ДНК для этого есть ещё один способ. Просто позвони своим родителем, спроси, не оставял ли тебе кто какую-нибудь посылочку? Уверен, в ответ ты услышишь, что к вам на днях заезжал дальний родственник твоей мамы, который скоро на долгое время уезжает из России и перед отъездом он решил навеститься к вам домой, а заодно и оставил тебе небольшой подарочек — золотой кулончик. Впрочем, насчёт дальнего родственника я могу и ошибаться. Возможно, твоя мама выдумает какую-нибудь другую легенду.

Я забежала в номер гостиницы и тут же рухнула на кровать. Я даже не стала снимать верхнюю одежду. Закутавшись с головой в одеяло, мне едва удалось сдержать смех. Да, мне было весело. Меня забавляло то, что в какой бы стране мира я не была, меня всегда сопровождают какие-нибудь фееричные новости. Я просто не могу жить спокойно. У меня это не получается. То с женатиком свяжусь, то закручу роман с собственным братом, то вот теперь выясняется, что мужчина, которому я делаю обычный сайт — мой отец. Потрясающе. Что будет дальше, я даже предположить не могу. Но не удивлюсь, если скоро выяснится, что Полина — моя троюродная сестра. Интересно, а что мне теперь делать? Уезжать обратно в Россию? Так ведь там Артур. Но с другой стороны мне теперь просто необходимо поговорить с моей мамой. Внезапно, я резко подскочила на кровати. В голове всплыл недавний разговор. Пару месяцев назад, когда я вернулась с острова, мама сказала мне, что когда-то, уже очень давно, ещё до моего рождения, она изменила отцу, с женщиной, который работал вместе с ним. И всё бы ничего, если бы этого мужчину не звали Русланом. Моё сердце бешено забилося. Даже ладони вспотели. Опять совпадение? Взяв телефонную трубку, я набрала домашний номер. Уже через пару секунд я услышала радостный голос папы, и моё сердце болезненно сжалось. Нет, я не могу сомневаться в том, что мой папа мне не родной. Роднее и любимее него в моей жизни нет мужчины, и никогда не будет.

— Юлечка, как я рад, что ты позвонила. Мы тут все ужасно соскучились. Ну, рассказывай как у тебя дела, какие новости?

— Да всё в порядке пап. Новостей особых нет. Дела вроде хорошо. Вот скоро заканчиваю проект, возможно, вернусь обратно.

— Уже? Ты ведь говорила, что месяца на два уезжаешь. Юляш, что-то случилось?

— Нет, всё в порядке. Просто я ужасно по всему скучаю. Пап, а как там мама?

— Слава богу, всё хорошо, всё наладилось. Завтра уже домой буду эту капризулю забирать. Все нервы мне вымотала. Вчера позвонила мне в два часа ночи и потребовала, чтобы я ей бананы привёз, не то она всю больницу на уши поставит.

Невольно, я улыбнулась. Мама не меняется.

— И ты принёс?

— По пожарной лестнице лез. В итоге она съела один кусочек, развалилась на кровати и блаженно задремала.

— Я рада, что у вас всё хорошо.

— Для полного счастья, только тебя рядом не хватает. Может, и правда вернёшься?

Чего ты там в этой Норвегии забыла? Мы и здесь тебе работу найдём.

— Возможно. Да, скорее всего я приеду.

— Отлично! Мама будет очень рада. Кстати Юляш, забыл сказать, я вчера был на почте, там для тебя посылочка пришла от дяди Яши, это мамин троюродный брат. Он тебе кулончик выслал. Красивенький такой. Я его припрятал, чтобы твоя мама себе не заграбастала. И ещё...я всё думал, говорить тебе или нет, мне кажется, правильной будет всё-таки сказать. Мы ведь одна семья, да ты и сама бы обо всём узнала. Артур в СИЗО.

Распахнув металлическую дверь, я вышла из подъезда, протащив за собой чемодан. Взглянув на наручные часы, я тихо чертыхнулась. До вылета оставалось всего полтора часа, а моё такси ещё даже не подъехало. Дьявол, если я сегодня не успею сесть на самолёт, следующего рейса надо будет ждать ещё два дня. Да я за это время уже повешусь. Вот же чёрт.

— Юлия, здравствуйте, вы, что собираетесь куда-то уезжать?

Катя возникла, словно из неоткуда. Как и всегда девушка просто потрясающе выглядела, хотя сейчас её красота уже не восхищала меня. Я перестала испытывать симпатию к этой девушке. Мне начало казаться, что меня обманом заманили в Консберг. И Катя сыграла в этом не последнюю роль. Правда я пока ещё толком не поняла, что конкретно происходит, но мне всё сильнее и сильнее хотелось вернуться домой. Что я собственно сейчас и делаю. И на всё на это есть ещё одна причина — Артур. Мне нужно его увидеть. Срочно. Сейчас уже наплевать на всё, что между нами происходит. Единственное, что меня волнует на данный момент — это во что он опять вляпался. Я не могу спокойно прогуливаться по Консбергу и заниматься своими делами, зная, что он в СИЗО.

— Да собираюсь. А вы за мной, что следите?

— Нет, что вы. Я звонила вам, хотела назначить встречу, но вы не взяли трубку, вот я и пришла.

— Встречу? И зачем же я вам так срочно понадобилась?

Катя нахмурилась. Видимо сразу поняла смену моего к ней предрасположения.

— Юлия у нас с вами подписан контракт. Вы не можете сейчас никуда уехать.

— Неужели? И кто мне запретит? Может, вы полицию вызовете? — я усмехнулась, изо всех сил пытаясь сдержаться и не послать Кэт на все четыре стороны. — Контракт говорите? Контракт — это всего лишь бумажка. Порвать и выбросить. А впрочем я выплачу штраф, но только в том случае, если вы объясните мне, с какой целью я на самом деле так срочно понадобилась вашей компании? Только не надо опять врать, про то, что образовался срочный проект и кроме меня его никто не может выполнить. Со мной в офисе работают ещё пять девочек и все они, по-сути, ничем не занимаются и для каждой из них создать сайт для обработки фотографий — как не фиг делать. Зачем вы внушили мне всю эту чушь?

— А вы разве не говорили с моим...вы не говорили с Русланом?

В этот момент подъехало такси, и я поспешила к машине, бросив напоследок:

— Если вы о том бреде с отцовством, то я не верю ни в одно слово....А в прочем, передайте Руслану, что я готова с ним встретиться. Только если он хочет поговорить, пусть летит в Челябинск и заранее договаривается со мной о встрече.

Я села в машину и через несколько секунд она тронулась с места. Сейчас моя голова была практически полностью забита мыслями об Артуре, но мне всё же не давали покоя

слова папы о кулончике, который прислал какой-то дядя Яша. Интересно этот мужчина вообще существует или мама сама его выдумала? Если выдумала, то зачем? Неужели тот Руслан, с которым мама когда-то изменила отцу, и мужчина, которому я делала проект, один и тот же человек? И неужели бред об отцовстве, правда? Если это так, то я не знаю, как в дальнейшем буду общаться с мамой... Хотя я всё-таки и не хочу думать, что Руслан не соврал. В любом случае, если этот мужчина, захочет ещё раз со мной встретиться, я приведу с собой ещё одного человека. Интересно мама узнает своего бывшего любовника? А вдруг не бывшего? Если она изменяет отцу... даже не знаю, как я буду к ней, после этого относиться. В любом случае, не так как раньше.

Открыв дверь своим ключом, я вбежала в квартиру, бросив чемодан у двери, и практически сразу попала в объятия папы.

— Юляш, ну ты даёшь. Что с тобой происходит в последнее время? Сначала ни с того ни с сего сорвалась и уехала, а потом, всего через две недели вернулась обратно. Отчаянная ты девушка. Вся в маму.

— Я, скорее сумасшедшая, — поцеловав папу в щёку, я попыталась отдышаться. Перелёт прошёл утомительно, но сейчас у меня не было времени на отдых. Если я прямо сейчас не узнаю, что случилось с Артуром, то точно с последних катушек свихнусь. — Пап, что с Артуром? Ты так ничего толком и не объяснил мне по телефону.

— Ты тоже, — нахмурившись, папа выпустил меня из объятий. — Скажи-ка мне дочка, что происходит в последнее время между вами с Артуром? Я, что-то раньше не замечал, чтобы ты так волновалась из-за его заскоков?

Я покраснела. Кровь миглом прилила к щекам. Чёрт, не хватало ещё, чтобы папа сейчас, что-то заподозрил...

— Ну, раньше у него никогда не было таких крупных заскоков. А сейчас... как он оказался в СИЗО?

Взгляд папы помрачнел, его лицо нахмурилось ещё больше.

— Пойдём на кухню. Это не пятиминутный разговор.

Я вбежала вслед за отцом на кухню, села за стол, мысленно приказав себе успокоиться. Чем больше я волнуюсь, тем больше даю папе поводов для посторонних мыслей. Хотя сейчас он вряд ли о чём-то таком думал. У меня сложилось впечатление, что он не знает, как помягче мне обо всём рассказать. И это привело к тому, что мне едва удавалось сдерживать дрожь во всём теле.

— Юляш, с Артуром произошла очень неприятная и какая-то мутная история. Мы наняли самых лучших адвокатов, чтобы они во всём разобрались, но дело значительно ухудшает то, что он полностью признаёт свою вину и даже не хочет разговаривать с адвокатами, которых мы наняли.

— Какую вину он признаёт? Пап, что случилось?

— Артура обвиняют в мошенничестве. Но я больше, чем уверен, что его подставили. Я всё-таки не один год в бизнесе и прекрасно понимаю, что Артур просто не мог повернуть все те махинации, которые на него свесили. Не знаю, зачем он сам тянет себя в болото, но я обещаю, что докопаюсь до истины и не дам свесить на моего племянника всех собак. Но есть ещё одна деталь. Артура обвиняют в ещё одном преступлении, в котором он также сознался. И на этот раз дело намного серьёзней. Если удастся доказать его вину — никакие адвокаты не помогут.

— В чём ещё его обвиняют? Пап не молчи!

— В убийстве. Его обвиняют в убийстве, Юля.

Мне стало нехорошо. На несколько секунд мне кажется, я даже отключилась от реальности. Какое к чёрту убийство? Артур? Нет, он не мог! Его подставили!

— В каком убийстве его обвиняют?

— Какая разница? Тебе ни к чему это знать. Юля, не лезь в это дело. Я сам постараюсь всё уладить.

— Папа, пожалуйста, мне нужно знать!

Несколько минут отец молчал, но видимо заметив поселившееся в моём взгляде отчаяние, решил всё-таки сжалиться. Хотя уже через несколько секунд я поняла, что было бы лучше, если бы он молчал. Его слова пришлись как удар в солнечное сплетение.

— Его обвиняют в убийстве Бориса Волконского.

Нервно теребя в руках сумочку, я то и дело поглядывала на дверь. Чёрт, ну почему так долго? А вдруг мне всё-таки откажут? Да нет, сказали же, что полчаса у меня есть. Слава Богу, что у папы есть знакомые в полиции, иначе бы я не смогла встретиться с Артуром до конца следующей недели. Хотя уговорить отца организовать мне встречу именно сегодня — в первый день по приезду домой — мне было ужасно нелегко. Папа настаивал на том, чтобы я не лезла в это дело. Говорил, что он сам со всем разберётся, что он уже нанял лучших в городе адвокатов, вместе с которыми они сделают всё, чтобы докопаться до истины. Папа так же утверждал, что я ничем не смогу сейчас помочь. Нет, я и сама это понимала. У меня ведь нет юридического образования. Но только я всё равно не смогла бы сидеть на месте и ничего не делать. Конечно, я понимала, что такое моё поведение, наверное, насторожило отца, мы ведь с Артуром действительно практически не общались на протяжении долгого времени, а тут... Ну и пусть все думают, что хотят. Мне без разницы. Я просто хочу увидеть его. Понять, что случилось. Я чёрт подери, хочу, чтобы Артур знал, что даже если окажется, что он виновен во всем, в чём его обвиняют, я всё равно не отвернусь. Я не оставлю его. Просто не смогу. Мне пришлось с кровью выдирать его из своего сердца, когда я уезжала из России. Я думала, что так будет лучше. Что постепенно всё окажется на своих местах. Но я как обычно ошибалась. Всё стало намного хуже. Артур в СИЗО. И я даже не могу понять по какой причине, как это произошло? Мошенничество? Бред. Я не верю. В моей голове ещё бы как-то могло уложиться, если бы его обвинили в грабеже, в воровстве, но никак не в мошенничестве. Хотя бог с ними с этими деньгами. Папа сказал, что ему удастся доказать непричастность Артура во всех этих махинациях. Я уверена, что здесь его оклеветали. Не убийство... я не могу даже предположить, что Артур способен на убийство. У меня в голове такое не укладывается. Кроме того не просто на убийство, а на убийство Бориса. Ведь они с Артуром были знакомы. Хотя особой симпатии мой... братец к нему не питал. Они даже сцепились один раз... а может быть и не один. Но в любом случаи разве банальная ревность (а других причин для неприязни у них просто не было) могла закончиться убийством? Могла. Ещё как могла. Ревность страшное чувство, особенно если она поселилась внутри Артура.

Может быть, это жестоко и эгоистично, но сейчас я даже не думала о смерти Бориса. Возможно где-то глубоко внутри меня поселилась жалость, но она была слишком ничтожна, по сравнению с теми чувствами, которые завладели мной с того самого момента, как я узнала, что Артур в СИЗО. Когда металлическая дверь со скрипом начала открываться, я тут

же пригвоздила к ней свой взгляд, отбросив все мысли в сторону. Через пару секунд на пороге комнаты появился конвоир, хотя я не знаю, как называются эти служащие. По крайней мере, я точно знала, что передо мной стоит мужчина, который должен был организовать мне встречу с Артуром. Только стоит он один.

— Ваш брат отказался встречаться с вами.

Я резко подскочила со стула, и тот чуть было не упал на пол. Перед глазами всё тут же помутилось. Пришлось даже ухватиться за стол, чтобы не потерять равновесие.

— Что значит отказался? А вы сказали ему кто пришёл?

— Да я передал всё, как вы просили. Он сказал, что не хочет с вами встречаться.

Мне стало нехорошо. К горлу подкатила тошнота. Я снова почувствовала сильное головокружение. Дьявол, нервы совсем ни к чёрту стали. Но, что теперь делать? Он отказался от встречи со мной. Не захотел меня увидеть. Почему? Да потому! Потому что я уехала, даже не попрощавшись с ним, сбежала как последняя крыса, всё время сторонилась его как прокажённого, а теперь удивляюсь, почему же он не бежит ко мне с высунутым язычком. Дура! Сама во всём виновата! Только, что теперь делать?

— Вы можете провести меня в камеру?

Мужчина усмехнулся, посмотрев на меня как на сумасшедшую.

— Ага, конечно. У нас ведь сегодня день открытых дверей. Девушка, вы не забыли, где находитесь?

— Мне очень срочно нужно увидеть своего брата, пожалуйста!

— Ничем не могу помочь. Приходите к концу следующей недели, в назначенные часы. Правда я думаю, вам это мало чем поможет. Ваш брат отказывается встречаться с кем-либо, помимо матери. Он даже адвокатов отвергает. Хотя может он и отойдёт. В любом случае, вам уже пора. Вам итак сделали исключение.

— Можно мне написать записку? Вы передадите?

— Тоже мне нашли курьера. Ладно, уж, пишете. Только побыстрее.

Я достала из сумочки ручку и блокнот, выдрав один листок. «Артур, я понимаю твоё нежелание встречаться со мной. Я только хочу, чтобы ты знал, что я всегда буду с тобой. Я не верю в то, что ты причастен к тому, в чём тебя обвиняют. А даже если и причастен, то мне без разницы. Я всё равно сделаю, всё, что в моих силах, чтобы вытащить тебя отсюда. Клянусь, я придумаю, как это сделать...И я хочу, чтобы ты знал: я сожалею, что уехала и больше никогда не совершу такой ошибки. Я с тобой. Я рядом. И я ужасно тебя люблю...ни как брата. Твоя Юлька».

Свернув лист бумаги напополам, я передала его мужчине и на негнущихся ногах вышла из камеры. Только покинув тесную мрачную комнату, мне не стало лучше. Наоборот. Я из последних сил боролась, чтобы удержаться на ногах. Но, когда к горлу с новой силой подкатила тошнота, меня едва ли не вывернуло на конвоира.

— Где здесь туалет?

Наверное, я ужасно выглядела, потому, как мужчина даже подхватил меня за локоть.

— Прямо по коридору и направо, первая дверь. Вам плохо? Вас проводить? Отрицательно помотав головой, я, чувствуя дикую слабость во всём теле, поплелась в указанном мне направлении. Чёрт, что со мной происходит?

Игорь резко поднялся со стула, когда сержант вышел к нему.

— Что происходит? Почему так долго? Ты же сказал, что свидание будет длиться не больше получаса. Где моя дочь?

— Свидания вообще не было. Самсонов отказался. А вашей дочери стало плохо, еле до туалета дошла и, судя по характерным звукам, которые уже минут десять оттуда доносятся, она либо чем-то отравилась, либо ей ребёночка кто-то забацал, — парень хохотнул над собственной шуткой, но заметив побагровевшее лицо своего собеседника, быстро стёр ухмылку со своего лица. — Извините. Дерьмовая шутка. Я вот тут вам показать хотел.

Сержант протянул Игорю свернутый вдвое клочок бумаги.

— Что это?

— Записка вашей дочери. Она попросила передать её Артура.

— То есть, по-твоему, я Артур? Или читать чужие записки, это нормально?

В гневе, мужчина сжал кулаки.

— Простите, я думал...

— Что ты думал? Я тебе об этом просил?

— Извините ещё раз. Я сейчас всё передам.

Сержант собирался уйти, но Игорь резко его остановил.

— Ладно, дай сюда эту записку.

Взяв свернутый лист бумаги, Самсонов, недовольно глянул на усмехнувшегося конвоира.

— Что встал? Иди, покури пока.

Оставшись один, Игорь ещё несколько секунд помедлил и всё-таки развернул листок, став быстро вчитываться в содержание теста. С каждой прочитанной строчкой мужчине становилось всё хуже и хуже. А уж последние слова выбили у него из под ног всю почву. «Я с тобой. Я рядом. И я ужасно тебя люблю...ни как брата. Твоя Юлька». Вот дьявол. Дерьмо. Просто дерьмо. В последнее время Самсонов итак стал догадываться, что между его дочерью и Артуром происходит, что-то «не то», что-что, что они упорно стараются скрыть от всех окружающих. Но даже в самых страшных кошмарах Игорь не мог и вообразить, что у Юли и Артура был роман...или есть до сих пор? Ведь по этой записке можно сделать весьма однозначный вывод: Юля влюблена в Артура. Вот почему она всё бросила и прилетела домой, когда узнала, что он в СИЗО. Но даже не возможные отношения между дочерью и племянником сейчас так сильно беспокоили Игоря, мужчина стал всё чаще задумываться: а не из-за Юльки ли Артура оказался в СИЗО? Волконский — бывший владелец компании, в которой работала Юля, и как Игорь узнал совсем недавно, помимо того, что он был начальником его дочери, в прошлом он ещё имел с ней отношения. Об этом Самсонову сообщили, когда задержали Артура. Несколько друзей Волконского утверждали, что у Артура и Бориса были натянутые отношения именно из-за Юлии. Они также сообщили, что два года назад Волконский был в отношениях с его дочерью. И расстались они, из показаний друзей Бориса, из-за того, что Юлия узнала, что тот женат. Когда Игорь впервые об этом услышал у него чуть волосы дыбом не встали. Как много он оказывается, не знал о своей дочери. Он ведь совсем не заметил, как она выросла, повзрослела. Превратилась из малышки в девушку, причём в очень красивую девушку, которая привлекает внимания мужчин. Для него она всегда оставалась маленькой хрупкой девочкой, о которой постоянно нужно заботиться.

Несколько минут мужчина размышлял, как же ему теперь быть в такой ситуации и в

конечном итоге решил всё-таки поступить наиболее честно. Выйдя в коридор, Игорь протянул записку конвоиру.

— Постарайся, чтобы в этот раз, записка досталась лично в руки тому, для кого она предназначена.

Мужчина вёл машину по заснеженной улице, подмечая, что город уже начинает погружаться в атмосферу праздника. Накануне Новый год, а он ещё даже не придумал, что будет дарить близким. Особенно в этот раз надо будет постараться над подарком для Мирки. Год выдался ужасно тяжёлым. Сейчас главное, чтобы роды прошли хорошо, родился здоровый малыш, и с Мирой всё было в порядке. Странно, но мысли о любимой беременной жене, которые обычно всегда поднимали ему настроение, сейчас не могли заставить его не думать, о том, что происходит с Юлькой. Девушка лежала на задних сиденьях, подложив ладошку под бледную щёчку, и беспокойно дёргалась во сне. По всей видимости, в тревожном сне. Теперь Игорь понимал, что именно её тревожит, не даёт покоя. Он так же понимал, что, скорее всего только он может вернуть на её самое любимое для него личико, радостную счастливую улыбку. Ведь наверняка Юлю мучают мысли об Артуре. И скорее всего дело не только в том, что парень оказался в СИЗО, но и в их родственной связи. Только сейчас Самсонов начал задумываться, а не из-за Артура ли его дочь так поспешно покинула страну? В голове назревал положительный ответ. И от этого становилось ещё тяжелее. Его дочь мучается, переживает, старается утопить в себе свои же чувства, а Игорь не понаслышке знал, как тяжело это сделать. И самое дерьмовое во всей этой ситуации, что он может ей помочь...но как? Как заставить себя всё рассказать? Скоро у него появится ещё один ребёнок, маленькое чудо, о котором он уже и не мечтал. ЕГО чудо. РОДНОЕ. Не мужчине, почему-то кажется, что он не сможет любить его также сильно как Юльку. Его маленькую, до чертей обожаемую девочку. НЕРОДНУЮ девочку. По крови неродную. Хотя какого чёрта? Он воспитывал её с самого первого дня её жизни. Он видел её первые шаги. Слышал первые слова. Провожал в первый класс. Вместе с Миркой ходил на каждое родительское собрание. Втайне от жены водил её в секцию по стрельбе, вместо музыкальной школы. И кто после этого посмеет сказать, что она не его дочка? Что он ей неродной? Он воспитал. Он любит всем сердцем. Любит, возможно, даже больше чем жену. Юлька — его дочь. РОДНАЯ. И ни одна чёртова писулька о ДНК этого не изменит.

Уложив Юлю в кровать, мужчина потрогал лоб дочери. Температуры вроде нет. Но ему очень не нравилось, как выглядела его девочка. Если, когда она проснётся, она не будет чувствовать себя лучше, он вызовет скорую.

Тишину в квартире прервал раздражающий дверной звонок и, чертыхаясь про себя, Игорь поспешил в прихожую. Посмотрев в глазок, мужчина усмехнулся, увидев за дверью незнакомую девушку. Открыв, он подметил, что незнакомка весьма красива и чем-то даже похожа на его дочь. Те же густые белокурые, вьющиеся локонами волосы, те же глаза, черты лица...Вероятно подруга.

— Здравствуйте, — Игорь слегка опешил, когда девушка поприветствовала его по-английски. И только потом до него дошло, что, наверное, это подруга Юли из Норвегии. — Скажите, здесь проживает Юлия Самсонова? Я не ошиблась?

— Не ошиблись, — с трудом Игорь заставил себя вспомнить иностранную речь. — Только она сейчас себя очень плохо чувствует и к тому же спит. Зайдите чуть позже.

— Это даже хорошо... в смысле, я к тому, что мне нужно поговорить не с ней, а с вами.

Вы ведь Игорь Самсонов?

Мужчина удивлённо приподнял брови кверху.

— Да. А вы простите...

— Я Катрин Краус. Я понимаю, что моя фамилия вам ничего не говорит... Я дочь Руслана Синельникова. Его вы наверняка помните? Он биологический отец вашей...отца Юлии. А я выходит её сестра. Вот именно об этом мне бы и хотелось с вами поговорить.

* * *

Я открыла глаза, а точнее с трудом распахнула веки, когда в моё сознание начали пробираться шумные голоса, доносившиеся из кухни. В одном из них я узнала голос своего папы. Хриплый, по всей видимости, сорвавшийся от криков голос. Слов я разобрать не могла, по причине того, что моя голова просто разламывалась на части. Даже, когда мне с трудом удалось подняться на ноги, меня тут же качнуло в сторону. Перед глазами всё расплывалось в смутные туманные картинки. Потрогав лоб, я даже несколько удивилась, когда поняла, что температура у меня в норме. Скорее всего, сие головокружение сказывается обычным недосыпом и капитально съехавшими нервами.

Накинув халат поверх домашнего сарафана, который на меня видимо надел папа, я с трудом заставила себя пройти в кухню. Но, уже только переступив порог комнаты, мне снова показалось, что у меня начались какие-то галлюцинации. Мой папа отчего-то сидел на полу, возле подоконника и курил сигарету. Его пустой взгляд был направлен прямо на меня, но создавалось такое ощущение, что он меня даже не видит. А что меня больше всего потрясло и даже заставило несколько раз сильно зажмуриться, словно отгоняя от себя какое-то безумное видение, это сидящая за кухонным столом Катя. Она тоже направила на меня взгляд, как только я появилась в проходе кухни, но в отличие от моего отца её глаза не были пустыми, наоборот, в них читалось какое-то смущение и даже чувство вины.

— Игорь Сергеевич, я, пожалуй, пойду, ладно?

Сперва до меня даже не сразу дошёл смысл слов, которые девушка произнесла на чистом английском. Только после того, как Краус так и не дождавшись никакой реакции моего отца, встала со стула и, пройдя мимо меня, вышла из кухни, через пару секунд, после чего из коридора послышался звук захлопнувшейся двери, ко мне вернулась способность соображать. По крайней мере хоть как-то анализировать ситуацию.

— Почему ты не сказала?

Папа разрушил повисшую в комнате тишину первым. Он по-прежнему продолжал сидеть на полу и курить сигарету, а его взгляд оставался всё таким же пустым.

— Не сказала о чём?

Мой голос почему-то сорвался на шёпот. Я словно где-то глубоко в подсознании уже знала ответ на свой вопрос. Только сейчас я начала понимать, что происходит. Я осознала, что никакие у меня не галлюцинации и пару минут назад здесь действительно была Катрин Краус. Она разговаривала с моим отцом, и с нарастающим внутри меня ужасом, я, кажется, начала догадываться, о чём именно.

— Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю. Почему ты скрыла, что встречалась... с Русланом?

Я чувствовала, что с каждой секундой мне становится всё хуже и хуже. Мне даже пришлось опереться о стену, чтобы не упасть.

— Потому что не сочла нужным грузить тебя всяким бредом. Пап, я хочу, чтобы ты знал: девушка, которая сейчас была у нас — обыкновенная мошенница. Ей, наверняка, что-то от нас нужно, она...

— Она твоя сестра. То о чём говорил тебе...Руслан — правда.

Я уловила эти слова уже каким-то краешком сознания, потому всего через пару секунд после того как папа их произнёс, я потеряла сознание.

На этот раз открыть глаза мне было намного легче. Я даже смогла оглядеться по сторонам и понять, что я нахожусь в своей комнате, в своей постели. Выглянув в окно, я поняла, что сейчас, скорее всего глубокая ночь, что собственно подтвердили часы, стоявшие на моей тумбочке и показавшие уже половину пятого утра.

Попытавшись приподняться, я тут же была осторожно и вместе с тем настойчиво уложена обратно в кровать. Чьи-то руки придавливали мои плечи, и только через пару секунд я поняла, что это папа сидит на моей кровати и не даёт мне встать.

— Поспи ещё немного, сейчас даже пяти нет.

Слова папы до меня плохо дошли. Я по-прежнему продолжала бродить рассеянным взглядом по своей комнате и пыталась вспомнить, что именно произошло.

— Что случилось?

— Ты потеряла сознание.

Папа начал поглаживать меня по голове, словно успокаивая. Он часто так делал, когда я была маленькая.

— Потеряла сознание...почему?

Нет, я помнила последние слова отца до того как свалилась на пол. Правда, верить в них мне не очень хотелось. Но сейчас, я так и не могла понять, что со мной происходит.

Папа молчал, и эта убийственная тишина становилась для меня просто невыносимой.

— Папа, в чём дело? Что происходит?

— Ты упала в обморок, мне пришлось вызвать врача... Я не совсем уверен, тебе нужно завтра записаться на приём к...В общем, есть подозрения, что ты ждёшь ребёнка.

Я молчала. Несколько секунд я не могла выдавить из себя даже звука. Я совершенно не понимала, что сейчас чувствую. Какие эмоции меня переполняют.

— Ребёнка...? Нет, это невозможно!

Папа улыбнулся. Как-то грустно и рассеянно. Заправив выбившуюся прядь волос мне за ухо, он тихо произнёс:

— Ты уже взрослая девочка и это вполне возможно.

Я тут же нырнула под одеяло, зарылась в нём с головой. К щекам прилил румянец. Мне стало не просто стыдно. Я чувствовала себя такой...такой нашкодлившей девчонкой, что меня разрывало, раздирало на мелкие кусочки от жгучего стыда.

— Нет! — я резко откинула одеяло, подскочив на постели. — Этого не может быть! У меня...давно никого не было.

— А давно это сколько?

Папин голос был мягким успокаивающим. Он словно старался не спугнуть меня, не задеть каким-нибудь грубым словом, но от этого легче не становилось. Я прекрасно помнила ту ночь, после которой я и решила сбегать в Норвегию....Тогда с Артуром мы были

близки в последний раз. И это было...

— Больше двух недель назад.

Папа улыбнулся, рассеянно взъерошив волосы.

— Ну, это действительно целая вечность.

К моим щекам снова прилил румянец. Я опять попыталась спрятаться под одеялом, но на этот раз папа меня удержал.

— Юля, давай поговорим...

— Этого не может быть. Что там тебе наплёл этот врач? Как он мог заявить, что я беременна, если...

— Успокойся, никто с точностью ничего не говорит. Завтра сделаешь тест, сходишь на приём к гинекологу и всё узнаешь наверняка. Не паникуй раньше времени. И я сейчас хочу поговорить о другом. Всё равно ты теперь уже не уснёшь, и я думаю, будет лучше сказать всё сейчас, пока я хоть как-то морально к этому настроен. Дочка, я надеялся, что ты никогда этого не узнаешь. Но в связи с последними обстоятельствами, похоже, нам всё-таки придётся заглянуть в глубокое прошлое. Ты только не злись, но я прочёл записку, которая предназначалась Артуру...И не бойся, она до него дошла. Но по её содержанию я понял, что в данной ситуации у меня только один выход. Похоже, как бы тяжело мне не было, пришло время раскрыть все карты.

Я села на кровати, согнув ноги в коленях и обхватив их руками. Сердце билось в ускоренном ритме. Я уже понимала, о чём будет разговор и от этого я одновременно и хотела, чтобы всё поскорее раскрылось, и боялась этого. Ведь, когда я всё узнаю... всё будет зависеть только от меня. От МЕНЯ, а не от каких-либо обстоятельств и всего прочего.

— Это произошло уже очень давно, больше двадцати лет назад, — голос папы стал абсолютно серьёзным. Я видела, что ему тяжело говорить об этом. Очень тяжело. — Мы с твоей мамой тогда ещё не были женаты, да и вообще можно сказать, что наши отношения только начинались. Мы были слишком молоды, совершенно ничего не понимали в любви. До твоей мамы у меня не было серьёзных отношений, может это звучит и глупо, но я боялся их. Не хотел расставаться со своей свободой. Поэтому, когда я встретил Миру... для меня всё было внову. Наверное, я с ней очень плохо обращался. Долгое время не хотел знакомить с родителями, да и вообще вёл себя по-свински. Меня очень пугали мои чувства к ней. Я понимал, что раньше ничего подобного не испытывал. Ни с кем. И это... Юляш, я не знаю, как объяснить тебе, что испытывает законченный бабник, когда по уши влюбляется в какую-нибудь девушку, может быть на первый взгляд совсем и невзрачную. Вообще в тот вечер мы с ней сильно поссорились. Причём ни я, ни она не были виноваты в этой ссоре. Просто чёртово стечение обстоятельств. И из-за этого стечения обстоятельств произошло то, что чуть было навсегда нас не разлучило.

Я устроилась у папы на коленях, обхватив его руками за талию. Конечно, я уже знала, что произошло, но всё равно очень боялась это услышать. Боялась, что я не смогу понять... или принять. Не смогу простить маму.

— Мира изменила мне. Хотя я до сих пор, не знаю можно ли считать это изменой, в ту ночь она была в таком состоянии... возможно, она просто не понимала, что делает. Пожалуй, самым болезненным для меня стало узнать, что она провела ту ночь с моим другом. Русланом. Он работал на меня. Наше с ним знакомство — долгая история, возможно, когда-нибудь я расскажу тебе её, но не сейчас. Я бы, наверное, никогда не узнал о том, что сделала твоя мама... если бы она не забеременела. Незадолго до того, как я узнал,

что она ждёт ребёнка, я ездил на обследование в клинику, где мне сказали, что у меня не может быть детей. Если честно, то, что твоя мама сейчас беременна — настоящее чудо. Хотя я долго боялся, что.... Впрочем, это не важно. Тогда, мы с твоей мамой помирились. Я простил и мы договорились, что больше не будем вспоминать об этой истории. А потом родилась ты...и с того самого момента как ты впервые открыла свои чудесные глазки, я полюбил тебе больше всех на свете. И никакие бумажки о ДНК, не изменяют того, что ты МОЯ дочь. Родная и самая любимая. И я бы никогда не стал тебе рассказывать всего этого, если бы не последние обстоятельства, которые буквально вынудили меня это сделать. Я только хочу, чтобы ты знала: вы с Артуром не брат и сестра. Вы по крови не родные.

Спустя две недели

Артур сделал последнюю затяжку и смял окурок. Руки невольно теребили уже затёртый до дыр листок, а перед глазами всплывала каждая строчка, каждое слово из этой бумажки. «...Люблю тебя, ни как брата. Твоя Юлька». Парень сжал челюсти до скрежета в зубах и уже через секунду вдавил кулак в стену. Пусть катится к чертям вместе со своей любовью. Нахрен она ему теперь не сдалась. Раньше может и нужна была, но уже не сейчас. Дура. Идиотка. Какого чёрта она притащилась? Думает, ему нужна её жалость? Хрен из два. Ему нужно, чтобы она смотала в свою Норвегию как можно скорее. Если эти чертовы адвокаты, которые всё никак не могут угомониться, докопаются из-за чего, а точнее из-за кого он здесь оказался, вполне возможно Юлька тоже скоро узнает, что такое жизнь в СИЗО. Ну, вот есть у этой девки мозги? Сначала не глядя подписывает всё, что подсовывают, а потом начинает копать там, где её не просят. Сидела бы в своём Консберге и не высывалась. Начерта обратно притащилась? Поддержать его захотела? А нахера ему эта поддержка? Всё равно его скоро на нары упекут. И никакие адвокаты ему не помогут. Хотя надо дать должное Юлькиному отцу. Не думал Артур, что кто-то за него так впрягаться будет. И дело даже не только в адвокатах и прочих судебных разбирательствах, главное, что маму одну не оставляют. Поддерживают. И морально и материально. Это для Артура сейчас, пожалуй, самое главное. На себя наплевать. Всё равно ему уже ничего не поможет. Если от мошенничества ещё как-то удастся откосить, ну или хотя бы меньший срок выбить, то за убийство он огребёт по полной. И никто не сможет доказать, что он к этой мочилровке не имеет никакого отношения, ну или почти никакого. Конечно, рожу, он Волконскому помял и не хило помял, когда узнал, что эта гнида Юльку так подставила, но вот кто этому жучаре пулю в висок всадил, Артур понятия не имел. Нет, он, конечно, догадывался, что и здесь Шахновский постарался, но кто это докажет? Человек десять видело, как его с Волконским друг от друга оттаскивали, и нет ни одного свидетеля, что в момент убийства, Артур находился не в кабинете, где Волконскому пулю всадили, а в сортире, кровь с куртки отмывал. Свою же кровь. Этот престарелый гад всё-таки ещё умел держать удар. Да, подставили его умело. Красиво всё провернули. И про их отношения с Юлькой узнали, на что превосходно надавили, и с убийством всё складно получилось. Теперь максимум на что Артур мог рассчитывать, это на то, что его загребут только по одной статье — непреднамеренное убийство. В любом случае этак лет десять ему предстоит за решёткой отмотать.

Послышался звук открывающейся двери и через секунду Артур увидел образовавшегося в проходе камеры конвоира.

— Самсонов встать. Руки за спину.

Усмехнувшись, Артур выполнил указания и, когда на его руки были надеты наручники, он спокойно поплёлся вперёд по длинному коридору. «Опять допрос. Задолбали уже. Я уже во всём сознался, что им ещё нужно?».

Сняв с него наручники, конвоир втолкнул Артура в кабинет и Самсонов тут же застыл на самом пороге. За небольшим столом, нервно теребя в ладонях края платья, сквозь опущенные ресницы на него смотрела Юлька.

— У вас пятнадцать минут.

Дверь позади него захлопнулось и секундное удивление сменилось вспышкой небывалой ярости. «Какого чёрта? Идиотка, что она здесь делает?»

— Пошла вон отсюда. Убирайся!

Артур отвернулся обратно к двери. Ладони непроизвольно сжались в кулаки. Хотелось, ой как хотелось хорошенько наподдать ей пару раз, может хоть тогда мозги бы появились. Ей надо мотать поскорее из страны, а она к нему на свиданку бегает. Хотя, что-то в душе всё же всколыхнись. Не забыла. Не бросила. Пришла.

— Артур, зачем ты так... Я же просто хотела тебя увидеть.

Он чувствовал, что она приблизилась к нему на пару шагов. Дура. Мазохистка. Что же она делает? У него сейчас окончательно крыша поедет. Один её запах продирает ему душу, выворачивает, разрывает сердце. Помимо бешеного желания придушить её, Артур ещё до сумасшествия хотел её взять. Грубо. С напором. Прямо здесь. Сейчас. Прижать к стене. Разорвать на ней платье. Развести ноги, содрать к чертям трусики и ворваться в её горячее податливое тело изнывающим от желания членом. Чёрт. Дьявол. Всё хватит.

— Увидела? Теперь выметайся! Давай вали отсюда!

Артур резко развернулся, схватил её за плечи и грубо прижал к стене. Взгляд сам собой опустился на хаотично вздымающуюся грудь.... Твою ж, надо избавиться от этой ненормальной, срочно! Иначе он за себя просто не ручается!

Взглянул ей в глаза и тут же, словно получил пощёчину. Нет желания, что разрывает его на части. Нет даже страха, к которому он уже морально себя подготовил. Есть только жалость. Банальная жалость. Как же в эту секунду ему захотелось придушить её. Убить. Сделать всё что угодно, только бы не видеть этого мерзкого чувства в её глазах.

— ПОШЛА ВОН!

Одинокая слезинка скатилась по её щеке и Артур не выдержал, зарылся лицом в её волосы, до боли, до ломоты в костях, стиснув руками её талию. Она помедлила немного. Всего мгновение. А потом обхватила его за шею и прижалась губами к его щеке. Это было сильнее, чем удар молнии. Почему с ней всегда именно так? Все эмоции на грани. На острие ножа.

— Артур я беременна. У нас будет ребёнок.

Он замер после этих слов. На несколько секунд вообще забыл, как надо дышать. В маленькой тесной комнате повисла абсолютная, ничем не нарушаемая тишина. Упершись ладонями в дверь, Артур заглянул в мокрые от слёз глаза девушки. Юля вздрогнула, когда встретила с его взглядом — совершенно безумным и в то же время не выражающим никаких чувств. Прикрыв глаза на несколько секунд, она тихо повторила:

— У нас будет ребёнок. Срок небольшой, всего четыре недели.

Он отстранился, не резко, а скорее наоборот, медленно, с какой-то запинкой. Всё происходило словно в замедленной съёмке. Смысл её слов ещё не дошёл до него, его разум вообще отказывался воспринимать всё происходящее. Сев на стул, Артур зарылся ладонями в

волосы, и на несколько минут в комнате вновь повисла абсолютная тишина, только на сей раз её нарушали тихие приглушённые всхлипы замершей у дверей девушки.

— Если ничего не получится, — неуверенно, с долей хрипотцы и дрожи в голосе начал Артур, медленно встав со стула и повернувшись к Юле, — ты не будешь меня ждать. Если я получу срок, неважно какой — год или десять лет — ты не будешь меня ждать. Ты не будешь губить из-за меня свою жизнь. Я не позволю. Поняла?

Вновь тихо всхлипнув, Юля закрыла заплаканное лицо руками. Уже через пару секунд Артур, с трудом преодолев внезапно появившуюся нерешительность, обхватил её за плечи, крепко прижав к себе.

— Не реви. Не порть настроение моему ребёнку, — чуть отстранившись, Артур нежно поцеловал девушку в дрожащие губы. Несмотря на всю серьёзность и в какой-то степени даже безнадёжность всего происходящего, именно в это мгновение в душе Артура всколыхнулись искорки радости вперемешку с совершенно безумным, нарастающим с каждой секундой всё сильнее счастьем. У них будет ребёнок. Их малыш. — Но, если случится, что-то фантастическое и каким-то чудом мне всё-таки удастся отсюда выбраться, хрен из два я ещё раз позволю тебе улизнуть. Я просто шею тебе сверну, если ты ещё раз выкинешь такой фортель. Вот дождусь, пока ты мне малыша родишь — и сверну. Кроме того больше нет той преграды, которая раньше стояла между нами.

Артур замешкал. Он не знал, посвятили ли Юлю в тайну их семьи. Знает ли она правду? Если нет, то, как рассказать? Ему, конечно, очень хотелось, чтобы она, наконец, перестала себя накручивать по поводу этого несуществующего родства, но он боялся причинить ей боль, рассказав правду. Юля всегда считала свою семью идеальной. Она ненавидела измены и наверняка думала, что её родители всегда были верны друг другу. Кроме того, она так сильно любит своего отца....Имеет ли Артур право разрушить тот мир, в котором она жила?

— Ты...тоже знаешь? — удивлённо моргнув мокрыми ресничками, Юля мигом прервала все его терзания. — Я думала, что ты ещё не в курсе....Да, Артур, я знаю, что мы не родственники. Мне папа рассказал.

Несколько минут Самсонов молчал, а потом не в силах с собой совладать растянул губы в широкой улыбке, вновь крепко прижав к себе всё ещё вздрагивающую девушку.

— Ну, тогда мы, кажется, наконец-то всё выяснили. И знаешь, если мне всё-таки удастся отсюда выйти....ты мне ответишь за мои расшатанные нервы. Я буду мучить тебя всю оставшуюся жизнь. Я буду самым хреновым мужем, которого только можно представить. Я буду разбрасывать по дому свои вонючие носки, буду раздражать тебя футболом и вечным бардаком. Но зато...я, пожалуй, предпочту забыть о других девушках, как показала практика, из-за измен могут страдать и совершенно неповинные в них люди. Хотя просмотры порно и редкие визиты в стриптиз бары без распуска рук, конечно не считаются. Только это — целиком мои привилегии. Тебе они строго запрещены. Узнаю — башку оторву. И кстати, с прошедшим тебя Новым годом. Знаешь, если мне удастся отсюда выбраться, я, пожалуй, даже поверю в Деда Мороза.

* * *

Расплатившись с водителем, я выпорхнула из такси и, не обращая внимания на удивлённые взгляды прохожих, рухнула в сугроб, вырисовав фигуру бабочки. Открыв рот, я

начала ловить падающие с неба снежинки. Наверное, я дура. Нет, я просто сумасшедшая, совершенно ненормальная идиотка. Но, чёрт подери, я так счастлива, нельзя даже передать словами. Он сказал, что если у нас всё получится, он поверит в Деда Мороза. А я уже в него верю! Да я верю в этого бородатого толстого дядьку, потому что все или по крайней мере большая часть моих желаний осуществилась. Какое же волшебное время — Новый год. Всё вокруг сразу становится таким сказочным, таким фантастическим. Люди, порой даже сами себе в этом не признаваясь, начинают верить в чудеса. Новый год — это шанс начать жизнь абсолютно с чистого листа. Оставить все невзгоды в прошлом и шагнуть в новую жизнь совершенно другим человеком. Сейчас, барахтаясь в сугробах, я не особо осознавала, что скоро стану мамой. У меня появится ребёнок. Мне почему-то казалось, что я сама ещё совсем малышка. Я словно перенеслась лет на пять назад, вновь стала семнадцатилетней девчонкой, романтичной и немного прибабахнутой. Но только сейчас, несмотря на безумные, порой мрачные события, которые произошли в моей жизни, я была намного счастливее, чем тогда, в семнадцать лет. Потому что я любила. Любила всем сердцем. Любила так, что мне хотелось поделиться этой любовью со всем миром. А ещё я знала, что любима в ответ. И это, пожалуй, самое главное. Самое важное в жизни — любить и быть любимой. Всё остальное как-нибудь сложится, утрясется.

Поднявшись на ноги, я отряхнулась и собиралась, наконец-то дотопать до квартиры, тем более что уже вечер и папа наверняка волнуется, но меня окликнули. По голосу и чисто английскому произношению, я сразу поняла кто это сделал, ещё до того как обернулась и увидела напротив себя Краус.

— Опять вы? Сколько можно? Вы, когда-нибудь оставите меня и мою семью в покое? Послушайте Катрин, я так понимаю, вы не по своему желанию за мной таскаетесь. Вас Руслан об этом просит? Так вот передайте ему, чтобы он прекратил это преследование. У меня уже есть отец, который меня вырастил и воспитал. Я его очень сильно люблю и никого другого мне не нужно.

— У меня тоже есть отец, — я вздрогнула от её голоса и взгляда. Только сейчас я заметила, какие красные у неё глаза. Словно...она непрерывно рыдала несколько часов. — У меня тоже есть...был отец, который меня вырастил и воспитал, и которого я безумно любила. А вчера утром он скончался...И я вот сейчас должна была быть рядом с его женой, с женщиной, которая его безумно любила, и которой сейчас, пожалуй, даже хуже чем мне, но я здесь, с вами. Потому что этого хотел мой папа. Потому что о вас были его последние слова. Потому что он просил вам это передать. Катрин достала из сумки какую-то папку и протянула её мне.

— Что это?

Внезапно мой голос пробила дрожь. Я ещё не до конца осознала, что именно произошло, но в моей душе поселилась такая горечь...ядовитая горечь, которая приходит только с потерей близкого человека.

— Документы о наследстве. Мой папа был очень обеспеченным человеком. И он хотел, чтобы одна треть от его состояния досталась именно вам. Вы ознакомьтесь с документами, там всё достаточно ясно изложено. Вступать в права наследства или отказаться от них — ваше дело. Но я прошу в любом случае сообщить мне о вашем решении. И желательно как можно скорее.

Только переступив порог квартиры, я нос к носу столкнулась с поджидающим меня у

самых дверей папой. Стоило только окинуть его мельким взглядом, чтобы понять, что он из последних сил держится на ногах и пытается отогнать от себя сон.

— Уже поздно. Пап, ты почему не спишь?

Взяв у меня пуховик, отец повесил его в шкаф и сонно протёр глаза.

— Сейчас лягу, не беспокойся. Лучше скажи мне, как всё прошло?

Как прошло? Хороший вопрос. Про встречу с Артуром я, конечно, могла рассказать, тем более что папа уже во всех подробностях осведомлён о наших отношениях, но вот про бумаги, что лежат у меня в сумке, думаю лучше промолчать, хотя бы потому, что я их сама ещё не просмотрела.

— Хорошо. Артур очень всколыхнулся, узнав, что скоро станет отцом. Думаю, теперь он не будет препятствовать встречи с адвокатами и сам себя глубже закапывать в яму.

— Ну, вот и отлично, — папа слегка взъерошил мне ладонью волосы и в ту же секунду его взгляд отчего-то стал слишком серьёзен. — Юль, давай пока не будем говорить маме обо всём, что случилось... Не надо сразу вываливать на неё, что ты беременна от Артура, который сейчас находится в СИЗО. Ты же знаешь, что ей сейчас нельзя волноваться. Врачи по-прежнему не хотят отпускать её домой, беременность тяжело протекает.

— Пап, ты мог бы об этом даже не говорить. Мама ничего не узнает. Ну, по крайней мере до тех пор, пока моё интересное положение ещё можно будет скрывать.

— К тому времени, когда всё станет слишком очевидно в нашей семье уже должно быть пополнение. Ладно, всё обсудим завтра. Сейчас ужинай и иди спать.

— Да нет, я лучше сразу пойду, лягу, кушать совсем не хочется.

Чмокнув папу в слегка небритую щёку, я прошла в свою комнату и, закрыв дверь на замок, сразу достала из сумки папку, которую мне дала Катрин. Мне стоило пролистать всего пару страничек, чтобы понять, что без адвокатов я здесь мало в чём разберусь. Хотя, зачем мне вообще в этом копаться? Я ведь не собираюсь вступать в права наследства. Чёрт, несмотря на все эти бумажки, я просто не имею на это право. Я ведь совсем не знала... Руслана. Конечно, сейчас мне в какой-то степени даже жаль, что мы так толком не о чём и не поговорили, мне жаль, что я даже не попыталась его выслушать, а сейчас уже поздно... но всё равно, назад уже ничего не повернёшь. Как бы там ни было, этот человек мне чужой. И я не могу претендовать на его состояние. Мне кажется это право остаётся за его близкими. Да, я определённо должна отказаться. Тем более что сейчас у меня итак достаточно проблем. Завтра же позвоню адвокатам отца и попрошу проконсультировать меня по всем вопросам касающихся этого наследства. Нужно ведь знать, где поставить свои заковырки, чтобы меня, наконец, оставили в покое. Только надо предупредить адвокатов, чтобы они не о чём не проболтались отцу. Не хочу, чтобы он знал, да и вообще лишний раз вспоминал обо всём этом. Уже завтра, если это возможно, я попытаюсь поставить точку в этом родстве.

Встреча с адвокатами была назначена на три часа, а сейчас было только пол одиннадцатого утра. У меня в запасе была ещё уйма времени, которую я решила потратить с пользой. Мне не составило большого труда узнать, где находится офис некоего господина Шахновского. Ведь именно этот мужчина выступает свидетелем драки Артура и Бориса, и также он утверждает, что в тот момент, когда произошло убийство, Артур находился вместе с Волконским в одном кабинет. Но это ложь. Вчера Артур рассказал мне, что он не убивал Бориса и не видел, кто это сделал. А любимому я доверяю куда больше, чем какому-то неизвестному мне мужику. Тем более что возможно это именно Шахновский и устроил всю

эту чехарду. Вопрос только в том, как это доказать?

С Шахновским я решила не встречаться. Ясно дело, что он не расскажет мне, как всё было в действительности. Но вот переговорить с людьми, которые работают у него в офисе, я посчитала необходимым. Среди них нашлось много свидетелей, видевших драку Артура и Бориса. Не может быть, чтобы не было ни одного человека, который не видел, Артура в уборной в то время, когда произошло убийство. Офис Шахновского занимает практически всё многоэтажное здание, в нём работают свыше двухсот человек, должен же найтись хотя бы один свидетель, который мог бы подтвердить алиби Артура. Этот человек, несомненно, есть, возможно, он просто боится давать какие-либо показания. И мне всеми правдами и неправдами нужно убедить его это сделать. Но для начала я должна его хотя бы разыскать. Мне повезло, сегодня Шахновского не было в своём офисе, он вообще находился не в городе. Меньше всего мне сейчас хотелось бы встретиться с этим мужчиной. Тогда бы весь мой план пошёл насмарку, хотя мне хватило всего минут двадцати, чтобы понять, насколько бредова моя затея. Со мной никто не пожелал разговаривать. Все были либо слишком заняты, либо торопились на обеденный перерыв, который у них начинался почему-то в одиннадцать утра, либо просто ничего не видели. Ко всему прочему, когда я уже собиралась уходить из офиса так ничего и не узнав, я в самых дверях столкнулась с каким-то парнем лет двадцати пяти, в руках которого был поднос с кофе. В итоге и этот самый поднос, и моя сумка, с вывалившимися из неё документами о наследстве, которые я так и не выложила, оказались на полу. Парень, конечно, промямлил, что-то вроде «извините», но собрать документы мне не помог. Только сложил осколки посуды на поднос и быстро смылся. Собственно я этому почему-то даже не удивилась. От меня здесь все шарахались. Сев на корточки, я начала складывать бумаги обратно в папку, и когда уже почти всё было готово, мой взгляд остановился на листке, что валялся на полу с оставшимися документами. Этот листок явно был не из той папки, что вчера передала мне Катрин, он вообще никак не касался дела о наследстве. Это был обычный клетчатый лист, краткий текст на котором писали явно впопыхах. Стоило мне только прочитать одно единственное предложение, как я быстро, вместе с остальными бумагами запихнула листок обратно в папку и поспешно вышла из офиса. «Через двадцать минут, в сквере за углом, возле последнего подъезда старой пятиэтажки».

Наверное, это было безумием с моей стороны делать всё так, как написано в этой бумажке. Нужно было как минимум позвонить адвокатам, посоветоваться с ними. Но я точно знала, что они сказали бы мне ничего без них не предпринимать и не идти в этот сквер. И, конечно, они были бы правы. Только сейчас у меня не было возможности медлить даже секунду. Кроме того тот кто подкинул мне этот листок, явно чего-то боится и хочет переговорить со мной с глазу на глаз, без лишних свидетелей. Иначе бы он не стал так шифроваться и просто побеседовал со мной в офисе. Вероятно, он сильно напуган, а что ещё более важно, вполне возможно, что у него есть какая-то информация. Может быть, даже очень важная информация, которая может помочь мне вытащить Артура из СИЗО. И я не могу упустить такой шанс.

Забыв даже о собственной безопасности, я всё-таки рискнула и пришла в назначенное мне место. Нельзя сказать, что я отважный человек, который может решиться на какие-то безумные поступки. Скорее наоборот, я ужасная трусиха. Поэтому сейчас, когда я сидела на скамейке возле крайнего подъезда и обводила взглядом весь двор, я испытывала невероятную панику. Ведь всё может оказаться совсем не так, как я думаю. А вдруг это

какая-то ловушка? Да и кто может знать, что за псих подкинул мне этот листок. Только немного моё волнение успокаивала находившаяся в сквере детская площадка, на которой оживлённо играла пара ребятшек. Да и вообще народу было достаточно много. Вряд ли если бы у человека, написавшего записку, было что-то плохое на уме, он бы назначил мне встречу именно здесь. Наверное, логичнее с его стороны было выбрать какое-нибудь заброшенное место. Как только я заметила приближающегося ко мне парня, в серой толстовке, с капюшоном на голове, я тут же подскочила на ноги. Это был тот самый человек, который опрокинул поднос с кофе. Вероятнее всего и записку он подбросил. Вопреки моим ожиданиям парень не остановился, даже не взглянул на меня, просто вытащил из кармана брюк ключи, открыл подъездную дверь и забежал внутрь. В эту секунду моя реакция была просто молниеносной. Я тут же ухватилась за ручку двери, пока та не успела захлопнуться. Правда пару секунд, прежде чем войти в подъезд, всё же помедлила. Как-никак страшно. Я совсем не предполагала такой вариант развития событий. Да ещё и этот парень опять не обратил на меня никакого внимания. Он спокойно начал поднимать по лестнице вверх, а я вдруг задалась вопросом, тот ли этот человек, который подкинул мне записку? Может просто совпадение? Хотя нет, в последнее время я что-то перестала верить в совпадения, тем более в такие очевидные. С бешено колотящимся сердцем я отправилась вслед за незнакомцем. Он поднялся на третий этаж, остановился возле квартиры с номер «144» и отрыв ключом дверь, вошёл внутрь. Кажется, моё сердце бухнуло в пятки, а как надо дышать я и подавно забыла, когда до меня, наконец, допёрло, что мне надо зайти в квартиру вслед за этим парнем. Ведь не зря же он оставил дверь приоткрытой. Господи, неужели я и вправду могу на это решиться? Нет, Юля, это слишком безумно. Ты ведь ещё не совсем с ума сошла. Ты же не можешь пойти в квартиру к совершенно незнакомому человеку. Да мало ли кем он может оказаться. Вдруг это вообще какой-нибудь маньяк? Нет, надо уходить. Срочно. Только, когда дверь начала закрываться, все мои здравые мысли полетели в бездну. Перехватив ручку, я чуть ли не сотрясаясь от страха, переступила порог квартиры и тут же дверь за мной захлопнулась. Наверное, я бы закричала или вовсе потеряла сознание, если бы в прихожую не выбежала девочка лет шести-семи и с радостной улыбкой не бросилась к застывшему напротив меня незнакомцу, который тут же сбросил капюшон и поднял малышку на руки.

— Папа, я так соскучилась! Ты мне чего-нибудь принёс?

С улыбкой до ушей девочка уткнулась носом в небритую щёку своего, по всей видимости, отца, взгляд которого тут же смягчился. В эту секунду мне едва удалось сдержать облегчённый вздох. Нет, убивать меня точно не собираются. По крайней мере не здесь и не сейчас.

— Нет малышка, сегодня я с абсолютно пустыми руками. А мама дома?

Голос незнакомца окончательно снял с меня всякое напряжение. На маньяка-убийцу этот парень уж явно никак не походил.

— Она в магазин вышла....А кто эта тётя?

Девочка поджала губки, устремив на меня не самый дружелюбный взгляд.

— Это моя коллега по работе.

— Ммм, а мама скоро вернётся...Она только за молоком вышла.

В глазах маленькой демоницы сверкнули гневные искорки, и мне едва удалось сдержать усмешку. Интересно, я тоже в детстве такой была?

Тихо рассмеявшись, парень зацеловал девочку в пухлые щёки, а после опустил на пол.

— Беги в свою комнату, по телевизору сейчас, наверное, мультики идут.

Малышка не стала возражать, однако пока не скрылась за дверь своей комнаты, она прямо-таки испепелила меня хитрющим и вместе с тем до жути недовольным взглядом.

— Пойдёмте.

Как только за девочкой захлопнулась дверь, голос незнакомца сразу изменился, а уж от нежности во взгляде не осталось и следа. Что же, в принципе, к дружественной встрече я и не готовилась. Пройдя по коридору вслед за парнем, я очутилась в небольшой, но довольно уютной кухне.

— Чаю хотите?

— Не хочу, — слегка помедлив, ответила я, так и застыв в дверях комнаты. — Это вы подкинули мне записку?

— Да, я, — после небольшой паузы ответил незнакомец, кивнув мне на стул возле подоконника. — Садитесь.

— Спасибо, я постою. Скажите мне лучше кто вы и что вам нужно?

Ходить вокруг, да около, я не стала. Мне нужно было узнать всё и сразу.

— Своё имя я не назову, пока вы не докажете мне, что вы действительно сестра того парня, который сейчас находится в СИЗО. Артур, кажется.

Я слегка опешила. Доказать? Доказать, что я сестра Артура, он серьёзно? По его взгляду я поняла что да, он вполне серьёзен. Только я всё ещё помедлила несколько минут, а потом достала телефон, и порывшись, нашла наши с Артуром давнишние совместные фотографии, которые я закачала с компьютера.

— Вот посмотрите, здесь нам по пятнадцать лет.

Внимательно пролистав пару фотографий, парень вернул мне телефон обратно.

— Надеюсь анализа ДНК не нужно?

— Сейчас не время для шуток, — да уж, веселье в его голосе совсем не проскальзывало. С каждой секундой его взгляд становился всё мрачнее и мрачнее. — Меня зовут Денис, это пока всё, что я вам о себе расскажу. Мне нужно знать, правильно ли я вас понял? Сегодня вы приходили в компанию, чтобы расспросить о том дне, когда... произошло убийство?

Я кивнула, подметив, что Денис начинает заметно нервничать. Видимо он и правда, что-то знает. Что-то о чём очень боится рассказывать. Это мигом вызвало во мне целый всплеск эмоций.

— Да, вам что-то известно?

— Известно. И хочу сразу предупредить, обо всём, что я знаю, я рассказал своему другу и если со мной или с кем-нибудь из моей семьи что-то случится, он сразу же пойдёт в прокуратуру.

Наверное, именно после этих слов я поняла, что Денис на самом деле знает, что-то важное. Иначе бы он так не страховался.

— Я вам не враг. Скорее даже наоборот. Мне очень нужно узнать, что на самом деле произошло в тот день. На моего брата столько всего повесили. Ему грозит очень большой срок. Я уверена, что он ни в чём не виноват...по крайней мере он точно не мог убить. Я хочу докопаться до истины.

— В тот день я стал случайным свидетелем того, о чём сейчас предпочёл бы забыть, — Денис закурил, выдержав недолгую паузу. — Я юрист, совсем недавно окончил институт и всего пару месяцев работаю в компании Шахновского. Я помощник Беляева, одного из его адвокатов. В тот день я вообще не должен был быть в офисе, просто подменил своего

коллегу. Я тоже видел, как ваш брат подрался с Волконским. Вообще такой шум был, пол офиса сбежалось. В основном кричал Шахновский, первый раз его таким разъярённым видел... Короче, когда этих двоих удалось разнять, Шахновский нас всех разогнал. Причём не по своим рабочим местам, а домой всех отпустил, за час до конца трудового дня. Я собственно тоже уходить собирался, решил только в каморку забежать. Это такая небольшая комнатка, где хранится целая кипа бумаг, как раз по адвокатской части. Мне там надо было кое-что взять. Эта самая каморка находится напротив кабинета, где произошло убийство. Я успел только войти в неё, даже свет не включил и дверь до конца не закрыл, небольшая щель осталась... собственно из-за этой щели я и увидел того мужчину. Он был весь в чёрном, лица я не разглядел. Меня вообще удивило, что в офисе ещё кто-то есть. Мне казалось, что с нашего этажа уже все разошлись. А потом, я увидел как этот человек, вошёл в тот самый кабинет... уже через несколько секунд раздался выстрел. Стыдно признаться, но я так труханул, что сразу под стол ломанулся, спрятался за старыми уже нерабочими компьютерами. Я после видел, как вышел этот мужчина, огляделся по сторонам и ушёл. А буквально через мгновение видимо на звук выстрела выбежал ваш брат. У него рубашка в крови была и волосы отчего-то мокрые, наверное, из сортира выбежал.... Ну а дальше всё быстро произошло. Откуда-то появился Шахновский вместе с двумя неизвестными мне мужчинами, они скуритили вашего брата, вызвали полицию.... Причём ментов начали вызывать ещё до того как вошли в кабинет. В общем, я так и заночевал в этой каморке. Только утром, когда уже народ стал приходить, я незаметно смотался.

Я сидела словно каменное изваяние. Ни пошевелиться, ни что-нибудь сказать, даже моргнуть и то не могла. Если всё то, что он сказал, правда...

— Я могу подтвердить свои слова. Я готов это сделать, но только при одном условии.

Он замолчал. На несколько минут в комнате повисла абсолютная тишина и, в конце концов, я не выдержала.

— При каком условии?

— На время пока будет вестись следствие, я хочу увести свою жену и дочку в другую страну. Куда-нибудь подальше отсюда. Я не могу допустить, чтобы с ними что-то случилось.

— Это понятно, — какое будет условие, я уже догадалась. — Сколько вам нужно?

— Не знаю. Я ещё ничего толком не прикидывал. Я вообще не был уверен, надо ли вмешиваться в это дело, но теперь уже вряд ли что-то можно повернуть назад. У меня есть кое-какие свои сбережения, но их явно на всё не хватит. Повторю, я не знаю точно, какая сумма мне понадобится, но с учётом моих личных накоплений, думаю, миллиона должно хватить.

— Миллиона?

— Рублей, конечно.

На несколько минут в комнате вновь повисла тишина. Денис явно ждал моего ответа, а я думала, как мне поступить. Стоит ли игра свеч? Могут ли нам как-то помочь показания этого парня? Могут. Имея лучших в городе адвокатов, помощь следствию Артура и показания этого Дениса, мы получаем реальный шанс доказать невиновность Самсонова. Но вдруг это подстава? Вдруг этот парень всё придумал, чтобы сорвать деньги? Нет, тогда бы он так не шифровался и уж точно не вмешивал во всё это свою семью. В любом случае с ним ведь будут работать адвокаты. А это грамотные и опытные спецы своего дела, они-то уж всяко разберутся, что к чему. Кроме того нашлось столько свидетелей, которые видели драку Бориса и Артура, но ведь нет ни одного человека, который может подтвердить, что в момент

убийства эти двое были в одном кабинете. А значит, показания Дениса могут стать нашим главным козырем в этом деле. Денис — лицо незаинтересованное. Вряд ли он вообще лично был знаком с Артуром, да и в канторе Шахновского по его словам он работает всего три месяца. Выходит, что его показания, это пока единственное за что мы реально можем зацепиться. И как бы там ни было, нельзя упускать такого шанса. Только где взять столько денег? Разве что у папы попросить. Но он итак столько денег тратит и на адвокатов, и на всякие мамины обследования....Значит, есть только один выход. Правда, выход крайне нежелательный для меня.

— Юлия?

Дениса моё долгое молчание явно напрягло. По его глазам я видела, что он уже начал сожалеть о том, что связался со мной. Значит надо действовать немедленно, а то он ещё решит соскочить.

— Я согласна. Вы даёте свои показания, взамен получаете деньги. Только...у меня не получится сразу собрать такую сумму.

Денис напрягся.

— И сколько нужно ждать? Я хотел как можно скорее увезти отсюда своих близких.

— Думаю, недели через две мы сможем...

— Через две недели? Это слишком поздно! Я не могу так рисковать безопасностью своей семьи!

— Вы не дослушали, — я постаралась оставаться спокойной, хотя это было крайне тяжело, когда твой собеседник смотрел на тебя уничтожающим взглядом. — До этого времени я думаю, мы сможем перечислить вам тысяч триста. Я сама жила в другой стране, причём в очень не дешёвой стране, и прекрасно знаю, что этих денег больше чем достаточно для двух недель. Позже мы выплатим вам всю сумму.

— Хорошо, — голос Дениса немного смягчился, но в глазах всё та же тревога. Он действительно напуган. И напуган сильно. — Только скажите, можно ли как-то обойтись без суда? Я могу подписать всё бумаги, которые вам нужно, но суд...

— Если честно, я в этом мало, что понимаю. Думаю, вам лучше поговорить с нашими адвокатами.

— И когда это будет возможно сделать?

— В любое удобное для вас время. Было бы просто замечательным, если бы вам удалось встретиться с ними уже сегодня.

Денис вновь напрягся. Я видела, что он мне не доверяет или по крайней мере относится с очень большой опаской.

— А кто ещё будет присутствовать на этой встрече?

— Думаю, что мой отец, ну и я, конечно.

После несколько минут раздумий, мужчина ответил:

— Хорошо, но только встреча должна проходить в каком-нибудь закрытом месте. Не хочу светиться до того момента, пока моя семья не будет в безопасности.

Я достала из сумки ручку с блокнотом, выдрала один листочек и, начеркав на нём нужный адрес, протянула его Денису.

— Адрес ресторана моего отца. Это частное заведение, открыто только для партнёров и друзей моего папы, там не бывает ненужных людей.

Когда я уходила, уже в самых дверях я столкнулась с вошедшей в квартиру девушкой. Судя по всему женой Дениса. Больше задерживаться в этом доме я не стала. Тем более что у

его обладателей теперь и без меня проблем выше крыши.

Выскочив на улицу, я тут же набрала номер одного из адвокатов.

— Аристарх Генрихович, здравствуйте, это Юлия. Я хочу предупредить, что наши планы немного меняются. Хотя, наверное, не немного, а я бы сказала, кардинально меняются. Нет, сегодняшняя встреча состоится, но готовить документы об отказе от наследства не нужно. Я передумала. Да, я хочу вступить в права наследства. И ещё...я нашла свидетеля, который видел и может подтвердить, что Артур не причастен к убийству Волконского.

* * *

— Значит, говоришь, она приходила в офис?

Мужчина развалился в кресле, прикурив сигарету.

— Совершенно верно. Расспрашивала всех о том дне, когда произошло убийство. Ну, естественно с ней никто не стал разговаривать.

— А ты уверен?

Шахновский строго глянул на своего собеседника, однако мужчина в строгом чёрном костюме, примерно одного возраста со своим начальником совсем не растерялся, наоборот, уверенно поправил съехавшие на нос очки, как бы показывая свою решительность. И действительно, Анисимов был одним из немногих людей, которыми дорожил Шахновский. Этот мужчина всегда хорошо знал свои обязанности и безупречно с ними справлялся.

— Абсолютно. Я лично за всем проследил.

— Значит, повода волноваться нет?

— У таких людей как мы с вами повод для волнения есть всегда. К тому же по вашему указанию я проследил за девушкой. Сразу после того как она вышла из офиса, она направилась к какой-то старой пятиэтажке, совсем недалеко отсюда. Посидела на лавочке возле крайнего подъезда минут десять, а потом мимо неё прошёл какой-то парень, и она тут же заскочила в дом. Этот парень показался мне смутно знакомым. Возможно, он работает у нас. Какой-нибудь очень неприметный персонаж. Вышла девушка на улицу минут через тридцать. Кому-то позвонила и после этого на автобусе поехала к себе домой.

Шахновский выдохнул серый клубок дыма, потушил сигарету о пепельницу и буквально через пару секунд его руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Вот сучка, всё никак не уймётся. Разузнай всё о том парне, с которым она встречалась и сразу же доложи мне. За девчонкой установить тотальный контроль. Я должен знать о каждом её шаге, о каждом вздохе.

— Будет сделано, — Анисимов снова поправил окуляр очков и тихо предложил. — Скажите, если она так мешает, почему бы её...

— Нет. Её отец не последний человек в этом городе. Он из-за Артура такой кипишь поднял, хотя насколько я знаю, они были не очень близки. Тронем дочь — здесь такая резня начнётся. Да и не к чему это пока. У меня в запасе есть пару козырей, которые могут заставить эту потаскушку не рыпаться, — Шахновский открыл первый ящик стола и с кривой усмешкой окинул взглядом фотографии, те самые, которые ещё недавно ему вручил покойный Волконский. «Хоть какая-то польза от этого идиота». — Ты вот что, устрой-ка

мне встречу с этой любознательной особой.

* * *

— Каким местом ты думала? Куда чёрт подери, подевались твои мозги? На кой хрен ты попёрлась к нему? Он мог оказаться кем угодно! Он к дьяволу мог тебя изнасиловать, убить...

Игорь резко замолчал, сжав руки в кулаки. Первый раз ему невыносимо сильно хотелось ударить собственную дочь. Ну, вот есть у неё рассудок или нет? Неужели сама не понимала, как она рискует. От одной мысли, что с ней мог сделать совершенно незнакомый мужик, у Самсонова всё мутнело перед глазами.

— Папа, ну прости. Да признаю, я не подумала. Но ведь у меня совершенно не было времени. Если бы...

— Никаких «если бы». Всё, я больше не хочу ничего слышать! Но имей в виду, если я ещё хоть раз узнаю, что ты выкинула подобный фортель, задушу собственными руками!

Юля улыбнулась и, дождавшись пока отец более-менее успокоится, обняла его со спины.

— Обещаю, больше такого не повторится. Папуль, так что там, насчёт этого свидетеля? Я созванивалась с адвокатами, встреча назначена на три часа. Что мы будем делать?

— Кто это «мы»? Разбираться со всем этим буду я вместе с командой опытных профессионалов. Ты в это дело больше не вмешиваешься.

Юля тут же отпрянула от отца и уже было хотела начать возмущаться, но Самсонов резко и в достаточно грубой форме её перебил.

— Ты уже итак достаточно накуролесила. Больше даже носа не смей совать во взрослые дела. Это, в конце концов, опасно. А тебе теперь не только о себе думать надо. Так что, начиная с сегодняшнего дня, ты будешь готовиться стать примерной мамочкой. Книжки там разные читай, запишись на какие-нибудь специальные курсы, чаще бывай на свежем воздухе. Если хочешь, я могу отправить тебя в хороший санаторий.

— Не хочу! Хватит всё за меня решать, я уже не ребёнок! Я хочу...

— Да мне до фонаря, что ты хочешь, — вспылал мужчина, но заметив промелькнувший в глазах дочери страх, заставил себя успокоиться и больше не повышать голоса. — Я в этом доме ещё пока главный и будет, так как сказал я. Не ребёнок говоришь? Да, ты действительно не ребёнок, ты маленькая лялька, которая ещё соску должна грызть. Я уже сказал, что больше ты в это дело вмешиваться не будешь. Иначе в противном случае ты просто вынудишь меня принять совсем нежелательные меры. Я поставлю на окна твоей комнаты решётку и с тобой постоянно будут находиться телохранители, которые будут следить за каждым твоим шагом. Ты знаешь, я могу это сделать, поэтому веди себя разумно и возмись, наконец, за ум. Ты матерью скоро станешь, а ведёшь себя как взбалмошная девчонка. Всё хватит в детективов играть.

Юля обиженно закусила губу, сжала ладони в кулаки, но возразить не посмела. Отец был прав. Своим любопытством она могла сделать только хуже.

— Хорошо, я больше не буду в это вмешиваться. Только папа, я хочу встретиться с Артуром, ты ведь можешь это устроить.

— Ты виделась с ним совсем...

— Да я знаю, просто, — нервно закусив губу, Юля заплакала краской. Что ей сказать? Что она соскучилась? Что каждый день без него подобен пытке? Так ведь неудобно такое отцу говорить, тем более что ещё недавно они с Артуром числилась как двоюродные брат и сестра. — Мне очень нужно его увидеть. Поможешь?

Самсонов притянул к себе дочь, поцеловав ту в макушку.

— Горе ты моё, ну куда я денусь? Попробую всё устроить, но обещать не буду, — тяжело вздохнув, мужчина поколебался ещё несколько минут, не зная, стоит ли говорить об этом именно сейчас, но в итоге всё-таки спросил. — Скажи, почему ты не сказала мне, что Руслан умер?

Юля нахмурилась, слегка отстранившись от отца. «Наверное, адвокаты всё-таки проболтались».

— Зачем? Он чужой нам человек.

Игорь был растерян. Его удивили слова дочери. Не то, чтобы он думал, что Юлька будет называть Синельникова «папой», но и такой категорично-яростной реакции тоже не ожидал. Хотя нельзя сказать, что она его не радовала.

— А про завещание, почему молчала?

Глаза девушки гневно сверкнули. «Ну, Аристарх Генрихович...убью! Хотя всё равно ведь самой бы пришлось рассказывать...».

— Потому, что думала, что не буду вступать в права наследства.

— Что значит думала? А сейчас разве что-то изменилось?

— Я ведь уже говорила, что свидетель потребовал за свои показания миллион рублей. Мне казалось, что у нас сейчас нет такой крупной суммы...

— Деньги всегда можно найти, это не проблема, — Игорь нахмурился, глянув на циферблат наручных часов. — Ладно, потом с этим разберусь. Сейчас поеду в офис, хоть поработаю немного. А-то потом у нас действительно уже ни на что не останется денег. А ты давай займи себя чем-нибудь. Книжку почитай, фильм посмотри, с Полинкой вон прогуляйся. И помни, ещё раз куда-нибудь всунешься, твоя комната станет твоей тюрьмой. Это понятно?

— Понятно.

Обречённо вздохнув, Юля проводила отца до дверей.

* * *

Как только папа ушёл, я вернулась в свою комнату и действительно попыталась себя чем-нибудь занять. Только никакая книга мне не лезла, интернет по-страшному тормозил, а Полинка как всегда зависала с Олегом. Я решила прогуляться по городу и во избежание соблазна оставила мобильный дома. Правда, насладиться хорошей погодой я не смогла. Меня так и разъедало любопытство. Ну, вот где справедливость? Ведь это я нашла свидетеля, я жду ребёнка от мужчины, который сейчас сидит в СИЗО, и на основании этих двух пунктов я имею полное право участвовать в этом деле. Но кто меня слушать будет? Я ведь девушка и не должна лезть в дела взрослых дядечек. Так-то оно так...но убедить себя в этом у меня никогда не получится. Тем более, Артуру сейчас как никогда нужна поддержка, я не могу оставаться в стороне. С ним рядом осталось только три человека: мой папа, его мама и я. Хотя меня до сих пор злоба берёт, из-за того, что его отец не принимает во всём этом

никакого участия. Точнее, он вроде как-то помогает моему папе материально, но сам тусит где-то в Европе, налаживает связи по бизнесу и наверняка развлекается с очередной любовницей. Козлина. А ведь ещё лет десять назад он был совсем не таким. Я помню, как трепетно он относился к своей жене и заботился о детях. Да, всё-таки удивительно, что большие деньги делают с людьми. Из-за них и о близких забываешь, и порой даже убийцей стать готов, чтобы только не упустить лишнюю копейку.

За своими размышлениями, я не заметила, как обошла весь двор и вновь вернулась к своему дому. Решила на этом закончить прогулку и немного отдохнуть. Я уже даже было собиралась в подъезд войти, как прямо возле меня остановилась чёрная иномарка с тонированными стёклами. Хотя я и не особо в машинах разбираюсь, но автомобиль был явно дорогой. Через несколько секунд, опустилось одно стекло, и я чуть было дар речи не потеряла, когда встретилась взглядом с Шахновским.

— Здравствуйте Юлия. Решили прогуляться?

Голос у этого скотины был весёлый, настроение явно приподнятое. Ну, ничего, совсем скоро он уже не будет так лыбиться.

— Вас это не касается. Что вы здесь делаете? Следите за мной?

— Ну что вы. Просто проезжал мимо, увидел вас и уже не смог отвести взгляда от такой очаровательной девушки. Может, проедем в какое-нибудь местечко? Посидим, пообщаемся.

У меня аж дух захватило от такой наглости. Я не сразу сообразила, что ответить.

— Проезжали мимо? Вот и проезжайте дальше.

Я развернулась и хотела поскорее забежать в подъезд, но Шахновский окликнул меня. На этот раз его голос был абсолютно серьёзен.

— Я хотел поговорить о вашем брате. Думаю, вам интересно узнать подробности того дня. Я могу вас в них посвятить. Только не здесь. Садитесь в машину.

Я молчала, всё также не оборачиваясь. В голове всплыла единственно разумная мысль: надо уходить! Срочно! Я не могу сесть в машину к этому человеку, тем более что я обещала папе...

— Вы слишком долго думаете, у меня нет так много времени. Либо садитесь, либо я уезжаю. Только знайте, ещё одного шанса может и не быть. Я два раза не предлагаю.

Знаю, что ненормальная. Знаю, что меня камнями нужно закидать или как минимум действительно запереть в комнате и приставить круглосуточных надзирателей, но чёрт подери я села в машину. Дрожащими руками распахнула дверцу и заползла внутрь.

— Поехали.

После того как Шахновский железным тоном дал указания водителю машина тронулась с места. Надо сказать, что я ещё толком даже не успела испугаться, как мужчина первым начал разговор.

— Мне сообщили, что вы сегодня были в моей компании. Зачем? Вы кого-то искали?

Несколько секунд я думала, что ответить. Говорить о том, что я не только искала, но и нашла того кого хотела, без лишних объяснений понятно, что нельзя.

— Хотела расспросить ваших сотрудников о том дне, когда убили Бориса Волконского, — ни словом не соврала я. — Но я так ничего и не смогла узнать, потому что со мной никто не захотел говорить.

— В этом нет ничего удивительного, — усмехнулся Шахновский, а я тайком бросила взгляд на переднее стекло, попытавшись рассмотреть, где мы сейчас едем. Если мои познания в окрестностях родного города меня не подводят, то мы сейчас были где-то в

центре, и это помогло мне немного расслабиться. Наверное, если бы меня хотели похитить или убить, мы бы уже направлялись в сторону леса. — Будний день, да ещё и утро, у всех полно работы. А правила у нас в компании жёсткие: не сдал свой проект вовремя — с вещичками на выход. Но я также хорошо понимаю и вас. Убийство Бориса просто ужасная трагедия. Кроме того, насколько мне известно, вы были не чужими друг другу людьми. Я слегка покраснела, но постаралась не выдать своих эмоций. Что же, вовсе не удивительно, что Шахновский знает о том, что у нас с Борисом были отношения.

— Да, когда-то нас с Борисом действительно связывали близкие отношения...

— Даже слишком близкие. Многие шептались, что Волконский слишком серьёзно вами увлёкся. И его можно понять, мало, кто может устоять перед такой красотой. Некоторые даже думали, что он собирался на вас жениться. Только вот, к сожалению, ему мешал уже один красующийся в паспорте штамп, — Шахновский говорил совершенно спокойно, без капли ехидства в голосе, благодаря чему можно было сделать вывод, что этот мужчина виртуозно умеет скрывать свои эмоции. Чего нельзя сказать обо мне. Я из последних сил сдерживалась, стараясь не поддаваться на его провокации. — Но вы не думайте Юленька, я вас нисколько не осуждаю. В конце концов, это просто не моё дело. Каждый имеет право на свою личную жизнь.

— Вы правы, это не ваше дело, — ума не приложу, какими силами мне удавалось держать голос ровным. Больше всего на свете мне хотелось растерзать этого ублюдка, но сейчас я была на его территории и в его власти. Пускай пока автомобиль Шахновского блуждает по людным улицам, но кто знает, куда он завернёт через секунду? — Кроме того мои отношения с Борисом закончились уже очень давно. Уже года два нас абсолютно ничего не связывает.

— Правда? А мне помнится, что ещё совсем недавно вы работали в его компании. Кстати после этого всё и началось.

— О чём вы?

— Ну как же, именно после вашего ухода из компании Бориса, начались все эти происшествия.

Я совершенно не понимала, о чём он говорит. Причём здесь я?

— Что вы имеете в виду?

— После того как вы уволились и уехали в Норвегию, выяснилось, что копания Бориса понесла большие убытки. Появились множество документов, которые свидетельствовали о крупных финансовых махинациях. И по какому-то неведомому совпадению на всех этих бумагах стояли ваши подписи. Сказать по-правде Борис собирался подать на вас в суд, мне еле удалось убедить его подождать, по крайней мере до тех пор, пока мы сами во всём не разберёмся. Собственно именно для этого я вызвал в тот день вашего брата. Думал, может он что-то знает. Насколько мне известно, вы очень близки с Артуром.

Моё терпение было уже на самом пределе. Я разрывалась между двумя желаниями: убить себя, за то, что совершенно не умею контролировать свои эмоции или пробить голову Шахновскому. Этот скотина, похоже, знает всё о моей жизни. Ведь сейчас он совершенно явно намекает на то, что он в курсе наших отношений с Артуром....Но как? Откуда он мог об этом узнать?

— О чём знает? Я не понимаю, о каких махинациях вы говорите?

— О тех самых, в которых теперь обвиняют вашего брата. Когда он увидел эти бумаги, он сначала бросился на Бориса с кулаки. Собственно именно эту драку видела половина

офиса. А потом, когда мне еле как удалось их растащить, Артур вдруг начал говорить, что это он всё подстроил. Он из личной неприязни к Волконскому портил дела в его компании. Артур также сказал, что вы здесь совершенно не причём, и что вы вообще ничего об этом не знали. Всё-таки ваш брат вас очень любит.

Вот сейчас я была уже на грани. Теперь мне кажется, стало понятно, что именно произошло. Шахновский вместе с Волконским подделал какие-то документ, выставив всё так, чтобы я казалась мошенницей. И моё увольнение с последовавшим уездом из страны им, несомненно, в этом помогло. А потом они вызвали Артура и показали ему эти бумаги. Зная Самсонова меня, совсем не удивляет, что он надавал Волконскому по роже. А дальше всё пошло исключительно по схеме Шахновского. Наверняка это он заказал убийство Бориса и подстроил всё так, чтобы все подозрения пали на Артура. Только вот зачем? Чем ему так помешал Артур? Скорее всего, он просто был пешкой Шахновского. И именно с помощью Артура этот ублюдок хотел прикрыть свои грязные делишки. Засадить в тюрьму Артура, чтобы самому туда не попасть. Гнида.

— Остановите здесь.

Шахновский усмехнулся, но дал сигнал водителю, чтобы тот затормозил.

— По-видимому, больше нам с вами не удастся увидеться наедине, поэтому я хочу прямо сейчас всё расставить по местам. Юлия, вы не глупая девушка, сами должны понимать, что ваш брат итак вляпался дальше некуда. Уверен, что попади судье фотографии, на которых вы с Артуром...делаете то, что считаете аморальным в отношениях между братом и сестрой, ему уже вряд ли могут помочь даже самые лучшие адвокаты в городе. Но я уверен, что судья не получит эти фотографии, ведь у всех есть скелеты в шкафу и совсем необязательно выставлять их на всеобщее обозрение. Надеюсь, вы поняли меня правильно.

Открыв дверь своим ключом, я на семи ветрах вбежала в квартиру и чуть не сбила с ног, вышедшего в коридор отца.

— Юлия, в чём дело? Куда ты так мчишься?

Чёрт, не думала, что папа вернётся так рано...Сейчас я совсем не готова к расспросам родителя. После встречи с Шахновским хочется обдумать всё наедине. Хотя может и хорошо, что папа уже вернулся...

— Ты уже вернулся? А я вот решила прогуляться, пока тебя не было. Ну как всё прошло? Что сказал Денис?

Папа усмехнулся, и по его глазам я сразу поняла, что все мои надежды, хоть что-то разузнать безрезультатны.

— Мы, кажется, договорились, что ты больше не будешь вмешиваться в это дело. Юля, ты всё равно не сможешь ничем помочь, поэтому не суй сюда свой любопытный носик ладно?

— Ладно. Но тогда, взамен на моё бездействие, ты должен устроить мне встречу с Артуром.

— Это, что шантаж? Папа прищурился, стараясь казаться строгим, но в его глазах проскальзывала добрая усмешка.

— Нет, просьба. Но ты ведь мне не откажешь?

Я прижалась к папиной груди, и мои плечи тут же стиснули сильные родительские руки.

— Ты и твоя мать, единственные кому я никогда не смогу отказать. Тем более что всё

уже устроено. Встретишься ты со своим неоглядным в конце этой недели. Извини, но раньше никак.

Что же, в конце недели, та в конце недели. Во всяком случае, это лучше чем ждать ещё месяц. Тем более что мне до ломоты в костях нужно увидеть Артура. Хотя бы просто увидеть...

Спустя пять дней

— У вас не больше получаса, — отрапортовать конвоир и быстро скрылся из виду.

С трудом справляясь с разъедающим душу волнением, дрожащими руками я потянула ручку двери и еле как заставила себе переступить порог комнаты. Как только я увидела Артура, стоящего в нескольких шагах от меня, сильно похудевшего и заросшего щетиной, моё сердце болезненно сжалось. Яд, пропитанный жалостью и дикой тоской, всего в несколько секунд растёкся по моим венам. Битва взглядами продолжалась недолго. Артур в два шага преодолел разделявшее нас расстояние и тут же притянул меня к себе, зарывшись лицом в мои волосы. В одну секунду у меня перехватило дыхание. Его близость вызвала цунами, ураган, сносящий всё на своём пути желаний. Прошло не так много времени с нашей последней встречи, а я уже обезумела, истосковалась по нему.

Вдохнув в себя запах моих волосы, Артур вдруг резко оторвался от меня, нежно проведя ладонью по моему лицу.

— Неугомонная. Ты ещё более сумасшедшая и безрассудная чем я.

Он наклонился к моему лицу, несколько секунд помедлил, как бы спрашивая разрешения, а у меня уже окончательно снесло крышу. Я обхватила ладонями его шею и впиалась в его губы диким, яростным поцелуем. Наверное, он слегка опешил, но уже через несколько секунд вошёл во вкус и отвечал мне с тем же напором, с той же страстью. А мне было уже мало одного поцелуя. Я так изголодалась по его ласкам, по его грубой нежности, по его телу. В каком-то диком порыве я начала стягивать с него футболку, и он вдруг резко оторвался от меня, с усмешкой заглянув в мои глаза.

— А ты и вправду скучала, — прислонившись лбом к моему лбу, Артур вновь зарылся ладонью в мои волосы, окончательно растрепав причёску. — Как ты живёшь без меня? Как проводишь дни? С кем общаешься? Признайся, ты изменяла мне?

— Конечно, — мне всё-таки удалось стянуть с него футболку, и теперь я с жадностью начала прокладывать дорожку влажных поцелуев на его груди, спускаясь всё ниже и ниже. — Я успела завести уже троих любовников.

Артур зарычал сквозь стиснутые зубы, когда я забралась за пояс его штанов и сжала пальцы на его затвердевшем, жаждущем ласк члене.

— Думаешь разозлить меня? Не выйдет, малыш. У тебя ничего не получится.

— Правда? — я прислонилась губами к его плоти, при этом направила обезумевший от страсти взгляд прямо на Артура. — А если я скажу, что с ними, мне было куда лучше, чем с тобой?

Артур резко поднял меня с колен и в считанные секунды усадил на стол, устроившись между моих ног. Он с такой силой сжал пальцы на моей талии, что я вскрикнула, но скорее не от боли, а от безумной волны возбуждения. Дикая тянущая волна желаний сковала мой живот. Трусики были уже настолько мокрыми, что их смело можно было выжимать.

— Ты что творишь? Моего титанического терпения не хватит надолго. Я ведь могу не сдержаться и потерять над собой контроль.

От его хриплого голоса я не смогла сдержать вырвавшегося из моей груди стона, полного неудовлетворённого желания. В ответ последовал приглушённый звериный рык. Задрав мне платье, Артур отодвинул полоску трусиков и сжал большой палец на затвердевшем бугорке. В эту секунду я уже не смогла сдержаться. Я до крови прикусила нижнюю губу, и начала ерзать на жёсткой поверхности стола, изнывая от желания почувствовать в себе его плоть.

Артур спустил штаны вместе с боксёрами. Теперь он вводил головкой члена возле самого входа во влагалище, и я уже не стонала, я скулила в его, накрывающую мои губы ладонь.

— Нас могут услышать, — хрипло прошептал он, и это был последний довод, который мог остановить это безумие. Но сейчас ни я, ни Артуру уже не были на это способны.

Опрокинув меня на стол, Артур высвободил мои груди, жадно сжав их ладонями, и в эту же секунду ворвался в меня с такой силой, что я выгнулась ногой, вцепившись зубами в свою руку, ведь это был единственный шанс не оглушить диким воплем всё здание. Артур не дал мне передохнуть, он начал вколачиваться в меня с каким-то диким остервенением, и с каждым его толчком, он всё сильнее и сильнее сжимал мои колышущиеся груди, оставляя болезненные следы на нежной коже. Я знала, что нельзя кричать. Но так дьявольски трудно было сдерживать рвущиеся из груди вопли. Артур брал меня с диким напором, не щадя, не нежничая. Но никакие ласки и прелюдии мне не были нужны. Я хотела ещё сильнее, ещё глубже... И я знала, что долго это не продлится. Слишком долго мы сдерживались. Слишком долго не было близости. Поэтому, когда Артур, сквозь стиснутые зубы сделал последний судорожный толчок, я забилась в тех же конвульсиях, что и он. Из моих глаз катились слёзы. Я чувствовала себя испитой до последней капли. И так будет всегда. Каждый раз с ним лучше предыдущего.

Мы смогли успокоиться и более-менее привести себя в порядок, поправив съехавшую одежду только через несколько минут. И сразу же, как только я разгладила складочки на платье, Артур вновь привлек меня в себе. Я даже испугалась, когда увидела сверкающее в его глазах волнение.

— Извини, — Артур всё ещё прерывисто дышал, судорожно глядя ладонью мою спину. — Прости, я не должен был вот так на тебя набрасываться. Мы, наверное, ему помешали.

Артур положил ладонь на мой живот, и только тогда я поняла, в чём дело. Губы сами по себе расплылись в улыбке.

— Не помешали. Всё нормально. Я ведь уже была у врача, он не запретил.

Артур хрипло рассмеялся, ещё крепче сжав меня в объятиях.

— Какая же ты неутомонная. Готова понапихать взятки кому угодно, лишь бы только заняться со мной сексом. Я так сильно тебя возбуждаю?

После этих слов он сразу же получил подзатыльник.

— Не льсти себе. Просто все мои любовники разъехались, вот и пришлось воспользоваться запасным вариантом.

Я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть, когда Артур с силой шлёпнул меня ладонью по попе.

— За что? Я ведь пошутила.

— Я не против шуток. Я против того, чтобы ты совала свой носик, куда не следует.

Наверное, я сейчас походила на ребёнку, но я всё же обиженно надула губы.

— С папой моим сговорился? Какие же вы мужики невыносимые. Считаете, что только вы можете решать серьёзные дела, а у нас — у женщин, для этого мозгов маловато.

Артур рассмеялся, уткнувшись носом мне в шею.

— Мы вас — женщин, бережём, ведь вы — самое дорогое, что есть у нас в жизни. Но что-то мне подсказывает, что, невзирая на все запреты, ты всё равно засунешь свою любопытную задницу во все щели.

— Ничего подобного. Я целыми днями только и занимаюсь подготовкой к будущему материнству. Честное слово.

Когда время истекло, конвоиру пришлось буквально выпихивать меня за дверь. До самого выхода из здания меня провожали насмешливыми взглядами. Да, наверное, обо мне сложилось весьма понятное мнение, да и пусть. Я всё равно не перестану приходить к Артуру.

Как только я вышла за территорию СИЗО, в моей сумочке сразу завибрировал мобильный. На дисплее высветилось имя адвоката, точнее моего тайного агента. Я стала доплачивать ему, чтобы он сливал мне всю информацию. Как бы там ни было я всё рано должна быть в курсе событий.

— Здравствуйте Юлия Игоревна. Несмотря на наше сотрудничество, я долго сомневался, стоит ли вам говорить...Вообщем несколько часов назад на Дениса Амирханова, нашего свидетеля, было совершено покушение. Он сейчас находится в реанимации в критическом состоянии.

Я около трёх часов ёжилась под дождём у дверей больницы, не решаясь войти. Машина отца всё это время стояла у здания. Если бы он меня здесь увидел, он бы сразу понял, что я продолжаю лезть не в своё дело. Хотя разве это не моё дело? Я замешена в нём больше чем кто-либо другой. Но папе это вряд ли объяснишь. Да и не стоит этого делать.

Когда отец отъехал на своей машине от больницы, я сразу же забежала внутрь здания, но моим надеждам хоть что-то разузнать о случившемся, не суждено было сбыться. Врач наотрез отказался со мной разговаривать. Видите ли я не родственница больному. Можно подумать мой отец ему родственник, а уж ему-то этот толстопузый лысый дядька в белом халате наверняка всё рассказал. Пришлось добывать информацию привычным способом. Я вытрясла последнюю мелочь из кошелька, чтобы заставить медсестру разговаривать. Правда, много я так и не узнала. Мне сообщили только то, что Денис лежит в реанимации с двумя огнестрельными и оба в грудную клетку. Мужчина чудом остался жив и, наверное, он родился под счастливой звездой, потому что его состояние из критического перешло в стабильно тяжёлое. Хотя это, наверное, не особый повод для радости.

Всю дорогу до дома, я изводила себя мыслями, что сегодня из-за меня мог погибнуть ни в чём неповинный человек. Ведь ясно дело, что его хотели убрать как свидетеля. Но вопрос в том, как его так быстро вычислили? С папой и с адвокатами Денис всегда встречался в закрытых местах, где просто не могло быть посторонних людей. Выходит люди Шахновского установили слежку либо за мной, либо за папой, либо за адвокатами. Чёрт, час от часу не легче. Наверное, я уже не удивлюсь, если найду маячок у себя в сумке. Дьявол, а игра становится всё опасней и опасней. Но с другой стороны, если Дениса пытались убрать, значит, он представляет реальную опасность для Шахновского. А из этого следует вывод, что мы на правильно пути и свидетельские показания дают нам реальный шанс вытащить

Артура из тюрьмы. А значит, нельзя останавливаться. Но только теперь надо быть куда осторожней. Дениса надо беречь как зеницу ока. Любой «несчастный случай» будет на нашей, а в частности на моей совести. Но к счастью, если медсестра ничего не перепутала, к палате Дениса приставлены люди отца. Надеюсь, им удастся отгородить нашего единственного свидетеля, от какой бы-то ни было опасности.

Открыв подъездную дверь своим ключом, я уже хотела было войти в дом, но меня окликнули. Причём на чистом английском. Но это была не Кэтрин. Когда я обернулась, я увидела в нескольких шагах от себя совершенно незнакомую мне женщину. Бесспорно красивую женщину, возрастом, наверное, чуть моложе моей мамы и она была одета во всё чёрное. Догадка пронзила меня молниеносно. Ещё до того, как леди в чёрном начала со мной говорить.

— Ты Юлия, верно? Я ведь не ошиблась?

Отрицательно помотав головой, я чуть было не вздрогнула, когда увидела, как в глазах незнакомки загорелась просто невероятная ненависть. Ненависть ко мне.

— А я Анна. Анна Синельникова, жена Руслана. Мы можем поговорить?

По её голосу я совершенно точно понимала, что женщина сдерживается из последних сил. Вероятно, разговор со мной на спокойных тонах ей даётся очень нелегко.

— Конечно, — на несколько секунд я задумалась, где нам устроить встречу. Пригласить её домой? Но мне, что-то не очень хочется, чтобы папа с ней встречался. — Давайте посидим где-нибудь? Здесь за углом есть замечательный...

— Я не собираюсь с вами никуда идти, — голос ровный, но пробирает до дрожи. Мне даже не по себе стало. — Мы с вами можем выяснить всё прямо здесь.

Я кивнула на лавочку, но женщина отрицательно помотала головой. Вот в это мгновение я поняла, что настроена она более чем враждебно.

— Я хочу задать вам только один вопрос: вам вообще знакомо такое слово как «совесть»? Или вы его в принципе не знаете?

Нет, я всё же ошибалась. Анна была настроена ко мне не просто враждебно, она смотрела на меня как на самого заклятого врага и бесспорно у неё есть на то причины.

— Мой ответ на этот вопрос, вам что-нибудь даст? Может, сразу перейдём к главному? Вы ведь хотите поговорить со мной насчёт наследства вашего мужа?

— А я не собираюсь об этом разговаривать. Ни копейки ты не получишь, мерзавка, и точка!

Я понимала, что в ней сейчас говорит обида и поэтому старалась максимально сдерживаться.

— Ну, это уже не вам решать. По закону...

— По какому такому закону?! — женщина вскрикнула, и чуть было не поддалась вперёд, но какими-то просто невероятными усилиями самообладания смогла удержаться на месте. — Сколько ты знала Руслана? Несколько недель максимум? И после этого ты претендуешь на треть его состояния и наверняка уже «папочкой» называешь?

— Я у вас ничего не ворую. Ваш муж сам так решил. А насчёт отца, так он у меня один. Тот, кто меня вырастил и воспитал.

— Вот пусть он тебя деньгами и снабжает. Какого чёрта ты вообще смеешь соваться в нашу семью? Ты наглая мерзкая лицемерная сучку. И я уверена, твоя мать абсолютно такая же...

— Замолчите, — я сжала руки в кулаки и теперь уже сама из последних сил сдерживалась, чтобы не наброситься на женщину. — Вы не знали мою маму и не смеете о ней ничего говорить.

— Я не знала? Я не смею? Да я имею полную право плюнуть ей в лицо, и посмотрим, кто решится меня осудить!

Мне пришлось глубоко вздохнуть и мысленно досчитать до десяти, чтобы заставить себя хоть как-то сдерживается. Конечно, я понимала чувства Анны, но они никак не оправдывали оскорбления в сторону моей мамы.

— Сколько лет вы женаты со своим мужем? Двенадцать, насколько мне известно? А я родилась двадцать два года назад. Улавливаете разницу? Десять лет. Да, я уверена вы тогда ещё не были даже знакомы с Русланом. Так что моя мама не сделала вам ничего плохого.

Внезапно женщина истерически расхохоталась. В какой-то момент я даже испугалась, что ей сейчас будет плохо.

— Не сделала мне ничего плохого? Твоя мать не сделала мне ничего плохого? Да она всю жизнь мне отравила. Она подлая и лицемерная тварь, которая на протяжении стольких лет была любовницей моего мужа. Да, ты действительно родилась уже больше двадцати лет назад, но на этом их связь не закончилась. Он постоянно созванивался с ней, переписывался. Несколько раз, по крайней мере те, о которых я знаю, твоя мать даже приезжала к Руслану. Мой муж всегда изменял мне с этой...а я ничего не могла сделать. Потому что любила его до безумия и всегда всё ему прощала. Но тебе не понять, какого это знать, что у твоего мужа есть любовница, что человек, которого ты безмерно любишь, тебя предаёт. Тебе ничего этого не понять. Потому что ты всегда жила и будешь жить за спинкой у своего папочки, который наверняка тебя и замуж за какого-нибудь выгодного мужика выдаст. Такая как ты не может знать, что такое настоящая любовь. Всё на чём ограничивается твоя жалкая сущность — деньги. И знай, ничего ты не получишь. Я всю Германию на уши подниму, но ты ни копейки с собой не увезёшь. А иначе...я просто в порошок тебя сотру, тварь. Можешь считать это прямой угрозой.

Женщина исчезла также внезапно, как и появилась. Я даже толком не успела прийти в себя, когда она села в такси и уехала в неизвестном направлении. Ещё несколько минут я продолжала, словно окаменевшая статуя стоять возле своего подъезда, не произнося при этом ни слова. До меня всё никак не мог дойти смысл слов этой...Анны. Что вообще за бред она несла? Её слова однозначно не имеют ничего общего с правдой. Такого просто не может быть! Моя мама не могла...она не могла так поступить с папой, со мной, со всей нашей семьёй, чёрт возьми. Я могла понять её измену отцу, которая произошла уже больше двадцати лет назад. Хотя бы, потому что мама тогда была слишком молода, в двадцать лет все мы совершаем ошибки, тем более что я родилась именно благодаря этой ошибке. Но слова Анны...моя мама и Руслан...нет, они не могли быть любовниками! Не знаю, какие там отношения были между Анной и её мужем, но мои родители любят друг друга. Они очень счастливы, я в этом никогда не сомневалась. Да и к тому же, если слова Анны правдивы и моя мама действительно была...любовницей Руслана, зачем бы она тогда вышла замуж за моего отца? Зачем она жила с ним столько лет? Зачем решила завести с ним ещё одного ребёнка? Нет, эта женщина бредит. Возможно, она действительно сильно любила своего мужа, и её задевало, что где-то там, далеко, у него есть ребёнок, о котором он не забывает. Ведь Руслан высылал мне подарки. И он действительно поддерживал связь с моей мамой...но я больше чем уверена, что их общение было вынужденно. И я — единственное,

что их связывало. Никакой любви.

Но, несмотря на полную уверенность в том, что моя мама не предавала отца и все слова Анны либо грязная ложь, либо просто плод её бурных фантазий, в квартиру я всё равно вошла с опущенными в пол глазами. Не знаю почему, но я стыдилась поднять взгляд на отца. И когда он вышел в коридор ко мне навстречу, как всегда крепко обнял и поцеловал меня в макушку, мне стало ещё более не по себе. И я не сдержалась. Решила всё-таки не утаивать от папы, что произошло буквально несколько минут назад.

— Пап, я сейчас встретилась с Анной. Женой Руслана.

Глаза отца расширились от удивления. Несколько секунд он молчал, а потом полным недоумения голосом произнёс:

— Как ты могла с ней встретиться, если она живёт в Германии?

— Она приехала сюда. И всего пару минут назад стояла у подъезда нашего дома.

Папа был в растерянности. Его взгляд говорил о том, что он совершенно ничего не понимает.

— Зачем? Что она от тебя хотела?

Я молчала. Я просто не знала, что мне ответить. Сказать правду или лучше будет промолчать? В последнее время на нашу семью итак столько всего свалилось, а в большей части неприятностей, которые теперь нам всем приходится расхлёбывать, виновата я. Тогда может не стоит ещё больше усугублять ситуацию и накручивать отца лишними проблемами? Тем более что я совершенно не уверена в словах Анны.

— Хотела поговорить со мной о наследстве. Точнее она уложила всего в несколько минут, доходчиво объяснив мне, что она скорее горло себе перережет, чем даст мне, хотя бы копейку из состояния её мужа.

Внезапно отец расслабился, я заметила, что складочки на его лбу разгладились, а во взгляде появилась даже своего рода усмешка.

— Понятно. Что же, здесь нечему удивляться. В какой-то степени я её даже понимаю. Если она ещё раз появится, скажи....Хотя нет, ничего не говори. Я сам всё утрясу. Тебе только надо будет подписать бумаги на отказ от наследства.

Теперь пришёл мой черёд впадать в полное непонимание.

— На отказ? Но папа, а как же свидетель? Ведь он...

— Я в курсе, что он хочет за свои показания. И поверь, миллион рублей для меня не такие уж баснословные деньги. Тебе незачем вступать в права наследства, чтобы заплатить Денису. Я сам решу все проблемы.

— Но ты уверен...

— Юля, пожалуйста, предоставь всё это мне. Я сам со всем справлюсь, уверяю тебя. А ты лучше займись подготовкой к будущему материнству. Что-то мне подсказывает, что из тебя получится ещё та убойная мамаша. Вечно ты куда-нибудь впутываешься.

Папа был прав. Наверное, я просто не могу сидеть на одном месте, тем более, когда вокруг творится всё это сумасшествие. Уже через две недели, когда Денис более-менее пришёл в себя, и ему разрешили недолгие встречи, мне пришлось подкупить, охранников возле его палаты, чтобы они не заложили меня отцу. Если бы он узнал, что я снова суюсь в это дело, меня бы точно на цепь посадили. Но я не могла оставаться в стороне, зная, что Денис отказался давать какие-либо показания. Я чуть с ума не сошла, когда адвокат мне об этом рассказал. Ведь только свидетельства Дениса давали нам реальный шанс

вытащить Артура из тюрьмы. Без его показания нам не на что даже надеяться.

— Здравствуйте, Денис. Как ты себя чувствуешь? Я вот тебе фруктов принесла.

Поставив пакет с гостинцами на тумбочку возле кровати, я сразу поняла, что всё будет куда сложнее, чем я думала. Парень отвернулся от меня, всем своим видом показывая, что он не желает этого разговора.

— Уходите. Оставьте меня в покое. Я уже всё объяснил и вашему отцу, и вашим адвокатам. Я не буду давать никакие показания.

— Я понимаю, что, вы, наверное, боитесь...

— Наверное, боюсь?! — внезапно парень резко подскочил на кровати и тут же болезненно поморщился, опустившись обратно. — В меня стреляли. Меня пытались убить. Я даже не знаю, кому молиться, что я сейчас лежу в этой больнице, в этой палате, а не в могиле на кладбище.

Несколько секунд я думала, что ответить. Он прав. Конечно, он прав. Ему страшно. Он не хочет рисковать своей жизнью из-за совершенно посторонних ему людей. Но как же Артура? Ведь он не убивал. Его хотят обвинить в том, к чему он совершенно непричастен. И только Денис сейчас может нам помочь.

— Я вас понимаю, и я готова пойти на любое ваше условие. Вам мало денег? Только скажите сколько...

— Мне не нужны ваши деньги. Я не собираюсь давать показания ни за миллион, ни за два, и за миллиард, чёрт возьми. Я просто хочу жить. И мне есть ради кого. Моя дочка...она ещё даже в школу не ходит. Что с ней будет, если меня не станет?

Мне было тяжело, что-либо говорить. На глаза накатывали слёзы от абсолютной безнадёжности. Я и понимаю Дениса и одновременно злюсь на него. Разве он не знал на что идёт? Почему же теперь, когда у нас у всех появилась надежда на лучшее, он даёт отходную?

— Мой папа сказал, что он готовит документы о покупке дома в Испании. В одном тихом спокойном городке на берегу моря. Ради покупки этого дома, он даже готов продать наш загородный коттедж. Вашей семье будет предоставлена полная защита, как и вам самому. Сейчас возле вашей палаты дежурят три телохранителя, а вокруг больницы постоянно делают обход ещё двое, в бывшем все эти мужчины служили в спецназе. Того что произошло, больше не повторится. И хотя я вас прекрасно понимаю...но и вы меня поймите. Через восемь месяцев я стану мамой. Как думаете, мне будет легко в одиночку воспитывать малыша, да ещё и при этом, зная, что его отец сидит в тюрьме за чужие грехи?

Наверное, я сейчас воспользовалась совершенно запрещённым приемом. Мало того, что попыталась надавить на жалость, так ещё и рассказала то, о чём надо было молчать. Если в суде узнают, что я жду ребёнка от Артура...ничего хорошего из этого не получится.

— Как? Но я думал, что вы и Артур...

— Нет, мы не родственники. Это очень долгая история, я не хочу её рассказывать и вас прошу этого тоже не делать. Просто...я хочу, чтобы вы знали, что вы наша единственная надежда. Без ваших показаний у нас ничего не получится. Артур сядет в тюрьму, и будет отбывать наказание совершенно за чужое преступление.

Денис молчал. Молчал очень долго, я даже начала волноваться, что все мои старания напрасны. Но после долгих раздумий, он всё-таки произнёс:

— Хорошо, я ещё раз всё хорошо обдумаю и возможно пересмотрю своё решение.

Парень действительно пересмотрел своё решение и к счастью, в нашу пользу. Уже через

несколько дней адвокат сообщил мне, что Денис снова согласился дать показания. Я тогда по квартире чуть ли не до потолка прыгала, правда радость моя была недолгой. Папа всё-таки узнал о моём визите в больницу. Видимо кто-то из телохранителей меня сдал. И на этот раз родитель больше не стал ограничиваться предупреждениями. Под замок меня, конечно, не посадили, но уже к концу недели я, вместе со всеми своими вещами была перевезена в лечебно-оздоровительный санаторий для беременных, за тысячу километров от благ цивилизации. А ещё большим шоком для меня стало, что всего на две недели раньше меня отец отвёз маму в этот санаторий, мне, кстати, ни словом об этом не обмолвившись. Наверное, он стал замечать, что наши отношения изменились и тем самым хотел, чтобы мы снова сблизились. Но я... пока не была готова к откровенному разговору, который теперь был просто неминуем. И буквально сразу, как только я переступила порог своего номера, в дверь постучали и, не дождавсь разрешения, уже через пару секунд в моей комнате очутилась мама. Когда я увидела её округлившийся животик и взгляд полный безграничной любви и радости, я почувствовала болезненный укол совести. Я ведь даже ни разу не навестила её за всё это время... А ведь она моя мама. Какая разница, что и кто говорит? Она мой самый дорогой человек в жизни и сейчас ей как никогда была нужна моя поддержка. Мы обнялись. Крепко-крепко, как будто несколько лет друг друга не видели. На глазах мамы выступили слёзы, и совесть всё мучительней и мучительней стала меня терзать. Я не должна была себя так вести. Не должна была забывать о ней... о своей маме. Сама эта фраза звучит ужасающе. Как можно забыть о той, что дала тебе жизнь? А ведь у меня это почти получилось... под грузом всех этих проблем, я даже ни разу не вспомнила о ней.

— Дочка, я... совершенно не знаю, что сказать. Никак не могла подумать, что мы будем лежать с тобой в центре для будущих мам в соседних номерах. Игорь сказал мне... ты и, правда, ждёшь ребёнка от... Артура?

Я видела, что маме очень нелегко дались эти слова. Но ещё более нелегко мне дался ответ на них. Я бы предпочла вообще сейчас не затрагивать эти темы, хотя и понимала, что пока мы всё не выясним, наши отношения не смогут быть такими же тёплыми и доверительными как раньше.

— Да, правда. Но мы обе знаем, что я и Артур не родственники.

В глазах мамы промелькнула острое сожаление. Дрожащими руками она поправила немного растрепавшуюся причёску и тихо ответила:

— Я никогда не думала, что моя ошибка повлечёт за собой такие последствия...

— Благодаря этой ошибке я родилась, — улыбнувшись, мне удалось хоть на немного стереть тоску и сожаление с маминого лица. Столько вопросов мне сейчас хотелось ей задать, а слова будто застряли в горле. Я боялась её задеть, ранить. К тому же мне было страшно, что случайно я могу проболтаться об Артуре. Ведь мама не знает, что он сейчас в СИЗО. И не должна узнать. Ей сейчас совсем нельзя волноваться. Да и мне кстати тоже... Но я бы не смогла спокойно жить в этом пансионате, если бы не прояснила одну ситуацию. — Мам, вчера я встретилась с Анной — женой Руслана, она сказала мне, что ты и он на протяжении долгих лет были любовниками. Это, ведь, неправда, да?

— Анна, — мама устало усмехнулась, присев на краешек кровати, — я встречалась с этой женщиной только один раз. У нас тогда состоялся очень неприятный разговор, из которого я узнала о себе много нового. Почему-то я сейчас даже не удивлена, что эта женщина приходила и к тебе. Я знаю о смерти Руслана... и о том, что он включил тебя в своё завещание... дело ведь в нём? Анна не хочет, чтобы ты вступала в права наследства?

У меня даже рот от удивления приоткрылся. Значит, мама всё это время действительно общалась...

— Да, я поддерживала с ним связь, — пока я ещё не успела впасть в полный шок, мама тут же добавила. — Но только в форме общения, и то вынужденного. Ещё до твоего рождения, я соврала Руслану, сказав, что беременна не от него. Обман раскрылся быстро и Руслан сразу предъявил на тебя свои права. Тогда было очень напряжённое время. Мы с Игорем только-только поженились, постарались забыть обо всём, что произошло, да и ты была очень маленькая....а в детстве у тебя было совсем слабое здоровье, мы с твоим отцом практически не вылезали из больниц. И я посчитала, что в такой ситуации было просто необходимо найти с Русланом компромисс. Нельзя было всё доводить до судебных разбирательств. И вот тогда мы и заключили с ним договор: он может тайно высылать тебе подарки, а я должна хоть вкратце рассказывать о тебе, что происходит в твоей жизни, чем ты увлекаешь и так далее. Взамен на это Руслан пообещал, что всё останется сугубо между нами. Игорь никогда не о чём не узнает. Но были такие моменты, когда Руслан хотел нарушить договор, настаивал на личной встрече с тобой. Я была вынуждена ехать в Германию и отговаривать его от этих безумных мыслей.

Несколько минут я пыталась переварить всю вывалившуюся на меня информацию. С одной стороны я маму понимала....она хотела сохранить брак, сделать как лучше....Но с другой, разве у неё это получилось? Точнее, брак она, конечно, сохранила, но выходит, что всё это время мы жили в обмане. Разве это семья?

— То есть папа...он до сих пор ничего не знает?

— Нет, — мама резко отвела взгляд, положив ладони на округлившийся животик. — Я понимаю, что это неправильно....но зачем ему это знать? Мы с Русланом никогда не были любовниками, я даже помыслить о таком не могла. А теперь...его уже нет. И все, что было осталось в прошлом. Не надо там копать. Я только хотела спросить...ты собираешься вступать в права наследства? Юля, не делай этого. Зачем? У нас ведь всё есть, мы живём в достатке. Не бери этих денег.

Я не знала, что ответить. Нельзя было рассказывать маме ни о том, что Артур сидит в СИЗО, ни о том, что нашёлся свидетель, который запросил за свои показания миллион рублей.

— Бумаги об отказе уже готовы, — и не соврала и не сказала всей правды. Документы об отказе от наследства действительно уже давно готовы, ждут только моей подписи. Но я пока не решила, стоит ли это делать. — Мам, а я у тебя вот о чём хотела спросить....а куда подевался отец Артура? Говорят, что он...хочет развестись с Оксаной.

Мне довольно легко удалось перевести разговор на другую тему, кроме того меня саму очень интересовал этот вопрос.

— О разводе я ничего не знаю, — хоть голос мамы оставался всё таким же ровным и спокойным, я всё равно уловила промелькнувшую в нём грусть. — Он сейчас, кажется находится в Испании, решает какие-то там бизнес-вопросы. А, что касается его отношений с Оксаной...даже, несмотря на то, что они наши родственники, это не совсем наше дело, Юль. Мне только известно, что у него действительно есть девушка на стороне, хотя за последние годы у него таких было много.

После этих слов на душе стало ужасно гадко. Хотя теперь многое было понятно. И резко ухудшившиеся отношения Артура с отцом, и практически полное бездействие последнего в проблемах родного сына. Впрочем, нет, соврала. Я всё равно не понимаю, как можно

отвернуться от семьи в такое трудное для всех время? В конце концов, помимо Артура у его отца есть ещё двое детей...и жена, любимая как мне раньше казалось.

— Но почему? Я ведь помню как дядя Костя...

— Да, раньше он был совсем другим. Тот Костик-весельчак, которого я знала ещё в студенческие годы и мужчина, в которого он теперь превратился — два совершенно разных человека. Знаешь, двадцать лет назад всё было совсем наоборот. Знала бы ты своего отца в то время, когда мы с ним познакомились. Он был ужасным просто отвратительным типом. Последний бабник, натуральный хам, самовлюблённый эгоист и вообще редкостная свинья. Однажды был случай, когда он просто вытолкал меня из своей квартиры, не пожелав знакомить с родителями.

Мои брови удивлённо поползли кверху. Папа? Это что, правда? Да нет, он ведь всегда был для меня эталоном настоящего мужчины.

— Но если так, то почему вы сошлись?

Мама улыбнулась, отчего-то покрутив пальцем у виска.

— Да потому что все мы бабы немножко «ку-ку». За женщиной могут ухаживать сотни самых достойнейших мужчин, но влюбится-то она всё равно в последнего козла.

После этих слов я тоже не смогла сдержать улыбки, для себя подметив, что это абсолютная правда. Ведь за мной постоянно увивались толпы парней, среди которых находились и представители практически исчезнувшего джентльменства, но в конечном итоге я сошла с ума, впустив в своё сердце того, о ком раньше и думала-то с нескрываемым отвращением.

Этот разговор склеил своеобразную брешь возникшую между мной и мамой. Я понимала, что многое в наших отношениях всё-таки осталось недосказанным, но решила больше не копать в прошлом и оставить всё как есть. Расследование по делу Артура проходило очень медленно. За три месяца нам еле-еле удалось сдвинуться с мёртвой точки. Даже не знаю, сколько часов в день тратят на сон наши адвокаты, наверное, четыре-пять максимум. Мне иногда кажется, что они даже во сне ищут какие-то зацепки, улики. И я ещё раз убедилась, что папа работает только с профессионалами. Благодаря титаническим усилиям адвокатов нам удавалось по-крупницам восстанавливать события дня, когда был убит Волконский, а также разбираться во всех этих махинациях. Правда вот до меня информация обо всём происходящем доходила неполная, да ещё и очень медленно. Папа установил за мной жесточайший контроль, да и я сама уже не располагала какими-либо средствами, чтобы оплачивать услуги Аристарха Генриховича. Единственное, куда мне разрешалось выезжать за пределы своей «тюрьмы» — на встречи с Артуром. Правда вскоре прекратились и они. Папа вместе с моим ненаглядным решили, что мне в моём положении не нужно появляться в СИЗО. Моим мнением, конечно, никто не поинтересовался. Ко всему прочему ещё и маму увезли из пансионата. Хотя эта мера была вынужденной. В отличие от меня, у которой из симптомов беременных присутствовала только лёгкая тошнота, головокружение по утрам, ну и животик рос, у мамы беременность протекала очень тяжело. Даже свежий воздух, по-моему, ей никак не помогал. Врачи говорили, что это возрастное. Рожать в мамином возрасте не только поздно, но ещё и опасно. И только находясь в пансионате, я поняла, как сейчас тяжело отцу. Я-то прохлаждалась в уютных домиках, окружённых чистейшими озёрами, а он всё взвалил на свои плечи. Особенно тяжело ему, наверное, стало, когда состояние мамы резко ухудшилось и её пришлось увезти из пансионата. Да и мне совсем не хотелось оставаться одной. Подбадривала только мысль, что всё обязательно будет

хорошо. Артура оправдают, его отец вернётся на «путь истинный», мы с мамой родим здоровых малышей и все будут счастливы. Собственно случилось всё именно так, как я и думала. Кроме одного момента. Момента, который полностью перевернул жизнь всех членов нашей семьи... Никто не ожидал этого удара. Никто не был к нему готов. И я в том числе.

В тот день я как всегда подыхала со скуки в своём номере. Утром как проснулась, сначала ходила на разминку для беременных, потом позавтракала, немного прошлась по территории и заползла обратно в свой корпус. Уже три дня я не могла дозвониться не до кого из родных. У папы постоянно занято, мамин телефон вообще отключён, тётя Оксана просто не берёт рубку, а у адвокатов вечно срабатывает автоответчик. Складывалось такое впечатление, что меня просто игнорируют. А самое паршивое, что я ничего не могла поделать в этой ситуации. Разве что сбежать из пансиона, но какой в этом смысл? Папа всё равно вернёт меня обратно, ещё и разозлится, отберёт все средства связи с внешним миром. Но сидеть, сложа руки, не зная, что происходит вокруг тебя — невыносимо. Из последнего разговора с адвокатом я поняла, что дело хоть и продвигается, но его ход значительно замедляет нехватка денежных средств. И мне несложно было догадаться, что платить нужно не только свидетелю и адвокатам. Взятки пихают всем вокруг. Шахновский не тот человек, который так легко сдастся. Чтобы противостоять ему, недостаточно даже в крупницах восстановить события дня убийства, необходимо ещё заручиться поддержкой нужных людей. А папа итак разрывается на части. Проблемы в суде, резко ухудшившееся состояние мамы и, в конце концов, его бизнес, о котором тоже нельзя забывать. А я даже не знала, как помочь. Иногда мне казалось, что я всё-таки зря отказалась от наследства. Сейчас, удалось бы избежать многих проблем, но... появились бы новые. Что-то мне подсказывает, что с Анной мы бы ещё хлебнули ложку дёгтя. Не дай бог она бы начала втирать папе, что у мамы и Руслана был роман. Сейчас только семейных драм не хватало. Кроме того я и без всех этих проблем чувствовала себя настоящим ничтожеством. При моём непосредственном участии заварилась вся эта каша. Сначала связалась с Волконским, год бегала за ним с высунутым язычком, потом, даже, когда мне удалось порвать с ним всякие отношения, у меня снова хватило мозгов близко подпустить его к себе. Ведь подписывала, всё что под нос подсовывали. Дура. А теперь вот отсиживаюсь в пансионате, гуляю на свежем воздухе, наедаю себе бока, а за меня все решают мои проблемы.

Но дело было даже не в Артуре. Точнее не только в нём. Когда маму увезли из пансионата, я, наконец, начала понимать, что её беременность протекает намного хуже, чем рассказывал папа, и чем она сама пыталась меня заверить. И теперь, когда я уже три дня сидела без каких-либо новостей, мне хотелось плюнуть на всё и пускай даже автостопом добираться до города.

В номер постучали, и я, заставив себя оторвать свою пятую точку от дивана, вышла в прихожую. Собственно, я была больше чем уверена, что эта горничная пришла убрать номер, она обычно всегда появляется у меня после завтрака. Поэтому, когда я открыла дверь и увидела на пороге Константина — отца Артура, я прямо, скажем, опешила. Несколько секунд не то что, что-то произнести, даже пошевелиться не могла.

— Здравствуй, Юля. Впустишь?

Когда мне хоть немного удалось справиться с собой, я отошла от двери, позволив мужчине войти в номер. В прихожей мы долго ютиться не стали. Константин Сергеевич сразу прошёл в комнату, а я как заведённая игрушка, молча поплелась за ним. Мне до сих

пор не верилось, что всё это происходит на самом деле. Я вообще не думала, что мне удастся встретиться с этим мужчиной в ближайшие несколько месяцев.

Устроившись в кресле, Константин Сергеевич окинул взглядом всю комнату и как бы случайно зацепил глазами меня. Точнее мой животик, который за последние месяцы заметно округлился.

— Как ты себя чувствуешь?

Мужчина по-прежнему не отводил взгляда, а я чувствовала себя под ним крайне неловко. Пришлось даже живот ладонями прикрыть и только тогда, Константин Сергеевич, словно поняв моё состояние, отвёл взгляд.

— Нормально.

Я села на краешек кровати и на несколько минут в комнате повисла абсолютная тишина. Нагнетающая тишина. Я не знала, что сказать. Да и по всей видимости разговор должна была начинать не я. Если Константин Сергеевич здесь...значит, наверное, случилось что-то очень важное, о чём он и хочет мне сообщить. Но если даже это и так, мужчина не спешил поделиться со мной серьёзными новостями.

— Ты уже знаешь, кто будет?

Он вновь перевёл взгляд на мой живот.

— Нет. Пока не знаю.

— А вы с Артуром кого больше хотите?

— Мы хотим, чтобы ребёнок был здоров. А родится мальчик или девочка, для нас это неважно.

— Наверное, это неважно для тебя, — усмехнулся мужчина, — Артур-то по-любому пацана хочет.

Меня начинали раздражать его вопросы. У меня всё больше начинало складываться впечатление, что мужчина просто оттягивает время. Он ведь явно прилетел из Испании не для того, чтобы поглазеть на мой живот.

— Откуда вы можете знать, чего хочет ваш сын? Вы с ним уже давным-давно не общаетесь. Кстати, а вы прекрасно выглядите. Хорошо отдохнули?

Мужчина усмехнулся, всем своим видом дав понять, что никаких угрызений совести он не испытывает.

— Я не отдыхал, а занимался бизнесом. Кстати насчёт Артура ты не права. Может я и действительно давно с ним не общался, но я никогда не забывал, что у меня есть сын. И, если ты помнишь, сейчас его обвиняет не только в убийстве, но и в мошенничестве в особо крупных размерах. Так вот мы с твоим отцом договорились, что он занимается по первому делу, а я беру на себя второй косяк своего сына. И свою часть договора я выполнил. Думаю на суде, удастся доказать, что Артур не имеет никакого отношения ко всем этим финансовым махинациям.

— Вы для этого прилетели? Хотели возвыситься в глазах семьи? Мол, вы такой успешный добрый дядечка, который вечно разбирается с косяками своего непутёвого сына? А вы не забыли, что помимо Артура у вас есть ещё двое детей и жена?

Мужчина вмиг изменился в лице, резко вытянулся, глянул на меня с упрёком.

— Не дерзи мне, девочка. Мала ты ещё, чтобы делать мне такие замечания. О семье я никогда не забывал. Они всегда были, и будут всем обеспеченны. И уходить я от них не собираюсь. А всё остальное касается только меня и моей жены. И вообще я приехал совсем по-другому поводу. К сожалению, поводу очень трагичному.

— Вас бросила любовница? Или просто совесть замучила?

— Сядь! — рывкнул так, что я испуганно вздрогнула и вновь плюхнулась на кровать, хотя уже собиралась выйти из номера. — Я прекрасно понимаю, что я не тот человек, от которого ты бы хотела это услышать....Хотя ты вообще бы вряд ли от кого хотела такое услышать....В общем, позавчера у твоей мамы начались преждевременные роды....у тебя появился братик. Недоношенный, пока ещё очень слабый, но угрозы для его жизни нет. А вот твоя мама...Мне и, правда, жаль, Юля. Я сам до сих пор не могу прийти в себя...Она... умерла при родах.

Я усмехнулась, встав с кровати и кинув на мужчину презрительный взгляд.

— Знаете, я всегда была о вас лучшего мнения. Я ещё не забыла о тех временах, когда вы катали меня зимой на санках, а потом покупали горячий шоколад с конфетами. Любовниц и повёрнутость на деньгах я ещё могу понять, но такая гнусность....Не надо опускаться так низко. Я ваш чёрный юмор не понимаю. Выйдите, пожалуйста, из моего номера.

Константин молчал. Очень долго, я уже даже хотела повторить свою «просьбу», но мужчина вдруг резко поднялся на ноги, встретившись со мной взглядом. Что-то во мне перевернулось, надломилось, когда я заглянула в его глаза. В них не было обиды или усмешки, которые я ожидала увидеть...только сочувствие. Искреннее сочувствие, неподдельное. Это меня насторожило. В моей душе зажёгся первый тревожный огонёк.

— Ты права, я очень изменился за последнее время и, увы, не в лучшую сторону. Да, я, наверное, действительно предал свою семью, причинил много боли жене, детям....но я не стал подонком. Ну, или по крайней мере ещё не до конца успел в него превратиться. Твоя мама...она всегда была для меня самым лучшим другом, очень близким человеком. Я бы скорее пустил себе пулю в лоб, чем стал шутить подобным образом, да ещё и над тобой.

Я не совсем поняла смысл его слов. Точнее он ещё не до конца смог до меня дойти. И что это значит? Что мой дядя имеет в виду?

— Я, что-то не совсем понимаю....Что вы хотите? Что вам от меня нужно?

— Мне нужна ты. Точнее мне нужно, чтобы ты поехала со мной. Твой отец, Оксана, да и я тоже считаем, что ты должна быть на похоронах. Они состоятся в четверг.

Я ничего не ответила. У меня просто не нашлось, что сказать. Когда я увидела Константина на пороге своего номера, я ожидала всего чего угодно, но не этих слов. Да как он смеет? Мама...она всегда так хорошо о нём отзывалась, считала его очень близким и родным человеком. В конце концов, он мой дядя. Пускай, и не родной по крови, но он знает меня с первых дней жизни. Как же он сейчас может такое говорить? У меня просто в голове не укладывается!

— Вы...вы хоть понимаете, что несёте? Я вот сейчас наберу мамин номер и всё то, что сказали сейчас мне, вы повторите ей. Если, смелости, конечно, хватит.

Взяв с кровати сумочку, я лихорадочно начала разыскивать мобильный. В итоге психанула, вытрясла всё содержимое, нервно дрожащими руками схватила телефон, набрав отпечатавшийся в каждом уголке памяти номер. Недоступен. Абонент недоступен. Набрала ещё раз. Тоже самое. Ещё раз. Ещё, ещё, ещё...Гудки. Сердце бешено забилося, дыхание перехватило, ладони задрожали, на лбу выступили капельки пота. Ответ. Трубку сняли. Я с трудом удержалась на ногах, волна бешеного облегчения чуть не лишила меня сознания. Но это был лишь секундный порыв дуновения свежего воздуха. Лишь мимолётная отдушина перед падением в пропасть.

— Да Юля, я слушаю.

Это был не мамин голос. Говорила Оксана. Тётя Оксана — всегда позитивный, неунывающий при любых раскладах человек. Я никогда не видела, чтобы она грустила, плакала. Она не давала слабину даже в такой трудный период в её жизни. А сейчас...этот голос. Нет, в нём не было боли, страданий, грусти, отчаяния...в нём царил пустота. Полная отрешённость, которая чувствовалась в каждом слове, в каждом вздохе.

Я сбросила вызов, а следом за ним швырнула мобильный на кровать. Я не стала одеваться, даже об обуви не вспомнила. Выбежала из номера прямо так, в заношенном домашнем платье, совсем босая. У меня не было ни копейки в кармане, но я всё равно стала ловить попутку. Точнее встала посреди дороги и начала размахиваться руками. Кажется, Константин, что-то говорил или кричал. Ему даже удалось оттащить меня на обочину, но я начала брыкаться, бить его по рукам, кажется, даже в лицо плюнула, хотя при этом толком ничего не понимала, но своего добила. Мужчина оставил меня. Выбежать обратно на дорогу не дал, но не стал больше мешать ловить машину. Он отошёл чуть в сторону, и, по моему, даже закурил. А я ничего не соображала. Совсем ничего. Внутри всё переворачивалось, сердце уже горло прорывало, а в голове пустота. Ни одной мысли. Ни хорошей, ни плохой. Вообще ничего. Пустота. Пустота, которая сопровождалась страхом. Липким, цепко ухватывающим в свои зловещие лапы. Не подсознательным, я совершенно ни о чём не думала, ничего не понимала. Этот страх был других. Обволакивающим, порабощающим. Убивающим надежду.

Передо мной затормозила какая-то иномарка. Я сразу залезла в салон, протараторила, что-то вроде того, что мне надо в город. Машина тронулась, Константин не попытался меня остановить, да у него бы ничего и не получилось. Я бы зубами вцепилась в сиденье, но не позволила бы выволочь себя из салона. Водитель машины был мужчина, на протяжении всего пути задавший только один вопрос: где именно в городе меня высадить. Всё остальное время мы ехали, молча, хотя я постоянно чувствовала на себя удивлённый взгляд. Да, наверное, не часто встретишь беременную девушку практически в домашнем халате, да ещё и босиком. Но мне было плевать, что обо мне подумают. Как только меня высадили у роддома, я сразу же выбежала из машины, бросив водителю сухую благодарность. Всё-таки ни копейки не взял, хоть вряд ли бы он стал жечь ради меня бензин, если бы ему было не по пути. Но тогда я об этом совершенно не задумывалась. Я ворвалась в здание роддома как какой-то дикарь. Я знала, что мама должна была рожать именно здесь. И я по-прежнему была уверена, что всё в порядке...Точнее я верила, что мама здесь. В какой-нибудь палате. С ней всё хорошо. Ведь я бы почувствовала...я бы почувствовала, если бы она...если бы её уже не было.

От таких мыслей всё в душе похолодело. Титаническими усилиями мне удалось хоть немного собраться с силами. Когда малыш внутри меня толкнулся, я заставила себя успокоиться. Или по крайней мере придушить панику. Господи, ещё ведь ничего не потерянно! Мало ли из-за чего могла расстроиться тётя Оксана, а Константин...он просто завидует моему отцу. Да, это зависть. У моего папы всё хорошо. Он счастлив. Он не ищет связей на стороне, он сохранил любовь к жене на протяжении стольких лет. Конечно же, это вызывает зависть. Пусть даже у родного брата. Константин всё выдумал или не так понял или ему это приснилось, причудилось, да мало ли что ещё. Но его слова не могут быть правдой! МАМА ЖИВА! Чёрт подери, я ведь бы почувствовала...если бы что-то случилось я бы это обязательно почувствовала!

— Девушка, в чём дело? Что с вами? Вам плохо? Врача позвать?

Передо мной возникла невысокого роста девушка в белом халате. С трудом, но я смогла собраться с мыслями и держать голос ровным.

— Не нужно. Скажите мне, к вам поступала роженица Самсонова Мирослава Сергеевна? Она...возможно, вчера у неё были преждевременные роды.

Выражение лица девушки моментально изменилось. Появилась настороженность и какая-то непонятная мне грусть.

— А вы ей кто?

Этот вопрос заставил моё сердце биться где-то в горле. Значит...у мамы вчера действительно были роды.

— Я её дочь. Скажите мне, где она сейчас? В какой она палате?

Девушка побледнела, закусилла нижнюю губу и неловко отвела взгляд, а мне казалось, что ещё вот-вот и я потеряю сознание.

— А вы разве не знаете? Её у нас уже нет.

— Что значит «уже нет»? А где она?!

Ответ мне пришлось ждать несколько минут. Девушка молчала, всё ещё не решаясь встретиться со мной взглядом, а к моему горлу уже подкатывал ком слёз. Я не понимала, что происходит. Мне хотелось кричать, выть, стонать, рыдать и вместе с этим я ещё надеялась услышать, что мама в какой-нибудь больнице или уже дома или... Господи, да где угодно, но жива. ЖИВА!

— Она в соседнем здании...Погодите, ваш отец, он сейчас здесь, около малыша. Я его позову...и врача тоже позову. Вы только не волнуйтесь, вам нельзя в вашем положении.

Меня усадили на какой-то стул, с которого я моментально поднялась, как только эта девушка скрылась из моего поля зрения. В соседнем здании? Я выглянула в окно, но мне это совершенно ничего не дало. Здание как здание, только непонятно, что это? Может, какая-нибудь больница? Значит, если мама там...она жива! Ну, конечно, Господи, а я уже чуть сама дух не испустила. Только тревожные чувства всё равно продолжали терзать. Я собрала в себе все силы, чтобы хотя бы казаться более-менее спокойной. В роддом вошли два мужчины в белых халатах — по-видимому, врачи, которые здесь работали. Я тут же приструнилась к ним, постаравшись максимально подавить в себе волнение.

— Извините, вы не подскажете, а что находится в соседнем здании?

Я махнула рукой на виднеющуюся из окна серую застройку. Мужчины удивлённо переглянулись между собой. Один из них, пожав плечами, просто ответил:

— Морг.

Не было пафосных речей, громких слов, этой наигранной скорби. Слышались лишь тихие всхлипы и приглушённые рыдания. Были только все самые близкие: родственники, друзья, хорошие приятели. Все прощались по-очереди. По-одному подходили к гробу, что-то шептали, мужчины пытались скрыть слёзы, женщины не сдерживались, лишь прикрывали рот рукой. Первым был папа. Когда он подошёл к гробу, все опустили глаза, некоторые даже отвернулись. А я нет. Я смотрела прямо на него. Я смотрела, как он провёл ладонью по её лицу, прижался губами к её губам и очень долго стоял вот так — склонившись к гробу, в последний раз целуя любимую женщину. Когда он отходил, точнее, когда его очень аккуратно, с пониманием всей ситуации, но всё же настойчиво оттаскивали в сторону, по его щеке скатилась слеза. Одинокая мужская. Это уже потом, когда разъехались все родственники, когда он заперся в своей спальне с бутылкой виски, я всю ночь слышала за

стенкой приглушённые рыдания. Но это было потом. На похоронах никто не увидел, что прячется за каменной выдержкой этого мужчины. Какие чувства его разрывают.

Я подходила второй, вслед за папой. Меня крепко удерживал за плечи Артур (понятия не имею как его отцу, удалось вытащить его из СИЗО, пускай даже всего на один день), и, наверное, если бы не он, я бы потеряла сознание. Слишком много чувств обострённых до предела. В тот день я так и не смогла по-человечески попрощаться. Я только поцеловала холодную щёку и дрожащими губами шепнула «люблю», а дальше, видимо почувствовав, что я начинаю терять равновесие, Артур отвёл меня от гроба. Я не плакала. Точнее по моим щекам текли слёзы, но в душе была полная пустота. В отличие от того дня, когда я узнала о смерти, на похоронах я понимала абсолютно всё. Я понимала, что происходит, я тонула в этих чёрных цветах, доносящихся отовсюду рыданиях, но боли не было. Она пришла потом. Когда я осталась совершенно одна. В своей комнате. В своей постели. Когда увидела на полке с книгами фотографию пятнадцатилетней давности — на ней была изображена первоклашка в красивом платье, с пышными белыми бантами, на руках у молодой улыбающейся женщины. Я загрызла подушку, уперлась ногами в стену, задушила вырвавшиеся наружу рыдания, когда увидела на своём столе шарик со снежным городом — в шесть лет я со слезами на глазах выпросила его у мамы. И всё же боль была неполной, не убийственной. И это вовсе не потому что я не чувствовала потери близкого человека. Чувствовала, ещё как чувствовала. Но в какой-то момент, наверное, когда мы были на похоронах, Артуру удалось выдрать часть страданий из моего сердца. Он словно выпитал их в себя. Отобрал у меня половину боли, не дал мне в полной мере ощутить всю полноту горя. А его слова, которые он тихо шепнул мне, когда его отец, повёз его обратно... всё дальше и дальше от меня, я, наверное, запомнила на всю жизнь.

— Знаешь, если ты когда-нибудь захочешь уйти от меня, и неважно по какому поводу: влюбишься в другого или узнаешь, что смертельно больна, не нужно мне об этом сообщать. Лучше сразу пристрели. Это будет гуманней.

Проходят месяцы, года,
Но в сердце боль не утихает,
Родные, мерцающие нежностью глаза,
Теперь лишь фотографии о них напоминают.
Как вкус у смерти всё же безупречен
В отборе самых близких дорогих,
Жизнь, как мгновение — скоротечна,
Ни на секунду больше... даже для родных.

Прошло уже два месяца. Мне не верилось. Время тянулось так медленно, по круплицам. Наверное, потому что всё в доме напоминало о маме. Чувствовался её запах, кажется, из каждого уголка квартиры даже доносился её смех: радостный непринуждённый. Вещи оставались нетронутыми, всё лежало на тех же самых местах, как было при маме. Отец запретил, что-либо переставлять. Всё должно было оставаться по-старому. Это сводило с ума, так невозможно было жить, но и переехать, хотя бы на время как предлагала тётя Оксана, я тоже не могла. Как вообще можно было бросать отца в таком состоянии? Да он пытался сделать из себя железного человека, казаться жёстким спокойным равнодушным ко

всему. Но обмануть меня ему было невозможно. Я каждую ночь засыпала под доносящиеся из-за стенки сдавленные всхлипы, рыдания. Папа плакал. И не просто плакал — скулил, выл от тоски и одиночества. Одиночества, которое он чувствовал во всём, и которое никто уже не сможет для него разрушить. А ведь мой папа...он мужчина из того разряда, что кулаком по столу ударит, так стол этот к чёрту развалится. Смерть подкосила его. Оно и понятно, он так сильно любил маму. Любил не за что-то, а скорее вопреки. Любил, молча, иногда стараясь даже скрыть ото всех это чувство. Любил так, как, наверное, умеют любить только мужчины. Настоящие мужчины.

А ещё я не могла уехать из-за Антошки. Разве я могла оставить это маленькое зеленоглазое чудо? Ему нужна была мама...и я ей стала. Теперь всё о чём я молила бога — чтобы Артура поскорее оправдали. Помимо того, что тоска по этому мужчине окончательно добивала меня, Антошке нужен был отец. Это сейчас он маленький и ему бы только титю сосать, а когда он начнёт подрастать? Ему ведь нужно мужское влияние. Да и к тому же я не просто знала, я была уверена, что Артур не откажется от этого малыша. Возьмёт на себя роль отца Антошки, хотя бы до тех пор, пока его настоящий папа не вспомнит о своих обязанностях. Точнее прекратит винить во всём этот маленький беззащитный комочек. А ведь я знала, что папа считает виновным именно его в смерти мамы. Это чувствуется во всём. Он не берёт Антошку на руки, старается совсем о нём не вспоминать, лишней раз даже не смотрит в его сторону. Я знала, что когда-нибудь это обязательно прекратится. Папа очнётся и всё поймёт. А до тех пор я должна полностью взять на себя заботу об Антоше.

В мою комнату зашла тётя Оксана. В последнее время она часто бывала у нас. Помогала мне с братиком, давала советы, как не ухайдакаться с двумя маленькими детьми. Ведь совсем скоро я сама стану мамой. Возможно даже одиночкой. Я старалась отбросить эти мысли, думать только о хорошем. Да и насколько мне было известно, хоть и с большими боями, но дело двигалось в нашу сторону.

— Юль, я только что разговаривала с адвокатами. Заседание назначено на среду.

— Меня как всегда не пустят?

С моих губ сорвалась усмешка. Я имею непосредственное отношение ко всему, что происходит, но меня не пустили ни на одно заседание. Точнее судья бы наверняка захотел меня увидеть, но вся моя родня была категорически против моего вмешательства.

— Пустят. На этот раз пустят. Уже в среду будет оглашён приговор. Даже не верится, что мы, наконец, до этого доползли. Этот кошмар закончится. Точнее я очень надеюсь, что он действительно закончится. Если мы проиграем дело...даже не знаю. Наверное, моя жизнь уже точно потеряет всякий смысл.

На последнем заседании народу было так много, что даже яблоку не было места упасть. Казалось, что все журналисты города сегодня собрались в зале суда. Оказывается, дело вызвало ещё больший ажиотаж, чем я думала. На протяжении всего процесса пристально следили за каждым его шагом. Как выяснилось было даже несколько статей в газетах, которые мне на глаза почему-то ни разу не попались. Хотя рядом с нашим пансионом был киоск. Но в то время, когда оглашался приговор, я о таком не думала. Мне единственной, кому было разрешено сидеть по весьма объективным причинам. Но я не стала пользоваться такими «привилегиями». Я стояла, как и все, рядом с папой, который крепко держал меня за руку. Помимо журналистов в зале суда было много знакомых мне лиц. Друзья Артура, которых я всегда так ненавидела, и которые ранее всё же не побоялись дать показания в

пользу своего друга, Полинка, постоянно прячущаяся за спиной Олега, иногда бросающая на меня подбадривающие взгляды, невозмутимо держащийся Денис, кому мы, наверное, до конца жизни будем обязаны, родители Артура. Они стояли вместе, Константин крепко прижимал к себе жену, которая даже не пыталась скрыть явного волнения. Наверное, они помирились, ну или находились на пути к этому. Во всяком случае, в тот момент меня не интересовало совершенно ничего кроме слов судьбы. Хотя нет, вру. Я даже не прислушивалась к его реплике, всё моё внимание было сосредоточено на Артуре. Он выглядел совершенно спокойным сосредоточенным. Не обращал внимания на вспышки фотокамер, смотрел куда-то вдаль, ничего не выражающим взглядом. И лишь изредка, он резко поворачивал голову в мою сторону, всего на пару секунд его губы расплывались в задорной подбадривающей улыбке, словно мы сейчас не в зале суда находимся, а в кабинете у директора, где Артур играл роль провинившегося школьника. И только, когда он получал от меня в ответ слабую улыбку, парень отворачивался, вновь прикрепляя на своё лицо маску безразличия ко всему происходящему.

Несмотря на поддержку Артура, папы, да и вообще всех друзей и родственников, мне всё же поплохело уже минут через сорок. То ли в помещении стало слишком душно, то ли подействовали эти бесконечные вспышки фотокамер, но мне всё же пришлось выйти. На этом настоял папа и обеспокоенный взгляд Артура. Правда, как только я оказалась за дверьми судебного зала, тут же попала в кольцо окруживших меня журналистов.

— Скажите, вам что-нибудь известно о том, в чью пользу будет приговор?

— Говорят, что подсудимому накануне разрешалось покинуть стены СИЗО ради похорон вашей мамы, это так?

— Газета «NEW». Ходят слухи, что у вас была порочная связь со своим двоюродным братом и сейчас вы даже ожидаете пополнение. Это правда или всего лишь слухи?

— Телеканал «ОРТ». У вас действительно были отношения с убитым владельцем фирмы «Транзит» — Волконским? Как вы думаете, это могло стать причиной конфликта между вашим братом и убитым?

Я не знаю, как выдержала натиск этих налетевших стервятников. Меня спасли, наверное, только вовремя подоспевшие охранники отца, которые вмиг разогнали всех этих обезумевших людей с микрофонами и фотокамерами, и отвели меня в безопасное, а главное тихое место. Полагаю, что на улицу мне выйти не разрешили именно из-за того, что там ждала такая же свора журналистов. Люди отца не отходили от меня до того самого момента, как не открылись дверь судебного зала и из него, буквально не хлынул целый поток людей. Здесь были и журналисты, и адвокаты, и свидетели с нашей стороны и со стороны обвинителя. Сердце зашло в бешеном ритме. Я лихорадочно начала выискивать глазами только одного человека, но передо мной словно из неоткуда возникла тётя Оксана, взяла меня за руку и повела в каком-то совершенно неизвестном направлении. Я и понять ничего не успела, как мы уже оказались на улице, причём рядом с нами не было толп журналистов и просто любопытных зевак, хотя где-то совсем неподалёку слышался настоящий гул. Только тут до меня дошло, что меня специально вывели через другой ход, чтобы не дай бог со мной чего не случилось во всей этой суматохе. Правда, сейчас мне было наплевать даже на себя. Приговор было озвучен, а я всё ещё не знала в чью пользу. И по лицу Оксаны ничего нельзя было понять. Она смогла натянуть на него маску полного безразличия.

— Не молчите, скажите мне, какой приговор? Артура оправдали или...

Дальше фразу я продолжать не стала. И так, всё было понятно, а лишний раз мне не

хотелось произносить это вслух. В последнее время я стала чрезмерно суеверной.

— Успокойся, тебе сейчас совершенно нельзя волноваться. Постой здесь совсем немного, через пару минут к тебе подойдёт один человек, он тебе всё объяснит. Никуда не уходи с этого места.

Оксана исчезла также внезапно, как и появилась. Я даже глазом моргнуть не успела, а она уже куда-то испарилась. Меня вдруг пробрала просто адская ярость. Да какого чёрта? Если они все так пекутся о моём самочувствии, почему не сказать всё прямо? Зачем все эти загадки? Я сейчас итак богу душу отдам от таких нервов. А может... Оксана просто сама побоялась мне всё рассказывать? Вдруг мы проиграли процесс...

Я не знаю, что со мной случилось, когда моё лицо накрыли огромные мягкие ладони, а в ноздри тут же ударил до боли родной запах. В одно мгновение я была прижата к крепкому сильному телу и из моих глаз брызнули слёзы. Я зарыдала, как сумасшедшая, как душевно больная. Я резко развернулась, обхватила ладонями его лицо и лихорадочно начала покрывать поцелуями его глаза, скулы, шею. Моё сердце, пробивающее грудную клетку, зашло в диком, каком-то совершенно безумном восторге. Я даже сама не могла представить, как я соскучилась, как истосковалась. По его взгляду, по улыбке, даже по лёгкой небритости на щеках. Всё это моё. Это мой мужчина, только мой. И хрен я его кому отдам!

Только сейчас я, наверное, поняла, что если бы Артура не выпустили, я бы выкрала его из зала суда, перебила бы всю полицию, адвокатов, да кого угодно! А если бы не получилось, я бы поехала за ним. Поселилась бы в соседней камере, но не позволила бы нас разлучить!

— Эй, тише, девочка, тише. Я понимаю, что ты с ума по мне сходишь, всё-таки такой видный мужчина, но давай поспокойней. Твоё волнение может передаться нашему малышу, а мы ведь этого не хотим?

Он улыбнулся, крепче прижал меня к себе, и я огромными усилиями смогла сдержать вновь подкатившую волну слёз.

— Тебя отпустили? Всё закончилось?

— Отпустили котёнок, — он зарылся лицом в мои волосы, лихорадочно начал гладить меня дрожащими ладонями по спине и только сейчас я поняла, как сильно он взволнован, какой ураган чувств его разъедает. Он борется. Он борется с самим собой. Не показывает мне и грамма того, что сейчас творится у него внутри. — Два года условно, в моём случае, это самый лучший исход, который только мог быть. Но ничего ещё не закончено. Насколько мне известно, совсем скоро будет возбуждено новое уголовное дело, только на этот раз за решёткой окажется совсем другой человек.

Артур не стал говорить кто именно, да это итак было понятно. Но сейчас мне было плевать, посадят Шахновского или нет. Артур со мной. Я могу прижаться к нему, провести ладонью по его груди, накрыть губами его губы, что к чёрту, ещё надо? Ничего. Сейчас я бы многое отдала, чтобы продлить этот момент. Растянуть его как можно дольше.

— Пойдём, малышка. Нам надо поспешить, пока журналисты не очухались.

Мы лежали на кровати. Артур пристроил свою голову на моём животе, обхватив его ладонями, с жадностью вслушиваясь в ритмичные шевеления нашего крохи. Всё-таки мы изрядно потревожили ребёнка всеми этими вспышками чувств. Зато теперь настал долгожданный покой. Я зарылась в волосы любимого, перебирая меж пальцами тёмные пряди и просто смотрела в потолок. Мы одни. Совершенно одни. В этой квартире, в этом

доме, в этом городе, в этом чёртовом мире. Только он и я. Больше никого. Не знаю, может это и есть то самое счастье, но даже если и нет, мне всё равно больше ничего не надо. Совершенно ничего.

— Артур, а чья эта квартира?

— Моего друга. Ко мне домой нельзя было, представляю, какая там сейчас свора журналюг собралась.

Артур поцеловал меня в живот, крепко обхватив его ладонями и поудобней устроившись на кровати.

— Артур, я тебя люблю.

Это был не спонтанный порыв. Истерика закончилась и теперь я говорила совершенно осознанно. Что называется от чистого сердца.

— Мало, — хмыкнул Артур, а я удивлённо подняла на него глаза.

— Что мало?

— Любить мало. Я вот по тебе с ума схожу, одержим каждым мгновением, что мы проводим вместе, дико ревную тебя ни то, что к столбу, а к каждой неровно лежащей вещи. А ты всего лишь любишь. Этого недостаточно.

Я приподнялась на кровати, попыталась скрыть выползшую на моём лице улыбку, но думаю, Артур всё равно всё понял по моему взгляду.

— И как же мне искупить такую огромную вину?

— Нууу, ты, пожалуй, должна сделать что-то такое... даже не знаю. Ты должна доказать мне, что сходишь по мне с ума почти также сильно как и я по тебе.

— А почему «почти»?

— Потому что также сильно или уж тем более сильнее, чем я просто невозможно.

Он нахально усмехнулся, а я подумала, что сейчас, пожалуй, самое время сообщить ему грандиозную новость.

— Ну, а рождение дочки хорошее доказательство? — я даже не поняла, как Артур умудрился меньше чем за долю секунды поставить руки по обе стороны от моей головы, тем самым нависнув надо мной. — Ну чего ты так смотришь? Я только вчера была у врача. У нас будет девочка.

— Как девочка? — совершенно неожиданно его голос сорвался на такой писк, что я прыснула со смеху. — погоди, так ведь... а мальчик?

— А мальчик в следующий раз. Или ты чем-то недоволен?

Несколько минут он молчал, вглядываясь в моё лицо, а потом набросился на меня с поцелуями. Я не выдержала. Расхохоталась ещё больше, стараясь отпихнуть от себя слетевшего с катушек парня, хотя сама хотела, чтобы он обнимал меня ещё крепче, целовал ещё сильнее. Так легко и хорошо мне не было с того самого дня, как я узнала, что не стало мамы. Наверное, только сейчас, я смогла хоть немного отпустить эту потерю. И только сейчас, именно в этот момент я поняла, что началась новая жизнь. Совершенно с чистого листа.

— Я люблю тебя. Я безумно тебя люблю!

— Любить мало, — с трудом, но мне всё-таки удалось отстранить от себя Артура. Упершись ладошками ему в грудь, я бросила на него хитрый взгляд. — Как ты там говорил? Одержимость каждым моментом, проведённым вместе, безумие, сумасшествие... Я тебе дочку рожу в доказательства, а ты пока только на словах.

— Любое желание, любой каприз!

Артур вновь попытался меня поцеловать, но я увильнула.

— Любой каприз, говоришь? Ну, смотри, сам напросился. Я хочу, хочу, хочууу...

Стриптиз.

— Чего?

Его глаза округлились как пятирублёвые монеты. Мне даже с трудом удалось сдержать новый приступ смеха.

— Ну, ты ведь сам сказал любой каприз. И кстати, приблизительно, роды в среднем длятся часов семь. Хотя у каждой женщины по-разному, бывает и намного дольше. Я это к чему: ты будешь должен мне столько часов стриптиза, сколько я буду рожать.

— Ты это серьёзно?

Кажется, он до сих пор не мог поверить, в то, что ему предстоит. Да и если честно, я сначала сама сказала всё это в шутку, но как-то быстро загорелась столько заманчивой идеей.

— Абсолютно. Каждое воскресенье, скажем, где-то в девять-десять вечера ты будешь устраивать мне эротическое шоу в своём исполнении. Одно шоу — один час. И так пока всё время не отработаешь, — он молчал, очень долго молчал, безотрывно вглядываясь мне в глаза. В конце концов, я сама не выдержала и первой прерывала повисшую тишину. — Ну, что скажешь?

— Скажу, что ты видимо, отлично провела время, пока я был за решёткой. Небось, баловалось кассетками определённой тематики?

Артур говорил всё это так серьёзно, с какой-то даже строгостью, что я не выдержала, прыснула со смеху, клюнув его в колючую щёку.

— Ага, и не только кассетками. Ну, так, что скажешь?

— А что сказать? Любой каприз за ваши роды, — Артур прижался губами к моему лбу, очень старательно попытался скрыть проскользнувшую в его взгляде улыбку и опустил обратно, к моему животу, прижавшись к нему ухом и обхватив его ладонями. — Юляш, только ты понимаешь, что нас теперь ждёт? Придётся забыть о прежней жизни, деньгах и всех прочих благах. Я хочу всё начать с чистого листа. Мы с тобой вместе достаточно сил из родителей высосали. Пора взрослеть, тем более что совсем скоро сами потомством обзаведёмся. Только здесь оставаться больше нельзя. Вся эта шумиха ещё очень долго не утихнет. Надо будет переезжать. Ты поедешь со мной?

— Поеду.

— И даже не спросишь куда?

— А мне всё равно куда. С тобой хоть на другой конец света.

— Звучит устрашающе.

— А на деле ещё ужасней.

— Я от тебя теперь хрен отделаюсь?

— Теперь, когда у меня живот на километр выпирает, тебе придётся жить со мной и в горе и в радости, и в болезни и во здравии, пока смерть не разлучит нас.

— Это предложение?

— И заметь, ты сам его сделал. Я на тебя не давила. С тебя кстати, кольцо.

Внезапно Артур вновь навис надо мной. На этот раз на его лице не было улыбки, оно было сосредоточенным и даже каким-то обеспокоенным.

— А серьёзно, ты готова к трудностям? Придётся абсолютно всё начинать с чистого листа, кроме того на мне ещё два года будет висеть уголовка. Ты, правда, хочешь быть рядом

с таким вот ходячим мешком недоразумения?

С моих губ тоже исчезла улыбка. Он спрашивал серьезно и ему нужен был серьезный ответ. Какой я собственно и дала.

— Я хочу быть с любимым, родить и воспитать от него детей. А ходячий он мешок недоразумения или нет, не имеет никакого значения.

— То есть ты примешь меня таким, какой я есть?

— Абсолютно.

— И всё сможешь мне простить? Все мои косяки?

— Наверное. А что?

— Даже измену? Измену тоже простишь?

Он улыбался. В его глазах плясали чёртики. Зарывшись ладонью в его волосы, я нежно ласково улыбнулась.

— Конечно, дорогой, и измену прощу. Даже цветы на могилу принесу.

В первые деньки лета на свет появилось самое прекрасное создание на всей этой огромной планете. Маленькая девочка-Мируся, пленила всех и вся вокруг. Рыженькая ведьмочка — так называл её дедушка, дьявольский чертёнок — позывное её папани, а для меня — хитренькая лисичка. Но как бы кто её не величал, всем было понятно, что когда это чудо подрастёт — конец всему мужскому населению нашей страны. Мируся любила быть в центре внимания. Она постоянно вытворяла какие-нибудь мелкие пакости, чтобы все взгляды были прикованы именно к ней. Но при этом она делала это с такими невинными глазками, что мимолётный гнев тут же сменялся всеобщим умилением. Мирусю полюбили все члены нашей семьи. Она подружилась и с тётей, и с дядей, которые всего на пару лет были старше её. В особенности, она любила поработать мужские сердца. Её глазки наполнялись бесконечным восторгом, когда дедушка катал её на спине, радостно хлопала в свои маленькие ладошки, когда ещё один дедушка, то бишь Константин, приносил ей очередные подарки, а уж оттащить её от её любимого папульки было просто невозможно. Она никого к нему не подпускала. Даже для меня делала редкостные исключения. Артур — стал центром её обожания, делиться которым она ни с кем не хотела. Единственный к кому Мируся относилась совершенно нетерпимо, и кто фыркал всякий раз, когда с ней встречался — Антоша. Эти два маленьких чертёнка постоянно не могли что-то поделить. Они ходить ещё даже не умели, а уже ворочали носы друг от друга. Но даже, когда они ещё оба ползали по дому в подгузниках, было понятно, что эти двое — прирождённые лидеры. Наверное, именно поэтому они никак не могли сладить друг с другом.

Первый год Антоша жил с нами. Я кормила братика, заботилась и давала ему свою любовь столько же, сколько и Мирусе. Сначала папа заезжал к нам довольно редко, и то, только чтобы проведать Мирусю. Но потом, постепенно он стал заезжать всё чаще и чаще, и теперь уже для того, чтобы побыть с сыном. А спустя год он забрал мальчика к себе. Мне, конечно, было жалко расставаться с крохой, но он должен был быть с Игорем, хотя бы, потому что он его отец. И ни я, ни Артур, никогда бы не смогли ему его заменить. Кроме того, пускай и, стараясь этого особо не показывать, папа сам очень привязался к малышу. Хотя бы, потому что как бы там ни было, а Антоша — всё-таки единственный кровный ребёнок от любимой женщины. Да и детский смех в доме, перемазанные шоколадом стены и разрисованная вареньем мебель — всё это не давало место скорби и тоске.

Константин и Оксана помирились. Не знаю, что и как было, но все дела в Испании, и в каких-либо ещё странах мира у отца Артура прекратились. Да и всякий раз, когда они приезжали к нам, они приезжали вместе. Окончательной точкой в чёрной полосе их отношений стала беременность Оксаны, через девять месяцев после которой у Артура появился ещё один братик. Вообще детьми небеса нашу семью наградили.

Шахновского осудили на двадцать один год тюремного заточения. Вместе с ним сгребли половину его сподручных, и в скором времени его компания перестала существовать.

Только через два с половиной года, когда Артур стал полностью свободным человеком, мы официально узаконили свои отношения. Свадьба была очень скромной, только все самые близкие, отметили в небольшом кафе. А буквально уже на следующий день уехали в другой город. Артур был прав, началась совсем другая жизнь. В кредит мы приобрели небольшую

двухкомнатную квартиру в спальном районе. Поначалу, когда Мируся ещё была маленькой, Артур работал сразу на двух работах. Потом, с боями, но всё-таки уговорив дочурку пойти в садик (где она сразу всех к стенке поставила, на что не раз жаловались воспитатели), я и сама смогла устроиться в небольшую программную конторку, да и Артур получил повышение, в общем, всё устаканилось. Конечно, мы не питались чёрной икрой, не ездили на дорогих иномарках, в роскоши одним словом не купались. Но кому это было нужно? Мируся была полностью поглощена построением своего диктаторского режима в садике. Артуру нравилась его работа, он был одержим стремлением самому всего добиться в этой жизни, причём добиться своим трудом. А я...я просто была счастливая. Счастлива рядом с дочуркой и любимым мужчиной, за которым, кстати, так и остались тринадцать с половиной не отработанных часов стриптиза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Папа, Герман сказал, что ты звонил и просил приехать. Что-то случилось?

Кэт, выслушай меня, пожалуйста, спокойно, хорошо?